

ISSN 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

ЭЛЕКТРОННОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

<http://www.voennoepravo.ru/magazinepravo>

3 (31)

2014

Редакционный совет

- Бут Н.Д.** доктор юридических наук, заведующая отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
- Воронов А.Ф.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации
- Зателепин О.К.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Военного университета Минобороны России
- Корякин В.М.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета Минобороны России
- Кудашкин А.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета Минобороны России
- Маликов С.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Военного университета
- Старцун В.Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета Минобороны России
- Субанова Н.В.** доктор юридических наук, доцент, заместитель директора НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
- Голкаченко А.А.** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия (РГУП), заслуженный юрист Российской Федерации
- Туганов Ю.Н.** доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист Российской Федерации

Редакция не ограничивает авторов и членов редакционного совета в возможности высказывания на страницах журнала «Военное право» своих научных воззрений, которые могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все публикуемые статьи проходят обязательное научное рецензирование. Перепечатка допускается только с согласия редакции. Все научные статьи, в том числе адъюнктов, аспирантов, соискателей, публикуются бесплатно.

«ВОЕННОЕ ПРАВО»
электронное научное издание
(<http://www.voennopravo.ru/magazinepravo>)
№ 3 (31) 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА:

Общетеоретические проблемы военного права

- Артамонова С.Н. Актуальные проблемы законодательного обеспечения деятельности органов военной юстиции России. 3
- Косиков К.А. Некоторые вопросы совершенствования законодательства, регламентирующего пограничную деятельность федеральной службы безопасности. 9
- Зорин О.Л., Томилов А.А. Правовое регулирование присвоения ученых званий военнослужащим за достижения в педагогической и научной деятельности в системе государственной аттестации. 15
- Шветова К.Г. Ограничения и запреты в структуре правового статуса военнослужащих. 27
- Кобакин М.В. Современные проблемы военно-правовых исследований социальной защиты военнослужащих. 39

Правовые основы организации обороны Российской Федерации, строительства Вооруженных Сил, руководства и управления ими. Воинская обязанность и военная служба в Российской Федерации.

- Вердян А.А. К вопросу об определении правового статуса военнослужащих, проходящих военную службу за пределами Российской Федерации. 57
- Соколова Е.В. О некоторых вопросах классификации источников повышенной опасности военного назначения. 66
- Согайянен А.А. Основные вопросы правового регулирования медицинского обеспечения подготовки и призыва на военную службу. 75
- Рыльская М.А. Особенности научно-практической идентификации понятия «внутренний вооруженный конфликт». 81

Проблемы юридической ответственности военнослужащих

- Лумпов Е.А. Ответственность военнослужащих органов федеральной службы безопасности за административные правонарушения. 90
- Карасев А.А. О содержании и месте института дисциплинарной ответственности военнослужащих в системе российского законодательства. 100

Проблемы организации борьбы с правонарушениями и обеспечение законности, укрепления воинской дисциплины и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации

- Дерешко Б.Ю. Некоторые вопросы правового регулирования духовно-нравственного воспитания в системе морально-психологического обеспечения деятельности в сфере обороны и безопасности. 107
- Бараненкова И.В. О необходимости систематизации норм, регулирующих противодействие коррупции в военных организациях. 114
- Шокот И.Ю. Некоторые аспекты профилактики коррупции на военной службе. 123
- Погорелов С.А. Реализация мер поощрения военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. 129
- Вахренева И.Н. Криминалистическая характеристика злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, и ее значение для расследования преступлений. 137

Военные проблемы международного права

- Кардаш И.Л. Служебно-боевая деятельность внутренних войск МВД России и международное гуманитарное право. 142

Военное законодательство зарубежных стран

- Матвийчук С.Б. Особенности ответственности военнослужащих Республики Беларусь за выполнение заведомо преступного приказа. 148

Издается с 2001 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл 77-4305 от 16.01.2001г.
Номер ISSN: 2074-1944
Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования.

Адрес редакции - 117342, г.Москва, ул.Бутлерова, д.40

Главный редактор
Кудашкин А.В.

Заместитель главного редактора
Белов В.К.

Учредитель и издатель -
Региональное общественное движение «За права военнослужащих»

Адрес в Интернете
[/www.voennopravo.ru/magazinepravo](http://www.voennopravo.ru/magazinepravo)

E-mail:
vpravo@mail.ru

Распространяется бесплатно

Материалы, опубликованные в издании, могут быть использованы в других изданиях только с разрешения редакции.

Артамонова С.Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

Artamonova S.N. Actual problems of the legislative ensuring activity of bodies of military justice of Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ РОССИИ*

В статье обозначаются актуальные правовые проблемы, связанные с законодательной регламентацией деятельности органов военной юстиции России. Отмечается насущная потребность в выявлении, изучении и реальном учете специфики осуществления правосудия в военной сфере. Особого внимания заслуживают предложения автора по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: военная юстиция, гарантии прав и свобод граждан, реформирование системы военного юстиции, концепция судебного права доктринальные особенности военного правосудия.

In article the actual legal problems connected with a legislative regulation of activity of bodies of military justice of Russia are designated. The pressing need in identification, studying and the real accounting of specifics of implementation of justice in the military sphere is noted. Author's proposals on the improvement of the existing Russian legislation are particularly noteworthy.

Keywords: military justice, the guarantees of the rights and freedoms of citizens, the reform of the military justice system, the concept of judicial law, doctrinal features of military justice.

Вот уже более двадцати лет Россия находится в состоянии глобальной правовой реформы, обусловленной ее интеграцией в русло общих демократических процессов мирового развития. Однако потребность в концептуальном обосновании переустройства институтов государственной власти России на качественно новых принципах взаимоотношений человека, общества и государства не уменьшается.

В 1991 г. Верховный Совет РСФСР одобрил Концепцию судебной реформы, считая ее необходимым условием функционирования России как демократического правового государства. В названном документе были намечены основные задачи и приоритетные направления реформирования судебной системы и родственных ей институтов¹.

В Конституции Российской Федерации 1993 г., закрепившей высшей ценностью человека и его права, независимая судебная власть стала рассматриваться в качестве одного из главных гарантов защиты этой ценности, а делу совершенствования судебной системы был дан мощный импульс. В гл. 1 и 7 Конституции Российской Федерации, а также в ряде других ее статей (например, в ст. 46-48) были закреплены ключевые принципы осуществления правосудия, созвучные международным стандартам и историческим традициям России: разделение властей, особая роль и функции судебной власти среди органов государственной власти, закрепление процессуальных форм осуществления правосудия, состязательность судопроизводства, право на квалифицированную юридическую помощь и на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей².

90-е годы прошлого столетия ознаменовались также коренным реформированием на новой идеологической основе отечественных органов военной юстиции. Закон определил военные суды как федеральные суды общей юрисдикции, осуществляющие судебную власть в Вооруженных Силах и других военных организациях государства, вывел военные суды из-под влияния органов исполнительной власти и военного командования, передав их штаты, вопросы обеспечения в Верховный Суд Российской Федерации и Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

---

* Рецензент – **В.М. Корякин**, доктор юридических наук.

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С.108 -109.

² Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.

Федерации³. С 1993 г. военные суды в порядке гражданского судопроизводства рассматривают жалобы военнослужащих на действия органов военного управления и воинских должностных лиц, нарушающих их права и свободы. По официальным данным, 85 % жалоб военнослужащих военными судами удовлетворяются⁴, что говорит как о действительно правозащитной направленности военного правосудия, так и об отсутствии отлаженного механизма реализации их законных прав.

Однако затянувшийся на долгие годы перманентный реформаторский процесс (реформа полиции, реформа пенитенциарной системы, либерализация уголовного законодательства, создание Следственного комитета Российской Федерации) происходят без четких институциональных ориентиров. Их отсутствие на доктринальном уровне часто ведет к достаточно спонтанному сочетанию устоявшихся советских конструкций, рассчитанных на решение совсем иных задач, с западными образцами, что, в конечном счете, по меткому выражению профессора Л.В. Головки, приводит к «катастрофическому институциональному хаосу»⁵. В результате на сегодняшний день, справедливо отмечает указанный автор, – все наше судоустройство представляет собой достаточно беспорядочный набор обломков дореволюционных пореформенных судебных конструкций, различных наслоений советского периода и не до конца продуманных «компромиссных» постсоветских нововведений.

Все чаще раздаются голоса о необходимости постановки еще одной фундаментальной задачи, удачно сформулированной Л.В. Головки как «институциональная нормализация»⁶. Речь идет об адекватном завершении переходного периода и вхождении в круг развитых правовых порядков, сориентированных на универсальные правовые ценности. Причем имеются в виду не идеологические ценности (права человека и т.д.), а ценности юридико-технические, без которых идеологические ценности применяться не могут и превращаются лишь в лозунги.

В полной мере все вышеуказанные проблемы имеют отношение и к законодательному обеспечению деятельности органов военной юстиции в последние десятилетия. Качественное изменение содержания деятельности органов военной юстиции, связанное с их преобразованием из органов уголовной репрессии в правозащитные, конституирование военных судов как специализированных судов общей юрисдикции, заметно обострили дискуссии и вокруг этого института.

Так, очевидной стала необходимость в научном осмыслении ряда правовых категорий, содержащихся в нормативной базе этого государственного института, включающего и само понятие «военная юстиция»⁷. Возникла насущная потребность во всестороннем выявлении, изучении и реальном учете специфики осуществления правосудия в военной организации государства, объективность которой все чаще стала ставиться обществом под сомнение. Диапазон тем публикаций, затрагивающих эту проблему, простирается от различных организационных и процессуальных ее аспектов до поднятия концептуальных вопросов о целесообразности деятельности военных судов и других органов военной юстиции в современной России, провозглашенной правовым государством. В научных кругах высказывается мнение, что их существование «ничем публично-полезным не оправдано» и объясняется лишь «косной традицией»⁸.

С 1 июля 2009 г. вступили в силу изменения, повлекшие замену военной службы государственной гражданской службой в военно-судебной системе России⁹. Рассматривается вопрос и об изменении статуса военной прокуратуры, а также военно-следственных органов, связанных с

---

³ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. ст. 1; Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170; Федеральный конституционный закон от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О судебном департаменте при Верховном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 58.

⁴ *Петроченков А.Я.* Становление и развитие системы военных судов (военных трибуналов) в России // *Российская юстиция.* 2009. № 1. С. 60.

⁵ *Головка Л.В.* Техническая модернизация или институциональная нормализация: в чем миссия юристов на современном этапе? // *Закон.* 2010. № 12. С.55-64.

⁶ Там же.

⁷ Федеральный закон от 3 декабря 1994 г. № 55-ФЗ «О некоторых вопросах организации и деятельности военных судов и органов военной юстиции» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3305.

⁸ *Синюков В.А.* Гражданское судопроизводство в военных судах России (на примере рассмотрения жалоб военнослужащих на неправомерные действия военного командования): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 10, 15.

⁹ Федеральный конституционный закон от 29 июня 2009 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» // РГ. 2009.29 июня.

переводом сотрудников этих структур с военной службы на гражданскую¹⁰. Такие меры по изменению традиционных принципов отлаженной системы комплектования российских органов военной юстиции, наметившиеся тенденции по свертыванию системы военно-юридического образования, вызвали крайнюю озабоченность у специалистов¹¹, усматривающих в них тенденцию к ликвидации отечественной военной юстиции как таковой.

Не разрешены многие вопросы, связанные с взаимодействием военных органов уголовного преследования, особенно на стадии предварительного расследования. Постоянно меняющееся уголовно-процессуальное законодательство, распространяющееся и на военнослужащих, отражает проблему отсутствия в правовой науке концептуального понимания сущности взаимодействия правоохранительных органов в период становления России как правового государства. Нуждается в осмыслении и очевидная, по мнению целого ряда авторов, традиционная «втянутость военной юстиции в политику»¹², не отвечающая принципу независимости судебной власти, и вопрос о допустимости отступлений от обычного порядка судопроизводства и судоустройства в чрезвычайных условиях. По-прежнему, не решена проблема, связанная с отсутствием в Российской Федерации законодательства военного времени, предусмотренного в ч. 3, ст. 331 УК РФ.

Проблемы, связанные с деятельностью органов военной юстиции в нашей стране, обоснованно находятся в центре внимания общественности не одну сотню лет, на протяжении которых термин «военная юстиция» устойчиво бытует в многочисленных работах, как современных исследователей, так и теоретиков и практиков прошлого. Однако четкого определения самого этого термина, которое бы не только выражало сущность этого общественного явления, но и было бы применимо к любой исторической эпохе, в юридической литературе встретить трудно. Даже в рамках одной исторической эпохи – советской, но разных ее периодов имело место многообразие определений военной юстиции. Так, в 40-х годах XX столетия известный военный ученый М.С. Строгович определял ее в широком смысле как систему военно-судебных учреждений, включающую как военные суды, так и другие связанные с ними и участвующие в их деятельности органы – военную прокуратуру, органы предварительного расследования и даже органы военно-судебного управления; а в узком смысле – только как систему военных судов¹³. В советской же военной энциклопедии 80-х годов значение военной юстиции определяется как «составная часть советской системы судов и органов прокуратуры»¹⁴.

Не способствует формированию единого отношения к определению военной юстиции и двоякий смысл, придаваемый справочной литературой термину «юстиция», трактуемого и как правосудие, и как суд или система судебных учреждений¹⁵. Исходя из современных представлений о правосудии как о разрешении социально-политических конфликтов в обществе¹⁶ и о суде как органе, осуществляющем в специфической процессуальной форме функцию социально-политического арбитража¹⁷, можно констатировать, что приведенная выше трактовка демонстрирует правомерность существования двух основных подходов к определению понятия юстиции. Первый рассматривает юстицию как деятельность, раскрывая ее содержательный функциональный аспект, а второй – как субъект этой деятельности, акцентируя на организационном моменте. Противопоставление этих двух представлений о юстиции представляется нецелесообразным, поскольку каждый из них берет за

---

¹⁰ <http://www.echo.msk.ru/news/802759-echo.html>

¹¹ См., например: Харитонов С.С. И все же - нужны или не нужны армии военные юристы? // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 5. С. 95-96.

¹² Выжуртович В. Юстиция без погон // Новые известия. 2006. 3 августа; Рябцева Е.В. Изменение компетенции присяжных заседателей: история повторяется // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 52-53.

¹³ Строгович М.С. Основные принципы организации советской военной юстиции // Труды военно-юридической академии Красной армии. Т.5. М., 1945. С. 17.

¹⁴ Советская военная энциклопедия. М., 1980. С. 643.

¹⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М. 1986. С. 793; Советский энциклопедический словарь. М., 1986. С. 1577.

¹⁶ Чиркин В.Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. 1990. № 8. С. 9.

¹⁷ Шейфер С.А. Понятие и взаимоотношение судебной, прокурорской и следственных властей // В кн: Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. Самара, 1991. С. 59.

основу один из двух ключевых моментов, образующих неразрывное единство рассматриваемого объекта. Поэтому для правильного определения понятия военной юстиции необходимо рассмотреть все грани этого явления в их взаимосвязи.

При этом автору представляется, что акцентирование внимания на последней составляющей исследуемого явления нецелесообразно. В различные исторические периоды развития государства его правосудная деятельность в войсках может осуществляться различными составными частями государственного механизма: общегосударственными судебными структурами, или их составными частями; специализированными подсистемами государственных органов, имеющими свои особые задачи и принципы организации, или построенными на началах схожих с общими. Нестабильный состав элементов, организующих военную юстицию, в конечном счете, и обуславливает представленное выше разнообразие формулировок, уводит от сути этого правового явления.

В то же время нельзя забывать и о том, что та или иная организационная форма военной юстиции, как внешняя (место в системе органов государственной власти), так и внутренняя (военное судостроительство), является лишь способом выражения ее содержания. Она определяется характером правосудной деятельности в военной сфере в данный исторический период, определяемым через анализ специфики процессуальных форм этой деятельности (если она есть – военное судопроизводство), которая, в конечном счете, зависит от степени соответствия целей и задач этой деятельности назначению правосудия в государстве вообще. При этом стоит отметить, что, как правило, степень этого соответствия становится очевидной при анализе организационной формы военной юстиции, придаваемой ей в период коренного реформирования, поскольку именно в этот период государство пытается привести в соответствие форму и содержание рассматриваемого института, постепенно утрачиваемое с течением времени. При таком подходе наиболее плодотворным представляется определить военную юстицию как государственно-правовой институт, отражающий специфику осуществления правосудия в военной организации государства.

Осуществление глобальной правовой реформы в нашей стране совпадает с возрождением так называемого цивилизационного подхода к государственно-правовым явлениям общественной жизни. В результате такого подхода происходит переосмысление основ правосудной деятельности государства, правозащитное назначение которой теперь напрямую связывается с необходимостью соблюдения ее процессуальной формы, выполняющей гарантирующую функцию¹⁸.

В этой связи особый интерес представляет концепция судебного права, суть которой может быть представлена в виде теоретической конструкции, рассматривающей организацию суда и юридический процесс в их непосредственной взаимосвязи. Это позволяет увидеть не только сходство задач правосудия и целей правосудной деятельности, но и родство юридической природы процесса, основных принципов судостроительства и судопроизводства. «Задача суда во всех трех процессах, отмечал в свое время В.А. Рязановский, – установить право, в случае надобности охранить его и осуществить. Право, которое должен установить суд, может быть различно: субъективное гражданское право, субъективное публичное право, право государства на наказание. Вследствие этого, в зависимости от содержания и свойства материальных прав, должны быть проведены и известные различия в организации процесса, но задача суда во всех указанных случаях должна быть одной и той же. Если суд должен установить право, если установление права и охрана его в борьбе с неправдой и составляет задачу правосудия, то в соответствии с этой задачей, целью (постулатом) процесса, всякого процесса, является достижение материальной истины, т.е. соответствия решения норме права (правомерность) и действительным обстоятельствам дела (материальная правда в узком смысле). И суд должен быть поставлен в такое положение, чтобы он мог достичь этой цели, т.е. процесс должен быть организован соответствующим для достижения материальной истины образом, сохраняя при этом, конечно, важнейшее приобретение современного правового государства – права личности»¹⁹.

В современный период, несмотря на активное развитие иного, «широкого» понимания «процесса», пытающегося отождествить его с процедурными моментами всякой юридической деятельности, а не только правосудной²⁰, теория судебного права, а в рамках него и теория процесса,

---

¹⁸ Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996; Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука. СПб., 1908; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884.

¹⁹ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 31.

²⁰ В частности: Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшнева. М., 1976.

продолжает совершенствоваться. Вслед за работами Н.Н. Полянского²¹, М.С. Строговича²² современные исследователи²³ обосновывают традиционное, сложившееся еще в дореволюционный период «узкое» понимание юридического процесса. Согласно ему в «процесс» входит только часть процедурно-урегулированного правоприменения, а именно то, которое обладает исключительным (юрисдикционным) характером и относится к содержанию охранительного правоотношения²⁴. Юридический процесс же рассматривается как особая форма государственной деятельности, исторически возникшая из необходимости с помощью специальных юридических средств упорядочить определенную часть отношений, опосредующих разрешение и устранение аномальных, конфликтных проявлений материальных отношений. В результате действия законов дифференциации и специализации данная форма деятельности стала осуществляться так называемыми юрисдикционными, главным образом судебными органами, что стало возможным в результате существенного завоевания сил демократии и прогресса²⁵.

Особое внимание в юридической литературе уделяется специфике общественных отношений, возникающих в процессе осуществления правосудия. Среди качественных особенностей этих отношений чаще всего выделяют особый субъектный состав и содержание, связанных с участием в процессуальных отношениях суда – особого органа государства, отличающегося от других правоохранительных органов своей правовой природой, местом в системе органов государства и механизме правового регулирования, стоящими перед ним задачами, принципами, формами и методами деятельности. Так, С.С. Алексеев отмечал: «именно потому, что государственное принуждение является особым средством воздействия, касается прав личности, и возникает необходимость особого («процессуального») регулирования деятельности юрисдикционных и связанных с ними субъектов. Отсюда те, отмеченные в литературе черты процессуальной формы, которые наиболее гарантируют установление истины и охрану прав заинтересованных лиц, в максимальной степени приспособлены для обеспечения правового принуждения и которые поэтому выражаются в сложной процедуре, детальной и тщательной регламентации совершения юридических действий»²⁶.

Сторонники концепции судебного права считают, что в настоящее время, когда российская судебная система столь длительный период находится в процессе глобального реформирования, было бы целесообразным принятие правового акта, регулирующего наиболее общие вопросы судоустройства и судопроизводства. Этот шаг позволил бы закрепить фундаментальные ценности правосудия и правового общества, тем самым способствуя «институциональной нормализации» переходного периода развития российской государственности новейшего времени. Так, например, Э.М. Мурадян справедливо считает, что «существуют задачи, решение которых оптимально на уровне не процессуальных кодексов, а основ судебного законодательства (единого судебного закона). Иначе есть опасность размывания фундаментальных ценностей, эрозии правосудия, рассогласованных и потому неисполнимых судебных актов»²⁷.

По мнению автора, к числу таких задач судебной власти в Российской Федерации относится и решение вопроса о возможности существования самостоятельного вида судебного процесса (или некоторых элементов самостоятельности, присущей производствам по этой категории дел), соответствующего самостоятельной подсистеме военных судов и других органов военной юстиции (Военной прокуратуры, Главного военного следственного управления Следственного комитета

---

²¹ Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М, 1927.

²² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 13.

²³ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991; Погодин А.В. Процессуальные правовые отношения: теоретические и методологические вопросы. Дис... канд. юрид. наук. Казань, 1991.

²⁴ Там же. С. 71. (Наименование *охранительных правоотношений* получили в литературе материально-правовые отношения, в рамках которых происходит защита интересов, а также реализация мер юридической ответственности и других мер принуждения. Они являются объектом процессуального воздействия государства, т.е. его деятельности, направленной на борьбу с правонарушениями и другими аномальными проявлениями общественных отношений. Там же.)

²⁵ Погодин А.В. Указ. соч. С. 50.

²⁶ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 123.

²⁷ Мурадян Э.М. Судебное право. Спб., 2007. С.12.

Российской Федерации, Военной полиции). Ее решение связано с законодательным определением наличия принципиальных особенностей правовой природы воинских правоотношений, предполагающих соответствующую специализацию в этой сфере.

В этой связи, в целях совершенствования современной системы военной юстиции предлагается поддержать отмеченное выше мнение и в рамках единого судебного акта об основах судебного законодательства Российской Федерации (в форме федерального конституционного закона «Об основах правосудия в Российской Федерации») предусмотреть главу, определяющую особенности деятельности системы военной юстиции, включающей военные суды, военную прокуратуру, военно-следственные органы и военную полицию, а именно доктринальные особенности военного правосудия и принципы, касающиеся допустимости отступлений от обычного порядка судопроизводства и судоустройства в чрезвычайных условиях и в условиях военного времени.

Библиографический список:

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971
2. Головкин Л.В. Техническая модернизация или институциональная нормализация: в чем миссия юристов на современном этапе? // Закон. 2010. № 12. С.55-64.
3. Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука. СПб., 1908.
4. Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007.
5. Петроченков А.Я. Становление и развитие системы военных судов (военных трибуналов) в России // Российская юстиция. 2009. № 1.
6. Погодин А.В. Процессуальные правовые отношения: теоретические и методологические вопросы. Дис... канд. юрид. наук. Казань, 1991
7. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
8. Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996.
9. Рябцева Е.В. Изменение компетенции присяжных заседателей: история повторяется // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 52-53.
10. Синюков В.А. Гражданское судопроизводство в военных судах России (на примере рассмотрения жалоб граждан военнослужащих на неправомерные действия военного командования): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
11. Строгович М.С. Основные принципы организации советской военной юстиции // Труды военно-юридической академии Красной армии. Т.5. М., 1945.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884.
13. Харитонов С.С. И все же - нужны или не нужны армии военные юристы? // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 5. С. 95-96.
14. Чиркин В.Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. 1990. № 8.
15. Шейфер С.А. Понятие и взаимоотношение судебной, прокурорской и следственных властей // В кн: Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. Самара, 1991.

Косиков К. А., соискатель ученой степени кандидата юридических наук, адъюнкт войсковой части 2462, (e-mail: kirillkosikov@rambler.ru)

Kosikov K. A., the applicant the degree of candidate of legal Sciences, an associate of the military unit 2462 (e-mail: kirillkosikov@rambler.ru)

Некоторые вопросы совершенствования законодательства, регламентирующего пограничную деятельность федеральной службы безопасности²⁸

В статье рассмотрен ряд теоретических положений по правовому обеспечению деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности. Обоснованы направления правового закрепления дефиниции «пограничная деятельность» в российском законодательстве.

Ключевые слова: правовые основы, пограничные органы федеральной службы безопасности, пограничная деятельность, российское законодательство, охрана государственной границы.

Some issues of improvement of legislation regulating border activities of the federal security service.

The article considers a number of theoretical positions on the legal support of the activity of the border authorities of the Federal security service. The directions of the legal consolidation of a definition of «cross-border activities» in the Russian legislation.

Keywords: the legal framework, the border authorities of the Federal security service, border activities, Russian legislation, the protection of the state border.

На сегодняшний день правовые основы деятельности пограничных органов на законодательном уровне составляют нормы более 20 законов. Важнейшими из них являются: Конституция Российской Федерации; Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации»; кодексы Российской Федерации – уголовный (УК РФ), уголовно-процессуальный (УПК РФ), об административных правонарушениях (КоАП РФ); Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации»; федеральные законы – «О безопасности», «О федеральной службе безопасности», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О беженцах» и другие.

Законодательство о пограничной деятельности, являясь элементом системы высшего порядка, а именно законодательства о национальной безопасности Российской Федерации, несет в себе груз противоречий, заложенных в 90-е годы прошлого века. Необходимо отметить, что еще в 2005–2007 годах в своих многочисленных работах доктор юридических наук В.Е. Проничев подробно обозначил спектр проблем правового обеспечения пограничной деятельности, а также определил задачи по их устранению²⁹. С тех пор произошел ряд определенных изменений. Незначительная часть нормативных правовых актов была приведена в соответствие с требованиями времени и Конституции Российской Федерации, однако по ключевым позициям положение осталось прежним.

Первая проблема – это загруженность правовой системы законами³⁰. Так, в период с 1938 по 1988 гг. было принято всего около ста законов³¹. По оценкам В.Е. Чеканова, в настоящее время правовую основу обеспечения национальной безопасности России составляют более 250 законов и около 1000 подзаконных нормативных правовых актов, в том числе ведомственных³².

---

²⁸ Рецензент – Туганов Ю.Н., д.ю.н., доцент.

²⁹ Проничев В.Е. Правовые основы совершенствования пограничной деятельности // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 2. С. 34-39.

³⁰ Матузов Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. №3 (24). С. 6.

³¹ Тихомиров Ю.А. Закон, притязание, стабильность, коллизии / Материалы научно-теоретической конференции «Какими быть законам XXI века?» // Журнал российского права. 2001. № 3. С.21.

³² Чеканов В.Е. Некоторые проблемы развития военно-юридической науки и образования на современном этапе. Возможные пути их решения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2010. №1(151). С. 3.

Изложенное актуализирует первую задачу, которая состоит в систематизации законодательства о пограничной безопасности страны, на основе современных достижений теории права и военно-юридической науки.

Вторая проблема видится в отсутствии единого понятийного аппарата как в науке, так и в законодательстве о национальной безопасности России³³. В этой связи В.В. Бараненков справедливо отмечает: «Терминологическая неопределенность затрагивает и сферу деятельности федеральной службы безопасности, поскольку в нормотворческой и правоприменительной деятельности, в научной литературе в отношении федеральной службы безопасности и входящих в нее организаций применяется значительное количество терминов, весьма часто не соответствующих законодательству»³⁴.

Изначально следует отметить, что на сегодняшний день в федеральном законодательстве нет лаконичного легального определения термина «пограничная деятельность». Данный вид деятельности впервые был закреплён в российском законодательстве после внесения в 2003 году изменений в Федеральный закон «О федеральной службе безопасности». При этом данная правовая дефиниция означает направление деятельности органов федеральной службы безопасности, которое, в свою очередь, раскрывается через другие направления³⁵.

Так, «направлениями пограничной деятельности являются:

защита и охрана Государственной границы Российской Федерации в целях недопущения противоправного изменения прохождения Государственной границы Российской Федерации, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима Государственной границы Российской Федерации, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации»³⁶;

защита и охрана экономических и иных законных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, а также охрана за пределами исключительной экономической зоны Российской Федерации запасов анадромных видов рыб, образующихся в реках Российской Федерации»³⁷.

Применяя формально-юридический метод, перейдем к исследованию конкретных противоречий в положении законодательства, раскрывающего содержание пограничной деятельности.

Анализ перечисленных направлений пограничной деятельности показывает, что представленная правовая дефиниция:

во-первых, не дает четкого и однозначного определения понятию «пограничная деятельность». Законодатель не раскрывает содержания данного термина, а лишь перечисляет направления пограничной деятельности. При этом остальные виды деятельности федеральной службы безопасности в данном законе раскрываются достаточно подробно (например, контрразведывательная деятельность; борьба с преступностью и террористической деятельностью; разведывательная деятельность)³⁸;

во-вторых, закрепленные в законодательстве направления пограничной деятельности, не позволяют отделить их от иных направлений деятельности федеральной службы безопасности, например от разведывательной, контрразведывательной деятельности, а также от борьбы с преступностью и

---

³³ Опалев А.В. О некоторых базовых категориях закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации / в кн.: ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий // под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. М., 2006. С. 203-210.

³⁴ Бараненков В.В. Состав и структура федеральной службы безопасности (проблемы правовой терминологии) / в кн.: ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий // под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. М., 2006. С.192.

³⁵ О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ : принят Гос. Думой 22 фев. 1995 г. : по сост. на 25 дек. 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 15, ст. 1269.

³⁶ См. об этом, напр.: Туганов Ю.Н., Коляда В.А. О некоторых особенностях защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации // Самоуправление. 2013. №3.С.15-17.

³⁷ О федеральной службе безопасности: федер. закон. Ст. 11.1.

³⁸ О федеральной службе безопасности: федер. закон. Ст. ст. 9, 9.1, 10, 11, 11.2.

терроризмом. Так, в ст. 30 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» установлено, что в целях охраны государственной границы пограничные органы «проводят войсковую, разведывательную, контрразведывательную, оперативно-розыскную, режимно-пропускную и военно-техническую деятельность»³⁹, т.е. формально в содержание пограничной деятельности входят виды деятельности, нормативно закрепленные как отдельные направления деятельности органов безопасности. Данные противоречия явно представляют правовую коллизию;

в-третьих, в Федеральном законе пограничная деятельность выделена как одно из направлений деятельности органов безопасности. При этом в дальнейшем (ст. 11.1) законодатель раскрывает ее содержание также через направления, что является нарушением принципов логики.

В модельном законе СНГ «О пограничной безопасности» закреплено понятие пограничной деятельности как системы мер, «осуществляемой государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, общественными объединениями и гражданами, направленной на обеспечение безопасности государства в пограничной сфере»⁴⁰. Однако данное определение противоречит национальным законодательствам многих государств, входящих в Содружество.

Так, сравнительно-правовой анализ основных законов Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, регулирующих общественные отношения в пограничной сфере показал⁴¹:

во-первых, пограничную деятельность (охрану государственной границы) осуществляют специальные уполномоченные государственные органы (в Российской Федерации – пограничные органы; в Республике Беларусь – органы пограничной службы; в Республике Казахстан – Пограничная служба Комитета национальной безопасности Республики Казахстан)⁴²;

во-вторых, специальные уполномоченные государственные органы осуществляют охрану границы, как правило, в пределах приграничной территории;

в-третьих, органы местного самоуправления, организации и общественные объединения не осуществляют пограничную деятельность, а, в основном, оказывают помощь пограничным органам и создают условия для участия граждан на добровольных началах в охране (защите) границы. При этом граждане участвуют на добровольных началах в охране (защите) государственной границы⁴³.

Таким образом, проведенный анализ содержащегося в нормах законов понятия «пограничная деятельность» наглядно показывает, что оно не в полной мере отвечает правовым критериям определенности, ясности и недвусмысленности, а также нарушают формальные законы логики. Данное положение является существенной *правовой коллизией*, так как отдельные нормы Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и Федерального закона «О федеральной службе безопасности» находятся в явном противоречии.

Для разрешения выявленного противоречия применим такие общенаучные методы исследования как абстрагирование и метод единственного сходства (один из методов индукции)⁴⁴.

---

³⁹ О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 1 апр. 1993 г. № 4730-1: по сост. на 25 июня 2012 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993 г. № 17. ст. 594.

⁴⁰ Модельный закон «О пограничной безопасности»: принят на тридцать пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ: постановление от 28 октября 2010 г. № 35-10 // URL: <http://belarus.news-city.info/docs/2010by/crxfnm-tcgkfnj12247.htm> (дата обращения 20.03.2014).

⁴¹ См.: О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ; О Государственной границе Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-З: принят Палатой представителей 27 июня 2008 г. : одобрен Советом Республики 28 июня 2008 г.: по сост. на 25 ноября 2011 // URL: [HTTP://WWW.PRAVO.BY/MAIN.ASPX?GUID=3871&P2=2/1516](http://WWW.PRAVO.BY/MAIN.ASPX?GUID=3871&P2=2/1516) (дата обращения 21.03.2014); О Государственной границе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 16 января 2013 г. № 70-V ЗРК: по сост. на 22 июля 2013 г. // Казахстанская правда. – 2013. – 22 января.

⁴² О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ. Ст. 3; О Государственной границе Республики Казахстан. Ст. 7; О Государственной границе Республики Беларусь. Ст. 6.

⁴³ О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ. Ст. 37-38; О Государственной границе Республики Беларусь. Ст. 19; О Государственной границе Республики Казахстан. Ст. 62, 76-77.

⁴⁴ Прим. автора: *абстрагирование* заключается в мысленном отвлечении от каких-то – менее существенных – свойств, сторон, признаков изучаемого объекта с одновременным выделением, формированием одной или нескольких существенных сторон, свойств, признаков этого объекта; *метод единственного сходства* заключается в том, что во всех случаях наблюдения какого-то явления обнаруживается лишь один общий фактор, все другие – различны; следовательно, этот единственный сходный фактор есть причина данного явления.

Если исходить из того, что общим признаком («фактором») пограничной деятельности являются основные задачи, решаемые пограничными органами в ходе ее осуществления, то становится понятной логика законодателя, закрепившего существующие в законодательстве определения. Однако историко-правовой анализ деятельности отечественного пограничного ведомства, проведенный учеными В.И. Боярским, А.В. Высотенко, Т.В. Ивановой, А.А. Некрасовым показывает, что в отдельные исторические периоды на пограничные структуры возлагались различные задачи: осуществление погранично-таможенного надзора; борьба с контрабандой и бандитизмом; охрана тылов воюющей армии; охрана границы на море и др.⁴⁵. При этом во всех исторических периодах у них неизменной оставалась одна задача – охрана государственной границы.

В этой связи автор придерживается позиции доктора юридических наук В.Е. Проничева о том, что общим «фактором» дефиниции «пограничная деятельность» являются не задачи, решаемые пограничными органами в конкретный исторический период, а понятие «государственная граница», которое и должно предопределять смысл и содержание названной деятельности»⁴⁶.

Термин «Государственная граница Российской Федерации»⁴⁷ определяется в Законе Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации». Очевидно, исходя из данного определения, можно утверждать, что пограничная деятельность должна осуществляться только на государственной границе и приграничной территории. Но, тогда из пространственных пределов осуществления пограничной деятельности выпадают исключительная экономическая зоны, зона континентального шельфа Российской Федерации, а также районы запасов анадромных видов рыб, образующихся в реках Российской Федерации. При этом задачи, решаемые пограничными органами в данных районах, установлены нормативными правовыми актами, не имеющими прямого отношения к охране государственной границы⁴⁸.

Следовательно, деятельность пограничных органов в указанных пространствах не имеет прямого отношения к охране государственной границе, а осуществляется ими с соответствие с установленными нормативными правовыми актами. Более подробно данная деятельность пограничных органов исследована в работах А.А. Кукара, Е.А. Свиных, О.Ю. Тарасенко⁴⁹.

---

⁴⁵ Высотенко А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской империи Отдельным корпусом пограничной стражи: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 276 с.; Иванова Т.В. Совершенствование пограничного и таможенного надзора в пунктах пропуска через европейскую границу Российской империи (1893-1914 гг.): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 263 с.; Погранология: исторические основы: монография / В.И. Боярский, А.А. Некрасов [и др.]. М., 2002. 346 с.

⁴⁶ Проничев В. Е. Указ. соч. С. 38.

⁴⁷ «Государственная граница Российской Федерации (далее – Государственная граница) есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации». См.: О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ. Ст. 1.

⁴⁸ Об исключительной экономической зоне Российской Федерации: федер. закон от 17 дек. 1998 г. № 191-ФЗ: принят Гос. Думой 18 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 дек. 1998 г.: по сост. на 3 дек. 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51, ст. 6273; О континентальном шельфе Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 1995 г. № 187-ФЗ: принят Гос. Думой 25 окт. 1995 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 окт. 1995 г.: по сост. на 3 дек. 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 49, ст. 4694; О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федер. закон Российской Федерации от 20 дек. 2004 г. № 166-ФЗ: принят Гос. Думой 26 нояб. 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 2004 : по сост. на 3 дек. 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52, ч. 1, ст. 5270; О мерах по обеспечению охраны морских биологических ресурсов и государственного контроля в этой сфере: указ Президента Рос. Федерации от 29 авг. 1997 г. № 950 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 35, ст. 4060; О ратификации Конвенции о сохранении запасов анадромных видов в северной части Тихого океана: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 4 нояб. 1992 г. № 3799-1. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Дата обновления: 20.02. 2009; О дополнительных мерах по сохранению живых ресурсов и защите рыбохозяйственных интересов Российской Федерации в Охотском море: постановление Совета Министров – Правительства Рос. Федерации от 22 сент. 1993 г. № 962 // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. № 40, ст. 3857 и др.

⁴⁹ Кукар А.А. Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации в прибрежных морских пространствах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 326 с.; Свиных Е.А. Правовое регулирование деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности Российской Федерации и Береговой охраны США как органов охраны морских живых ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 169 с.; Тарасенко О.Ю. Административно-правовое регулирование деятельности пограничных органов ФСБ России по охране морских биологических ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 181 с.

Таким образом, пограничную деятельность, обозначенную в законодательстве как направление деятельности органов федеральной службы безопасности следует заменить на собственно «пограничную деятельность» и на «деятельность по осуществлению государственного контроля в сфере охраны живых ресурсов».

Исходя из логики рассуждений дефиницию «пограничная деятельность» следует изложить в следующей редакции: «Пограничная деятельность – деятельность, осуществляемая органами федеральной службы безопасности и (или) их подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений посредством проведения войсковых, разведывательных, контрразведывательных, оперативно-разыскных, режимно-пропускных, уголовно-процессуальных, административно-процессуальных и военно-технических мероприятий в целях недопущения противоправного изменения прохождения государственной границы, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации».

Соответственно, «Деятельность по осуществлению государственного контроля в сфере охраны живых ресурсов – деятельность, осуществляемая органами федеральной службы безопасности и (или) их подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений по осуществлению контроля выполнением всеми юридическими лицами и гражданами требований законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации при использовании живых ресурсов». Возможно, определение деятельности федеральной службы безопасности в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе требует дополнительного обоснования учеными – специалистами в данной области деятельности.

Таким образом, предлагаемая дефиниция «пограничная деятельность» будет соответствовать правовым нормам Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», требованиям законов логики и отвечать правовым критериям определенности и ясности.

Библиографический список

1. Бараненков, В.В. Состав и структура федеральной службы безопасности (проблемы правовой терминологии) / В. В. Бараненков // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. – М. : Эксмо, 2006. – 592 с. – С.192.
2. Высотенко, А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской империи Отдельным корпусом пограничной стражи: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Высотенко. – М., 2004. – 276 с.;
3. Иванова, Т.В. Совершенствование пограничного и таможенного надзора в пунктах пропуска через европейскую границу Российской империи (1893-1914 гг.): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук / Т.В. Иванова. – М., 2002. – 263 с.;
4. Кукар, А.А. Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации в прибрежных морских пространствах: дис. ... канд. юрид. наук / А.А.Кукар. – М., – 2004. – 326 с.;
5. Матузов, Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания / Н.И. Матузов // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. – №3 (24). – С. 6.
6. Опалев, А.В. О некоторых базовых категориях закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации / в кн.: ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий / А.В. Опалев // под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. – М., 2006. – С. 203-210.
7. Погранология: исторические основы: монография / В.И. Боярский, А.А. Некрасов [и др.]. – М., 2002. – 346 с.
8. Проничев, В.Е. Правовые основы совершенствования пограничной деятельности / В.Е. Проничев // Право в Вооруженных Силах. – 2006. – № 2. – С. 34-39.
9. Свиных, Е.А. Правовое регулирование деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности Российской Федерации и Береговой охраны США как органов охраны морских живых ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Свиных. – М., 2005. – 169 с.;

10. Тарасенко, О.Ю. Административно-правовое регулирование деятельности пограничных органов ФСБ России по охране морских биологических ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук / О.Ю. Тарасенко. – М., 2005. – 181 с.

11. Тихомиров, Ю.А. Закон, притязание, стабильность, коллизии / Материалы научно-теоретической конференции «Какими быть законам XXI века?» / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2001. – № 3. – С.21.

12. Туганов Ю.Н., Коляда В.А. О некоторых особенностях защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации // Самоуправление. 2013. №3.С.15-17.

13. Чеканов, В.Е. Некоторые проблемы развития военно-юридической науки и образования на современном этапе. Возможные пути их решения / В.Е. Чеканов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2010. – №1(151). – С. 3.

Зорин О.Л., кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела научно-исследовательского центра военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), подполковник

olozor06@rambler.ru

Томилов А.А., кандидат военных наук, профессор военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

Zorin O.L., candidate of juridical science, senior lecturer of the Air Force Academy (Voronezh), lieutenant-colonel, olozor06@rambler.ru

Tomilov A.A., candidate of military science, professor of the Air Force Academy (Voronezh)

Правовое регулирование присвоения ученых званий военнослужащим за достижения в педагогической и научной деятельности в системе государственной аттестации⁵⁰

Legal regulation of military men academic ranks awarding for pedagogical and scientific activity in state certification system

Ключевые слова: ученое звание, военнослужащий

Аннотация: в статье проводится анализ нового порядка присвоения ученых званий профессора и доцента военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации.

Abstract: the new procedure of awarding of professor and senior lecturer academic ranks to the Russian Federation Military Forces servicemen is analysed in the article.

Keywords: academic rank, servicemen

В современных условиях динамичного развития законодательства в рамках модернизации российского образования и науки возникает необходимость реформирования системы аттестации научных и научно-педагогических кадров, в том числе в военных образовательных организациях высшего образования, образовательных организациях дополнительного профессионального образования и научных организациях Министерства обороны Российской Федерации.

В соответствии со статьей 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» государственная система научной аттестации предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий доцента и профессора. Этой же статьей также определено, что порядок присвоения ученых званий доцента и профессора, в том числе критерии присвоения ученых званий, требования к лицам, претендующим на присвоение ученых званий, порядок рассмотрения аттестационных дел на присвоение ученых званий, основания и порядок лишения, восстановления ученых званий устанавливаются Правительством Российской Федерации.

На основании указанного закона издано Постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139 «О порядке присвоения ученых званий» (далее – Постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139) (вступило в силу с 1 января 2014 г.), которым утверждено новое Положение о присвоении ученых званий (далее – Положение). В связи с этим, прежнее Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2002 г. № 194 «Об утверждении Положения о порядке присвоения ученых званий» признано утратившим силу.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139 установлено ряд новелл:

---

⁵⁰ Рецензент: Кудашкин А.В., д.ю.н., профессор.

– присвоенное ранее ученое звание старшего научного сотрудника, доцента по кафедре соответствует ученому званию доцента, ученое звание профессора по кафедре – ученому званию профессора;

– документы о присвоении ученых званий, лишении и восстановлении ученых званий, поступившие в Министерство образования и науки Российской Федерации до 1 сентября 2013 г., рассматриваются в порядке, действовавшем до вступления в силу настоящего постановления, но не позднее 1 января 2014 г.;

– ученые звания присваиваются только по научным специальностям в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников⁵¹, которая утверждается Министерством образования и науки Российской Федерации⁵² (далее – Минобрнауки РФ);

– ученые звания присваиваются Министерством образования и науки Российской Федерации на основании аттестационных дел соискателей без участия Высшей аттестационной комиссии (далее – ВАК) при Минобрнауки РФ, что подтверждается аттестатом о присвоении ученого звания доцента или ученого звания профессора;

– определены новые критерии присвоения ученых званий и требования к лицам, претендующим на присвоение ученых званий по научным специальностям;

– продолжительность процедуры рассмотрения аттестационных дел соискателей ученых званий – не более 6 месяцев (при проведении дополнительной экспертизы – 9 месяцев);

– в случае отказа в присвоении звания повторное представление соискателя к нему возможно не ранее чем через 1 год;

– приказ о присвоении звания (отказе в этом) размещается на сайте Минобрнауки РФ и в федеральной информационной системе государственной научной аттестации (со дня ее создания, но не ранее 1 января 2014 г.);

– определены основания лишения и восстановления ученых званий;

– не предусмотрена процедура апелляции на решения о присвоении, лишении, восстановлении ученых званий;

– решения о лишении и восстановлении званий можно обжаловать в суд.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139 указаны организации, имеющие право представлять в Министерство образования и науки Российской Федерации аттестационные документы для присвоения ученых званий, а именно:

1) образовательные организации высшего образования, реализующие образовательные программы высшего образования, имеющие государственную аккредитацию, и (или) программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки на базе высшего образования;

2) организации дополнительного профессионального образования, реализующие программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки на базе высшего образования;

3) научные организации, реализующие образовательные программы высшего образования, имеющие государственную аккредитацию, и (или) программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки на базе высшего образования, в которых проходят военную службу по контракту военнослужащие, претендующие на присвоение ученых званий.

В Минобороны России к таким организациям относятся военные образовательные организации высшего образования, образовательные организации дополнительного профессионального образования и научные организации.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с п. 5 Положения ученые звания могут быть присвоены военнослужащим (научным или научно-педагогическим работникам) при ряде условий: 1) которые осуществляют педагогическую и научную (научно-исследовательскую) деятельность в организациях; 2) обладают высоким педагогическим мастерством; 3) имеют глубокие профессиональные знания и научные достижения; 4) отвечают требованиям к лицам, претендующим

---

⁵¹ Научная специальность – это устойчиво сформировавшаяся сфера исследований, включающая определенное количество исследовательских проблем по одной научной дисциплине, включая область ее применения (*Шаршунов В.А., Гулько Н.В.* Как подготовить и защитить диссертацию: история, опыт, методика и рекомендации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aspirinby.org>).

⁵² Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников».

на присвоение им ученых званий и соответствуют критериям присвоения ученых званий, о чем более подробно остановимся далее.

То есть ученые звания являются с одной стороны, формой аттестации научно-педагогических работников и в то же время, ученое звание профессора или доцента подтверждает определенный уровень профессиональных достижений и высокий уровень научных и педагогических компетенций лица, которое ими обладает.

Рассмотрение вопроса о представлении военнослужащего к ученому званию осуществляется на заседании коллегиального органа управления (ученого, научного, научно-технического совета или иного коллегиального органа управления, уполномоченного на решение таких вопросов) организации, в которой проходит военную службу по контракту соискатель ученого звания. При положительном решении ученого совета организация представляет его к присвоению ученого звания. Например, в военной образовательной организации представление соискателей ученых званий должно осуществляться ученым советом этой организации по рекомендациям научно-педагогических и научных коллективов (филиалов, центров, факультетов, кафедр, научно-исследовательских подразделений) в условиях, обеспечивающих всестороннее и объективное выявление профессионального уровня педагогических, методических и научных качеств соискателей на основании документов, подготовленных ученым (научно-техническим) советом структурного подразделения (филиала, центра), кафедрой или отделом.

Для представления военнослужащего к ученому званию по научной специальности организация, в которой он проходит военную службу по контракту, представляет в Минобрнауки РФ необходимые документы, формы которых определены данным Министерством⁵³.

Ученое звание профессора и доцента по специальности присваивается военнослужащему (научному или научно-педагогическому работнику), претендующему на присвоение ученого звания, если он на день представления аттестационного дела в совет организации удовлетворяет определенным требованиям и соответствует установленным критериям (в том числе, в области искусства, физической культуры и спорта) (см. таблицу 1):

Таблица 1

Присвоение ученых званий военнослужащим

ПРЕДЫДУЩИЙ ПОРЯДОК	СУЩЕСТВУЮЩИЙ ПОРЯДОК
1	2
постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2002 г. № 194 «Об утверждении Положения о порядке присвоения ученых званий»	постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139 «О порядке присвоения ученых званий»
присвоение ученых званий профессора по кафедре, доцента по кафедре, профессора по научной специальности и доцента по научной специальности	присвоение ученых званий профессора по научной специальности и доцента по научной специальности
ученые звания присваиваются Министерством образования и науки Российской Федерации на основании заключения Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации	ученые звания по научным специальностям присваиваются Министерством образования и науки Российской Федерации по результатам проверки аттестационного дела

⁵³ По данному поводу издан приказ Министерства образования Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. № 81 «Об утверждении форм документов, представляемых для рассмотрения вопроса о присвоении ученых званий», вступивший в силу с 13 июля 2014 г.

1	2
<p>требования для присвоения ученого звания профессора по научной специальности: ученая степень доктора наук; прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности</p>	<p>требования для присвоения ученого звания профессора по научной специальности: опубликованные учебные издания и научные труды⁵⁴, чтение курса лекций на высоком профессиональном уровне; ученая степень доктора наук (или ученая степень, полученная в иностранном государстве, признаваемая в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору наук); прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности; со дня присвоения ученого звания доцента прошло не менее 3 лет</p>

⁵⁴ Важно пояснить, что согласно «ГОСТ 7.60-2003. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения» (введен Постановлением Госстандарта России от 25.11.2003 г. № 331-ст) определены виды учебных и научных изданий и даны их определения. Учебное издание – это издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для преподавания и изучения, и рассчитанное на учащихся разного возраста и степени обучения. Виды учебных изданий: учебник, учебное пособие, учебно-методическое пособие и др. Учебник – учебное издание, содержащее систематическое изложение учебной дисциплины (ее раздела, части), соответствующее учебной программе и официально утвержденное в качестве данного вида издания. Учебное пособие – учебное издание, дополняющее или частично (полностью) заменяющее учебник, официально утвержденное в качестве данного вида издания. Учебно-методическое пособие – учебное издание, содержащее материалы по методике преподавания учебной дисциплины (ее раздела, части) или по методике воспитания. Научным считается издание, содержащее результаты теоретических и (или) экспериментальных исследований, а также научно подготовленные к публикации памятники культуры и исторические документы. Научные издания делятся на следующие виды: монография, автореферат диссертации, препринт, сборник научных трудов, материалы научной конференции, тезисы докладов научной конференции, научно-популярное издание. Монография – научное или научно-популярное книжное издание, содержащее полное и всестороннее исследование одной проблемы или темы и принадлежащее одному или нескольким авторам. Автореферат диссертации – научное издание в виде брошюры, содержащее составленный автором реферат проведенного им исследования, представляемого на соискание ученой степени. Препринт – научное издание, содержащее материалы предварительного характера, опубликованные до выхода в свет издания, в котором они могут быть помещены. Сборник научных трудов – сборник, содержащий исследовательские материалы научных учреждений, учебных заведений или обществ. Материалы научной конференции – научный неперIODический сборник, содержащий итоги научной конференции (программы, доклады, рекомендации, решения). Тезисы докладов (сообщений) научной конференции – научный неперIODический сборник, содержащий опубликованные до начала конференции материалы предварительного характера (аннотации, рефераты докладов и (или) сообщений). Научно-популярное издание – издание, содержащее сведения о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и техники, изложенные в форме, доступной читателю-неспециалисту.

1	2
<p>критерии присвоения ученого звания профессора по научной специальности: успешное прохождение военной службы по контракту на соответствующей воинской должности в течение года; стаж научной работы в научных организациях, научных подразделениях высших учебных заведений или учреждений повышения квалификации не менее десяти лет; авторство (соавторство) в не менее двадцати опубликованных в ведущих научных журналах и изданиях научных работах, в том числе не менее пяти, опубликованных после защиты докторской диссертации; подготовлено в качестве научного руководителя или научного консультанта не менее пяти учеников, которым присуждены ученые степени; работа по совместительству в высших учебных заведениях или учреждениях повышения квалификации, научных организациях</p>	<p>критерии присвоения ученого звания профессора по научной специальности: наличие стажа непрерывной работы военной службы по контракту не менее 2 лет на соответствующей воинской должности; осуществление педагогической деятельности не менее чем на 0,25 ставки (в том числе на условиях совместительства) по образовательным программам высшего образования и (или) дополнительного профессионального образования по научной специальности в организации, представившей его к присвоению ученого звания; наличие стажа научной и педагогической деятельности не менее 10 лет в организациях, в том числе не менее 5 лет стажа педагогической работы по научной специальности; подготовлено в качестве научного руководителя или научного консультанта не менее 3 (для работников образовательных организаций) и не менее 5 (для работников научных организаций) лиц, которым присуждены ученые степени, при этом тема диссертации хотя бы одного из них соответствует научной специальности; наличие не менее 50 опубликованных учебных изданий и научных трудов (в том числе в соавторстве), включая патенты на изобретения и иные объекты интеллектуальной собственности, которые используются в образовательном процессе. При этом за последние 5 лет по научной специальности должно быть опубликовано не менее 3 учебных изданий и не менее 5 научных трудов (научные труды должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях); наличие учебника (учебного пособия), автором которого является соискатель ученого звания, или наличие не менее 3 учебников (учебных пособий), соавтором которых является соискатель ученого звания, изданных за последние 10 лет по научной специальности</p>
<p>требования для присвоения ученого звания доцента по научной специальности: ученая степень доктора наук (кандидата наук); прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности</p>	<p>требования для присвоения ученого звания доцента по научной специальности: опубликованные учебные издания и научные труды, чтение курса лекций или проведение иных занятий на высоком профессиональном уровне; ученая степень доктора наук или ученая степень кандидата наук (или ученая степень, полученная в иностранном государстве, признаваемая в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору или кандидату наук); прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности</p>
<p>критерии присвоения ученого звания доцента по научной специальности: успешное прохождение военной службы по контракту на соответствующей воинской должности в течение года; стаж научной работы в научных организациях, научных</p>	<p>критерии присвоения ученого звания доцента по научной специальности: наличие стажа непрерывной работы военной службы по контракту не менее 2 лет на соответствующей воинской должности; осуществление педагогической деятельности не менее чем на 0,25 ставки (в том числе на условиях совместительства) по образовательным программам высшего образования и (или) дополнительного профессионального образования</p>

1	2
<p>подразделениях высших учебных заведений или учреждений повышения квалификации не менее пяти лет; стаж педагогической работы в высших учебных заведениях или учреждениях повышения квалификации не менее года или под их руководством подготовлены и защищены пять выпускных квалификационных работ; авторство (соавторство) не менее десяти опубликованных научных и учебно-методических работ или изобретений, в том числе не менее пяти, опубликованных после защиты диссертации; работа по совместительству в высших учебных заведениях или учреждениях повышения квалификации, научных организациях</p>	<p>по научной специальности в организации, представившей его к присвоению ученого звания; наличие стажа научной и педагогической деятельности не менее 5 лет в организациях, в том числе не менее 3 лет стажа педагогической работы по научной специальности; наличие не менее 20 опубликованных учебных изданий и научных трудов (в том числе в соавторстве), включая патенты на изобретения и иные объекты интеллектуальной собственности, которые используются в образовательном процессе. При этом за последние 3 года опубликовано не менее 2 учебных изданий и не менее 3 научных трудов по научной специальности (научные труды опубликованы в рецензируемых изданиях)</p>
	<p>требования для присвоения ученого звания профессора в области искусства по научной специальности: опубликованные учебные издания и научные труды, чтение курса лекций или проведение иных занятий на высоком профессиональном уровне; прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности; высшее образование; удостоен почетного звания Российской Федерации, бывшего Союза ССР или бывших союзных республик (народного артиста, народного художника, народного архитектора, заслуженного деятеля искусств, заслуженного артиста, заслуженного художника, заслуженного архитектора) или является лауреатом (дипломантом), как правило, не менее 3 международных и (или) всероссийских выставок, конкурсов или фестивалей по направлению искусства (при этом звание лауреата (дипломанта) международных и (или) всероссийских выставок, конкурсов или фестивалей учитывается в том случае, если оно было получено в период обучения соискателя ученого звания в образовательной организации высшего образования или по ее окончании); наличие ученого звания доцента, со дня присвоения которого прошло не менее 3 лет</p>
	<p>критерии присвоения ученого звания профессора в области искусства: наличие стажа непрерывной работы военной службы по контракту не менее 2 лет на соответствующей воинской должности; осуществление педагогической деятельности не менее чем на 0,25 ставки (в том числе на условиях совместительства) по направлению искусства; наличие стажа педагогической работы не менее 10 лет в организациях, в том числе не менее 3 лет стажа педагогической работы по</p>

1	2
	<p>направлению искусства; подготовлено после присвоения ученого звания доцента не менее 3 лауреатов (дипломантов) международных и (или) всероссийских выставок, конкурсов или фестивалей по направлению искусства; наличие после присвоения ученого звания доцента не менее 3 опубликованных научных трудов и учебных изданий (в том числе в соавторстве) и не менее 10 творческих работ по направлению искусства</p>
	<p>требования для присвоения ученого звания доцента в области искусства по научной специальности: опубликованные учебные издания и научные труды; чтение курса лекций или проведение иных занятий на высоком профессиональном уровне; прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности; высшее образование; удостоен почетного звания Российской Федерации, бывшего Союза ССР или бывших союзных республик (народного артиста, народного художника, народного архитектора, заслуженного деятеля искусств, заслуженного артиста, заслуженного художника, заслуженного архитектора) или является лауреатом (дипломантом) не менее 2 международных и (или) всероссийских выставок, конкурсов или фестивалей по направлению искусства (при этом звание лауреата (дипломанта) международных и (или) всероссийских выставок, конкурсов или фестивалей учитывается в том случае, если оно было получено в период обучения соискателя ученого звания в образовательной организации высшего образования или по ее окончании)</p>
	<p>критерии присвоения ученого звания доцента в области искусства: наличие стажа непрерывной работы военной службы по контракту не менее 2 лет на соответствующей воинской должности; осуществление педагогической деятельности не менее чем на 0,25 ставки (в том числе на условиях совместительства) по направлению искусства; подготовлено не менее 2 лиц, являющихся лауреатами (дипломантами) международных и (или) всероссийских выставок, конкурсов или фестивалей по направлению искусства; наличие не менее 2 опубликованных научных трудов и учебно-методических изданий (в том числе в соавторстве) и не менее 7 творческих работ по направлению искусства</p>
	<p>требования для присвоения ученого звания профессора в области физической культуры и спорта по научной специальности: опубликованные учебные издания и научные труды; чтение курса лекций или проведение иных занятий на высоком профессиональном уровне; прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности; наличие ученого звания доцента, со дня присвоения которого прошло не менее 3 лет</p>

1	2
	<p>критерии присвоения ученого звания профессора в области физической культуры и спорта по научной специальности: наличие стажа непрерывной работы военной службы по контракту не менее 2 лет на соответствующей воинской должности; осуществление педагогической деятельности не менее чем на 0,25 ставки (в том числе на условиях совместительства) по направлению физической культуры и спорта; наличие титула чемпиона, призера Олимпийских игр, Паралимпийских игр, чемпионатов мира, Европы, Российской Федерации, национальных чемпионатов или почетного звания Российской Федерации, бывшего Союза ССР, бывших союзных республик, международного почетного звания или премии в области физической культуры и спорта; подготовка не менее 3 лиц, являющихся чемпионами, призерами Олимпийских игр, Паралимпийских игр, чемпионатов мира, Европы, Российской Федерации, национальных чемпионатов по направлению физической культуры и спорта или опубликован (в том числе в соавторстве) за последние 10 лет учебник (учебное пособие) по научной специальности; опубликовано не менее 5 (в том числе в соавторстве) за последние 5 лет научных трудов и учебных изданий по направлению физической культуры и спорта</p>
	<p>требования для присвоения ученого звания доцента в области физической культуры и спорта по научной специальности: опубликованные учебные издания и научные труды, чтение курса лекций или проведение иных занятий на высоком профессиональном уровне; прохождение военной службы по контракту; замещение соответствующей воинской должности;</p>
	<p>критерии присвоения ученого звания доцента в области физической культуры и спорта по научной специальности: наличие стажа непрерывной работы военной службы по контракту не менее 2 лет на соответствующей воинской должности; осуществление педагогической деятельности не менее чем на 0,25 ставки (в том числе на условиях совместительства) по направлению физической культуры и спорта; наличие стажа педагогической работы не менее 5 лет в организациях, в том числе не менее 3 лет стажа педагогической работы по направлению физической культуры и спорта; наличие титула чемпиона, призера Олимпийских игр, Паралимпийских игр, чемпионатов мира, Европы, Российской Федерации, национальных чемпионатов или почетного звания Российской Федерации, бывшего Союза ССР, бывших союзных республик, международного почетного звания или премии в области физической культуры и спорта либо подготовка не менее 1 чемпиона, призера Олимпийских игр, Паралимпийских игр, чемпионата мира, Европы, Российской Федерации, национального чемпионата по направлению физической культуры и спорта;</p>

1	2
	опубликовано не менее 3 (в том числе в соавторстве) за последние 5 лет учебных изданий и научных трудов по направлению физической культуры и спорта

Исчерпывающий перечень воинских должностей, при замещении которых военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации могут быть представлены к присвоению ученого звания, утвержден приказом министра обороны Российской Федерации от 28 марта 2014 г. № 185⁵⁵. На основании данного приказа к ученому званию профессора могут быть представлены военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), замещающие воинские должности:

1) **в военном ВУЗе (военной образовательной организации высшего образования Министерства обороны Российской Федерации, образовательной организации дополнительного профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации):** начальник (заместитель начальника) вуза; начальник (заместитель начальника по научной, учебной, учебной и научной работе) филиала или института вуза; начальник (заместитель начальника) учебно-методического центра (отдела), учебного (методического) отдела; начальник (заместитель начальника) научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, научно-вычислительного, испытательного) центра (управления, отдела, направления, лаборатории), центра (отдела) организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров; начальник от-дела организации научно-исследовательских работ, организации подготовки научно-педагогических кадров; начальник отдела организации научной работы; начальник экспериментальной научно-исследовательской базы; начальник (заместитель начальника) факультета, заместитель начальника факультета – начальник учебной части; начальник (заместитель начальника) кафедры; начальник научно-исследовательской (научно-испытательной) лаборатории (отделения, сектора), военно-научной (научно-исследовательской) группы; профессор; главный научный сотрудник.

2) **в НИО (научных организациях Министерства обороны Российской Федерации):** начальник (заместитель начальника) НИО; начальник (заместитель начальника) научно-исследовательского (научного, исследовательского, научно-испытательного, испытательного, научно-вычислительного) центра; начальник (заместитель начальника) научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, испытательного) управления (направления); начальник научно-исследовательского отдела – заместитель начальника научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, испытательного) управления (направления); начальник (заместитель начальника, заместитель начальника – начальник группы) научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, научно-вычислительного, испытательного) отдела; начальник (заместитель начальника) научно-исследовательской (научно-испытательной) лаборатории (отделения, сектора), военно-научной (научно-исследовательской) группы; главный научный сотрудник.

Соответственно, к ученому званию доцента могут быть представлены военнослужащие, замещающие воинские должности:

1) **в военном ВУЗе:** начальник (заместитель начальника) вуза; начальник (заместитель начальника по научной, учебной, учебной и научной работе) филиала или института вуза; начальник (заместитель начальника) учебно-методического центра (отдела), учебного (методического) отдела; начальник (заместитель начальника) научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, научно-вычислительного, испытательного) центра (управления, отдела, направления, лаборатории), центра (отдела) организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров; начальник отдела организации научно-исследовательских работ, организации подготовки научно-педагогических кадров; начальник отдела организации научной работы; начальник экспериментальной научно-исследовательской базы; начальник (заместитель начальника) факультета, заместитель начальника факультета – начальник учебной части; начальник (заместитель начальника) кафедры; начальник научно-исследовательской (научно-испытательной) лаборатории (отделения, сектора), военно-научной

⁵⁵ С введением в действие этого нормативного правового акта прежний приказ министра обороны Российской Федерации от 12 февраля 2004 г. № 44 «О присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий военнослужащим и лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации» утратил силу.

(научно-исследовательской) группы; профессор; доцент; главный научный сотрудник; ведущий научный сотрудник; старший научный сотрудник.

2) в **НИО**: начальник (заместитель начальника) НИО; начальник (заместитель начальника) научно-исследовательского (научного, исследовательского, научно-испытательного, испытательного, научно-вычислительного) центра; начальник (заместитель начальника) научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, испытательного) управления (направления); начальник научно-исследовательского отдела – заместитель начальника научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, испытательного) управления (направления); начальник (заместитель начальника, заместитель начальника – начальник группы) научного (научно-исследовательского, научно-испытательного, научно-вычислительного, испытательного) отдела; начальник (заместитель начальника) научно-исследовательской (научно-испытательной) лаборатории (отделения, сектора), военно-научной (научно-исследовательской) группы; главный научный сотрудник; ведущий научный сотрудник; старший научный сотрудник.

Как видно из представленной таблицы 1 требования к соискателям ученых званий по научным специальностям значительно ужесточились. Что же касается звания доцентов и профессоров по кафедрам, то они ушли уже в прошлое. Ученые звания теперь присуждаются только по научной специальности. Прежняя система ученых степеней (кандидат наук-доктор наук) и система ученых званий (доцент-профессор) до сих пор представляли собой параллельные траектории движения. Продвижение в рамках первой из них было связано с научными достижениями, и предполагало защиту соответствующей работы (кандидатской или докторской диссертации). Продвижение по второй траектории было связано не столько с научными, сколько с учебно-методическими достижениями (то есть успехами в преподавании). Эти звания и назывались доцент и профессор по кафедре и присваивались в большом количестве (звания «по специальности» присваивались значительно реже, в основном научным работникам). Две эти разные траектории хотя и коррелировали, но все же теоретически не зависели друг от друга. Так, звание доцента могло быть присвоено и не кандидату наук, а звание профессора – не доктору наук (такие случаи были сравнительно редкими, но не исключительными). Кроме того, при присвоении ученых званий приоритет отдавался наличию у соискателя учебных и учебно-методических работ, а требования к собственно научным были не столь значимы. Новое положение по сути ликвидирует описанную параллельную систему, причем ликвидирует ее путем своего рода слияния и усложнения требований. С одной стороны, для получения званий по новому положению требуется большая научная активность, а с другой – усиливаются требования к методической активности. Фактически новый порядок закрепляет линейную последовательность «кандидат наук-доцент – доктор наук-профессор» и делает систему российской «табели о научных рангах» четырехуровневой, жестко и однозначно привязывая движение по уровням к научным достижениям.

Плюсы в том, что получение ученого звания облегчается для тех соискателей, которые ведут более-менее активную работу в области, которая не совсем совпадает с профилем кафедры на которой они преподают. Тем более, что кафедры у нас часто именуются достаточно произвольно и их название может вообще не соответствовать ни одной из научных специальностей.

Минусы в том, что принятие такого положения окончательно закрывает возможность хоть какого-нибудь «рангового» роста для педагогических работников, которые мало занимаются научной работой, но преуспевают в педагогической деятельности. Таких людей достаточно много и это отнюдь не всегда плохие преподаватели. Не секрет, что многие опытные офицеры, дослужившие в войсках до высоких должностей и воинских званий, после военной службы затем трудоустраиваются работать в вузы (в том числе военные), при этом по каким-либо причинам не смогли написать и защитить диссертационное исследование и получить соответствующую ученую степень. Ранее эти соискатели могли рассчитывать на то, чтобы получить ученое звание доцента на основании их учебно-методической работы, что было для них существенным стимулом для профессорско-преподавательской работы. Теперь такой возможности не представляется.

Стоит сделать отступление по поводу возможного формирования стажа педагогической работы. Например, в Военно-воздушной академии (г. Воронеж) научным сотрудникам для приобретения педагогического стажа рекомендуется проводить учебную работу объемом не менее 250 часов на учебный год на кафедрах академии по научной специальности, которая будет указываться в аттестационном деле при представлении к присвоению ученого звания.

При этом научным сотрудником подается рапорт (заявление) по команде, который согласовывается с начальником кафедры (заведующим кафедрой), на которой планируется проведение учебной работы. Начальник кафедры (заведующий кафедрой) в рапорте (заявлении) определяет объем учебной нагрузки, который устанавливается в последующем приказом начальника академии (филиала).

Следующий проблемный вопрос, на наш взгляд, касается соотношения квалификационных требований по воинским должностям руководящего, профессорско-преподавательского и научного состава военных образовательных учреждений высшего профессионального образования и государственных учреждений (организаций) науки Минобороны России, предусмотренных приказом министра обороны Российской Федерации от 8 мая 2003 г. № 155 с Перечнем воинских должностей, при замещении которых военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации могут быть представлены к присвоению ученого звания, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 28 марта 2014 г. № 185 (далее – Перечень), к которому у ряда офицеров военных вузов отношение неоднозначное.

Например, в квалификационных требованиях по уровню профессионального образования по воинской должности младшего научного сотрудника военного вуза требуется наличие ученой степени кандидата наук, в то время как круг лиц в Перечне (приказ министра обороны Российской Федерации № 185 – 2014 г.) ограничен воинской должностью старшего научного сотрудника при представлении к ученому званию доцента (одним из условий для назначения на нее также является наличие ученой степени кандидата наук). Налицо явная несправедливость. Непоследовательность наблюдается и при сравнении с приказом министра обороны Российской Федерации «Об утверждении Руководства по организации работы высшего военно-учебного заведения Министерства обороны Российской Федерации» от 12 марта 2003 г. № 80. Так в соответствии с п. 101 данного Руководства к научным работникам относятся офицеры и лица гражданского персонала, занимающие должности начальников (заведующих) и заместителей начальников научно-исследовательских и научно-вычислительных центров, отделов, лабораторий, военно-научных групп, а также должности ведущих научных, старших научных, научных и младших научных сотрудников. При этом, наиболее подготовленные научные работники по решению начальника вуза и с их согласия могут привлекаться к проведению учебных занятий со слушателями и курсантами. Таким образом, лекции читать младший научный сотрудник может быть допущен наравне со старшим научным сотрудником (включенного в соответствующий перечень для представления к присвоению ученого звания доцента по приказу МО РФ № 185 – 2014 г.), также остепененного. И что немаловажно, при чтении лекций или проведении иных занятий приобретает соответствующий стаж педагогической работы.

То же самое можно сказать и о военно-преподавательском составе. К сожалению, действующий Перечень не содержит и воинские должности категории «преподаватель», «старший преподаватель», одним из квалификационных требований при назначении на которые является наличие также ученой степени кандидата наук. Большинство таких военнослужащих помимо основной преподавательской деятельности параллельно занимаются и научной работой (публикуются в научных изданиях, участвуют в научных конференциях, пишут монографии, получают патенты на изобретения и др.). Поэтому думается, что данные лица также необоснованно лишены права на присвоение ученого звания.

Представляется, что логичнее было бы расширить диапазон воинских должностей в указанном Перечне, при замещении которых военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации могут быть представлены к присвоению ученого звания доцента (в военных ВУЗах это преподаватель, старший преподаватель, научный сотрудник, младший научный сотрудник; в НИО Минобороны России – научный сотрудник, младший научный сотрудник)⁵⁶.

А это неплохо, на наш взгляд, так как должно промотивировать на научную и исследовательскую работу остепененных военнослужащих. Нет сомнений и в том, что получение ученого звания будет являться одной из форм самореализации, самовыражения ученого. Ведь не секрет, что многие лица, получающие ученую степень кандидата наук, никогда больше наукой не занимаются, а стараются реализовать только свои интересы, такие как, в основном, для решения

---

⁵⁶ Есть и более кардинальное предложение, а именно закрепить право на получение ученого звания доцента по научной специальности для лиц, имеющих ученую степень кандидата наук, работающих в образовательных организациях высшего образования, образовательных организациях дополнительного профессионального образования и научных организациях (См.: *Мацкевич И.М.* Концепция подготовки научно-педагогических кадров (кадров высшей квалификации) // Юрическое образование и наука. 2012. № 4).

вопросов продвижения по служебной лестнице.

Соответственно, также следует разработать определенные преференции для военнослужащих с учеными званиями при назначении на вышестоящую воинскую должность или присвоении очередного воинского звания. Для этого, например, предлагаем изложить подп. «е» ст. 30 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации в следующей редакции: «присвоение очередного воинского звания на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой воинской должности, но не выше воинского звания майора, капитана 3 ранга, а военнослужащему, имеющему ученую степень и (или) ученое звание, занимающему воинскую должность профессорско-преподавательского и научного состава в военной образовательной организации или воинскую должность научного состава в научных организациях Министерства обороны Российской Федерации, а также воинские должности профессорско-преподавательского на военных кафедрах, факультетах военного обучения и учебных военных центрах при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку офицеров запаса, не выше воинского звания полковника, капитана 1 ранга».

И еще одно немаловажное обстоятельство. В настоящее время военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации не выплачивается надбавка за ученое звание, как это было установлено ранее, например, приказом министра обороны РФ от 30 июня 2006 г. № 200 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» (п. п. 118 – 122) когда она выплачивалась независимо от занимаемых воинских должностей (за ученое звание доцента – 10 процентов; за ученое звание профессора – 25 процентов).

Это говорит о том, что получение ученого звания превратилось из морально-материального стимула прежде всего в моральный и по мнению авторов статьи является свидетельством принижения значимости и сложности труда военных ученых российской армии и их научных достижений, в отличие от коллег из других силовых ведомств, что на наш взгляд недопустимо. В этом отношении заслуживает внимание и одобрение подход к выплате надбавки за ученое звание военнослужащим спасательных воинских формирований МЧС России. Согласно приказу МЧС России «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих спасательных воинских формирований МЧС России» от 7 декабря 2012 г. № 751 надбавка устанавливается и выплачивается военнослужащим, занимающим воинские должности руководящего, профессорско-преподавательского и научного состава в образовательных учреждениях высшего образования МЧС России и научно-исследовательских учреждениях МЧС России, надбавка выплачивается в следующих размерах: имеющим ученое звание профессора – 20 процентов оклада по воинской должности; имеющим ученое звание доцента и старшего научного сотрудника – 10 процентов оклада по воинской должности. Данное положение было бы полезным ввести для военнослужащих (руководящего состава, а также преподавателей военно-учебных заведений и военнослужащих – научных работников научных организаций Минобороны России), имеющих ученое звание доцента или профессора.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости внесения изменений в действующее военное законодательство.

Библиографический список:

1. Мацкевич И.М. Концепция подготовки научно-педагогических кадров (кадров высшей квалификации) // Юрическое образование и наука. 2012. № 4.
2. Шаршунов В.А., Гулько Н.В. Как подготовить и защитить диссертацию: история, опыт, методика и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.aspirinby.org> (дата обращения 23.07.2014).

Шветова К.Г.,
научный сотрудник Центра правовых исследований,
vpravo@mail.ru

Shvetova K.G., scientist of the Centre of the legal
studies, vpravo@mail.ru

Ограничения и запреты в структуре правового статуса военнослужащих⁵⁷

В статье рассматривается структура и особенности, а также представлена классификация правовых статусов военнослужащих Российской Федерации, выявлены запреты и ограничения при прохождении военной службы.

Ключевые слова: правовой статус военнослужащих, военная служба, запреты, ограничения.

About the structure and peculiarities of the legal status of military servicemen.

The article describes the structure and features, and also presents a classification of the legal status of servicemen of the Russian Federation identified the prohibitions and restrictions upon completion of military service.

Keywords: legal status of military servicemen, military service, prohibitions, restrictions.

Федеральным законом «О статусе военнослужащих» определено, что «правовой статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации»⁵⁸.

А.В. Кудашкин, основываясь на этом же подходе, рассматривает правовой статус военнослужащего и как гражданина Российской Федерации и как специфического субъекта права⁵⁹.

Так же военными учеными отмечается, что статус субъекта правоотношений это правовое явление, представляющее собой порождение юридической техники⁶⁰.

Существует множество различных источников, которые по-разному определяют понятие «правового статуса». Часто между понятиями «правовой статус» и «правовое положение» ставят знак равенства⁶¹.

Однако ряд учёных разграничивают понятия «правовой статус» и «правовое положение».

С.А. Комаров и Н.В. Ростовщиков рассматривают их как два самостоятельных понятия – правовое положение (статус) личности в широком и правовое положение (статус) личности в узком смысле. Чисто терминологически первое понятие можно обозначить как «правовое положение», а второе – как «правовой статус»⁶².

Сравнительный анализ этих терминов позволяет определить некоторые их существенные различия. В частности, использование слова «статус» в устоявшихся словосочетаниях «приобрести статус», «лишить статуса», «наделить статусом», «признать статус», позволяет сделать вывод о возможности определения значения термина «правовой статус» в качестве статической характеристики

---

⁵⁷ Рецензент – Бараненков В.В., д.ю.н., профессор

⁵⁸ См.: О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ: принят Гос. Думой 6 марта 1998 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г.: с изм. и дополнениями от 28 декабря 2013 г., ст.1 // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 1998. – № 22 ст. 2331.

⁵⁹ См.: Кудашкин А.В. Теоретико – правовые основы военной службы в Российской Федерации. /Электронное периодическое издание, Военное право [Москва.]. 2003.URL: <http://voenprav.ru/doc-2478-1.htm> (дата обращения: 20.06.2014).

⁶⁰ См.: Кудашкин В.В. Внешнеторговые сделки в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты // Военно-правовой обозреватель, Правовая энциклопедия военнослужащего. – М., 2007 г. – Вып.79. – С.47.

⁶¹ См.: определение «положение» // Большой юридический словарь (под ред. А.В. Малько). — М.: "Проспект", 2009.

⁶² См.: Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система: Монография. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2002. – С.10.

(чётко определённого, установленного кем-либо или чем-либо, уровня развития правового положения) лица, а также свидетельствует о зависимости статуса от оценки некоего другого субъекта⁶³.

Считается, что для слова «положение» более характерны словосочетания «изменение правового положения», «проанализировать правовое положение» и т.п.⁶⁴.

Структура правового статуса субъекта правоотношений не имеет однозначного определения и является спорным. В юридической науке отмечаются различные точки зрения на содержание этого понятия.

В.В. Лазарев и С.П. Липень придерживаются мнения, что: «Правовой статус составляют закреплённые в законодательстве права и обязанности, ...а совокупность статутных и субъективных прав и обязанностей называют правовое положение лица⁶⁵».

Более обоснованным представляется подход, предложенный В.В. Бараненковым, считающим, что правовое положение лица обуславливается его правовым статусом, который является «правовой позицией» субъекта в правовых отношениях, определённым фиксированным уровнем (ступенью) развития правового положения, достижение которого влечёт его скачкообразное существенное изменение, возникновение нового юридического состояния. Правовое положение является понятием более широким чем статус, характеризующим в том числе и совокупность правовых статусов субъекта, «достигнутых» им к определённому моменту времени. Правовое положение более точно, но в то же время, более динамично характеризует субъект, чем правовой статус, более устойчивый по своей природе⁶⁶.

В юридическом словаре под редакцией А.В. Малько правовой статус определяется как юридически закреплённое положение субъекта в обществе, которое выражается в определенном комплексе его прав и обязанностей. Он отражает юридически оформленные взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, отдельного индивида с окружающими. В нем выражаются легальные пределы свободы личности, объем ее прав, обязанностей, других правовых возможностей и ответственности⁶⁷.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным выделить следующие элементы структуры правового статуса военнослужащих:

- 1) права;
- 2) обязанности;
- 3) ограничения;
- 4) запреты;
- 5) ответственность.

Кроме того, представляется целесообразным в структуре правового статуса в качестве самостоятельных элементов выделить:

- 6) льготы (преимущества)⁶⁸;
- 7) компенсации;
- 8) стимулы⁶⁹.

---

⁶³См. Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций: Монография. – М.: МПИ ФСБ России, 2008. – С. 18–19.

⁶⁴См.: Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций: Монография. – М.: МПИ ФСБ России, 2008. – С. 18–19.

⁶⁵См. Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций: Монография. – М.: МПИ ФСБ России, 2008. – С.20

⁶⁶См.: Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций: Монография. – М.: МПИ ФСБ России, 2008. – С.21.

⁶⁷См.: Правовой статус // Большой юридический словарь (под ред. А. В. Малько). М.: "Проспект", 2009.

⁶⁸См.: Кудашкин А.В. Комментарий к Федеральному закону "О статусе военнослужащих" // Право в Вооруженных Силах – 2004. – № 10.

⁶⁹См., например: О мерах по совершенствованию работы по определению квалификации летного состава государственной авиации: приказ Минобороны России, МВД России, МЧС России, ФСБ России и Федеральной таможенной службы от 12 июля 2007 г. N 288/627/386/369/855.

Как следствие, представляется возможным отметить, что понятие «правового статуса военнослужащего» не является идентичным понятию «правовое положение военнослужащего». Понятие «правовое положение» шире, чем понятие «правовой статус».

При таком подходе наряду с правами и обязанностями в содержание правового статуса военнослужащих входят запреты и ограничения, связанные с прохождением военной службы, а также запреты и ограничения, налагаемые на военнослужащих после увольнения.

Понятия «ограничения» и «запреты» следует отличать друг от друга.

По мнению В.В. Козлова, ограничения, связанные с прохождением военной службы – это установленные нормами военного права обстоятельства, при наличии или возникновении которых военнослужащие не могут проходить военную службу и подлежат увольнению, а граждане (иностранцы граждане) не могут поступить на военную службу⁷⁰.

Запрет – это способ правового регулирования, который представляет собой государственно-властное веление, указывающее на недопустимость определенного поведения под угрозой наступления ответственности, закрепляющее юридическую невозможность реально возможного поведения, причиняющего ущерб интересам личности и государства⁷¹.

По своей сути юридические запреты есть правовые обязанности пассивного характера, т.е. обязанности воздерживаться от действий определенного рода, поэтому их выделение в структуре правового статуса – достаточно условно.

Частью 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации⁷² установлен механизм правового ограничения прав гражданина, так же данной статьёй ограничения обосновываются такими целями, как защита основ конституционного строя и обеспечение обороны страны и безопасности государства.

При этом следует отметить, что постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации регулярно признаются несоответствие конституционным принципам положений законодательных и иных нормативных актов, нарушающих и ущемляющих права человека. Множество нарушений прав человека в правоприменительной деятельности государственных органов и должностных лиц выявляется Генеральной прокуратурой, отражается в ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фиксируется другими инстанциями. Это подчеркивает необходимость введения ограничений в тех случаях и объемах, когда это действительно необходимо, что, в свою очередь, обуславливает важность тщательной научной проработки соответствующих предложений. Введение каждого запрета, ограничения должно быть тщательно обосновано.

Как полагают ряд учёных, например А.В. Кудашкин, особенности военной службы обуславливают ограничения некоторых прав и свобод военнослужащих, гарантированных гражданам Конституцией Российской Федерации. Данные ограничения распространяются на всех военнослужащих независимо от служебного положения, но должны вводиться только законом и быть соразмерны охраняемому общественному интересу, основываться на принципе запрета чрезмерных ограничений прав и свобод военнослужащих⁷³.

В.В. Козлов отмечает, что запреты, связанные с прохождением военной службы, являются правовыми нормами, определяющими действия, несовместимые с исполнением обязанностей военной службы, установленные действующим законодательством в целях эффективного и качественного исполнения военнослужащими функций в сфере обороны страны и безопасности государства, а также в целях исключения со стороны военнослужащих коррупционных проявлений и иных злоупотреблений служебным положением, нарушение которых влечет юридическую ответственность

---

⁷⁰См.: Козлов В.В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – 2001. – № 5.

⁷¹См.: определение «Правовой статус» // Большой юридический словарь (под ред. А. В. Малько). — М.: "Прспект", 2009.

⁷²См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : по состоянию на 21 июля 2007 г. // Рос. газ. - 1993. -12 дек.

⁷³См.: Кудашкин А. В. Теоретико – правовые основы военной службы в Российской Федерации. /Электронное периодическое издание, Военное Право [Москва.]. 2003.URL: <http://voenprav.ru/doc-2478-1.htm> (дата обращения: 20.06.2014).

военнослужащих, в том числе может быть основанием для досрочного прекращения военно-служебных отношений⁷⁴.

Понятие «ограничения, связанные с прохождением военной службы»

В.В. Козлов отличает от понятия «правовые ограничения военнослужащих», так как правовые ограничения на его взгляд – это более широкое понятие, означающее установленную действующим законодательством систему правоограничивающих норм, обусловленных задачами, принципами организации и функционирования военной службы, направленных на обеспечение должного исполнения военнослужащими функций в сфере обороны и безопасности государства, нарушение или несоблюдение которых влечет правовые последствия. В систему правовых ограничений В.В. Козлов включает:

- запреты;
- ограничения, опосредованные юридическими фактами;
- обязанности;
- юридическую ответственность⁷⁵.

Такой подход усложняет восприятие соответствующих правовых конструкций и в связи с этим представляется дискуссионным.

Рассматривая структуру правового статуса военнослужащих, важно отметить, что А.В. Кудашкин в комментариях к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» также различает понятия льгот, компенсаций и гарантий.

Льготы – это дополнительные, особые права (преимущества), предоставляемые гражданам в связи с исполнением военной службы, либо полное или частичное освобождение их от некоторых государственных обязанностей (например, по уплате отдельных видов налогов). Считается, что льготы являются элементом специального правового статуса военнослужащих, т.е. механизмом дополнения основных (конституционных) прав и свобод военнослужащих специфическими возможностями юридического характера.

Льготы – это предоставление преимуществ, частичное освобождение от платежей и обязательств или облегчение условий их выполнения⁷⁶.

Льготы также выполняют стимулирующую функцию⁷⁷.

Компенсация – это вознаграждение за что-нибудь, возмещение⁷⁸.

Компенсации призваны обеспечить восполнение военнослужащим каких-либо непредвиденных затрат как материального, так и нематериального характера, а также реализовать право на замену отдельных видов натурального обеспечения денежным эквивалентом.

Гарантии – это ручательство, порука в чем-нибудь, обеспечение⁷⁹.

Гарантии, помимо льгот, включают в себя и ряд других юридических средств: поощрения, наказания, обязанности, запреты и т.п.⁸⁰.

---

⁷⁴См.: Козлов В.В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – 2001. – № 5.

⁷⁵См.: Козлов В.В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – 2001. – № 5.

⁷⁶См.: определение «льгот» // Большой юридический словарь (под ред. А. В. Малько). —М.: "Проспект", 2009.

⁷⁷См., например: О дополнительном социальном обеспечении членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации: федер. закон от 27 ноября 2001 г. № 155-ФЗ: принят Гос. Думой 25 октября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 ноября 2001 г.: с изм. и допол. от 3 декабря 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001.- № 49, ст. 4561.

⁷⁸См.: определение «компенсации»// Словарь русского языка С.И. Ожегова. – М.: «Русский язык», 1990. – С.289.

⁷⁹См.: определение «гарантии»// Словарь русского языка С.И. Ожегова. – М.: «Русский язык», 1990. - С.130.

⁸⁰См.: Кудашкин А. В. Комментарий к Федеральному закону "О статусе военнослужащих" // Право в Вооруженных Силах – 2004. – № 10.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным в структуре правового статуса военнослужащего условно выделить в качестве самостоятельных элементов категории «льгот», «гарантий», «компенсаций».

Рассмотрение содержания правового статуса военнослужащих различных категорий заставляет задуматься о том, что у различных военнослужащих объем прав, обязанностей и иных элементов правового статуса различается.

В соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих», статус военнослужащих включает в себя общие обязанности, специальные и служебные⁸¹. Соответственно, представляется возможным и иные элементы правового статуса разделить на общие, специальные и служебные.

При этом общегражданские права и свободы для военнослужащих, их обязанности и ответственность установлены с учетом их максимально возможной реализации в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации и имеют некоторые ограничения.

Статья 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определяет, что военнослужащие при реализации права на свободу слова, выражение своих мнений и убеждений, доступ к получению и распространению информации не должны разглашать государственную и военную тайну, обсуждать и критиковать приказы командиров (начальников). Они вправе участвовать в митингах, собраниях, шествиях, демонстрациях, пикетировании, не преследующих политических целей и не запрещенных органами государственной власти и органами местного самоуправления, и только во внеслужебное время. Но участвовать в забастовках они не имеют права⁸². Так же данная глава закрепляет и другие права военнослужащих касающиеся их непосредственного участия в управлении делами государства и общественными объединениями.

С учетом интересов военной службы осуществляются и другие общегражданские права и свободы граждан, состоящих на военной службе (право на труд, право на отдых, право на жилище и т. д.). Однако при реализации этих прав и свобод военнослужащими возможность их некоторого ограничения допустима только в том случае, если эти ограничения и их объемы конкретно указаны в законе.

Кроме общегражданских прав и свобод, военнослужащие имеют права, обусловленные спецификой военной службы. Реализацию этих прав они осуществляют путем получения от государства денежного довольствия, продовольственного, вещевого обеспечения и предоставления жилых помещений.

Для сравнения, говоря о статусе педагогического работника, ученые отмечают соотношение общего, специального и индивидуального, исходя из того, что «общий правовой статус, специальные правовые статусы и индивидуальный правовой статус, носителем которого выступает конкретное лицо, соотносятся между собой как общее, особенное и единичное, и при этом «выделение указанных видов правового статуса личности важно для практики реализации юридических прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности»⁸³.

Рассматривая особенности правового статуса в целом, целесообразно отметить, что специфика деятельности соответствующих государственных органов определяет особенности правового статуса их сотрудников (служащих), важнейшими взаимосвязанными элементами которого являются их особые права, обязанности, ответственность, ограничения, льготы, компенсации. Таким образом, особенности правового статуса военнослужащих обуславливаются спецификой выполняемых ими задач и реализуемых ими государственных функций.

Итак, помимо общих, специальных и служебных обязанностей на военнослужащих накладываются дополнительные обязанности, запреты и ограничения. Представляется возможным назвать их ведомственными, так как их действие распространяется на военнослужащих определённого

---

⁸¹См.: О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ: принят Гос. Думой 6 марта 1998 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г.: с изм. и дополнениями от 28 декабря 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22 ст. 2331.

⁸²См.: О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ: принят Гос. Думой 6 марта 1998 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г.: с изм. и дополнениями от 28 декабря 2013 г., ст.7 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22 ст. 2331.

⁸³См. Матюшева Т.Н. Статус педагогического работника: соотношение общего, специального и индивидуального // Образовательное право – 2014. – № 5.

ведомства (например, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов внешней разведки).

С учетом изложенного, представляется целесообразным выделить следующие виды (уровни) правового статуса военнослужащих:

- общегражданский статус (конституционные права и свободы);
- государственный статус (права и обязанности, распространяющиеся на государственных служащих, которые касаются и военнослужащих в частности);
- общий статус военнослужащих (права, обязанности, ограничения и запреты, касающиеся военнослужащих всех родов и войск);
- ведомственный статус военнослужащих (права, обязанности, ограничения и запреты, определяемые в соответствии с осуществляемой деятельностью);
- должностной статус военнослужащих (права и обязанности, налагаемые на военнослужащего в соответствии с занимаемой должностью);
- специальный статус военнослужащих (дополнительные права и обязанности, налагаемые в определенных моменты и временно, например, такие как применение оружия, силы; предъявление требований, обязательных для исполнения в период несения боевого дежурства)⁸⁴.

Как уже было отмечено ранее, правовой статус военнослужащих может характеризоваться наличием дополнительных ограничений и запретов, особых требований к ним и к их служебному поведению, исключающих конфликт интересов. Но так же отмечалась необходимость взвешенного подхода к их введению и применению.

Представляется возможным выделить следующие принципы ограничения прав военнослужащих:

- принцип приоритета интересов общественного строя и безопасности государства. (ст. 55 п. 3 гл. 2 Конституции Российской Федерации⁸⁵);
- принцип законности запретов, ограничений и ответственности;
- принцип сбалансированности компенсаций и льгот;
- принцип системности ограничений и ответственности;
- принцип научной обоснованности запретов, ограничений и ответственности.

Рассмотрим указанные принципы более подробно.

Принцип приоритета интересов общественного строя и безопасности государства.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55 п. 3 гл. 2)⁸⁶.

Специфика правового статуса военнослужащих обусловлена необходимостью основанного на императивных нормах подчинения и служебной субординации. Считается, что в условиях внешней вооруженной агрессии директивный стиль руководства позволит существенно повысить мобилизацию сил и возможностей подчиненных, сплотить их, уменьшить степень риска, как результат – минимальные людские потери (убитые и раненые) среди военнослужащих, населения и противника, а также минимальные материальные затраты и способность выполнить боевую задачу. Иными словами, можно сказать о том, что особенности правового статуса военнослужащих обусловлены их постоянной боевой готовностью к действиям по обеспечению обороны страны в условиях военного положения⁸⁷.

Принцип законности запретов, ограничений и ответственности.

---

⁸⁴См.: Шветова К.Г. О структуре и особенностях правового статуса военнослужащих.

/Электронное периодическое издание, Военное Право [Москва.]. 2014. URL: <http://nir.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 20.06.2014).

⁸⁵См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : по состоянию на 21 июля 2007 г. // Рос. газ. - 1993. -12 дек.

⁸⁶См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : по состоянию на 21 июля 2007 г. // Рос. газ. - 1993. -12 дек.

⁸⁷См.: Кученин Е.С.// Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 2.

Дополнительные запреты, ограничения, обязанности, которые налагаются на военнослужащих не могут регулироваться нормативными правовыми актами на уровне ведомства, не имея нормативного закрепления на федеральном уровне, так как это, в свою очередь, ведёт к противоречиям и правовым пробелам, в т.ч. к обжалованию в суде.

Запреты, ограничения и ответственность должны вводиться только федеральными законами, а приказы ведомства, в которых содержатся данные запреты и ограничения должны пройти обязательную регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации⁸⁸. Запреты и ограничения, вводимые в устной форме или приказом ведомства либо командира воинской части не имеют юридической силы и соответственно за их неисполнение любые меры ответственности, санкции и наказание, применяемые в отношении военнослужащего будут нелегитимны.

Исходя из первого принципа, важно отметить, что в соответствии с нормами международного права, Конституцией Российской Федерации, права человека и гражданина могут быть ограничены только федеральными законами.

Принцип сбалансированности компенсаций и льгот.

Запреты и ограничения, налагаемые на военнослужащих должны быть чётко сбалансированы. Сущность данного принципа заключается в необходимости обеспечения соразмерности ограничений, запретов и дополнительных обязанностей к предоставляемым льготам и компенсациям.

Например, военнослужащим, постоянно или временно выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, а также проходящих службу в регионах со сложной обстановкой, с учетом возложения на них дополнительных обязанностей, ограничений и запретов, предоставляются дополнительные социальные гарантии и компенсации, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации⁸⁹.

Так же гарантии и компенсации предоставляются военнослужащим – участникам контртеррористических операций, ветеранам боевых действий⁹⁰.

К компенсациям можно отнести пайки, дополнительные выплаты военнослужащим, а также особый порядок исчисления выслуги лет (из расчета «год за три») для лиц, проходящих службу в районах Крайнего Севера⁹¹.

Принцип системности запретов, ограничений и ответственности.

Как уже отмечалось, статус военнослужащего включает в себя систему совокупности прав, обязанностей, ответственности, запретов и ограничений. Представляется целесообразным в системе элементов правового статуса военнослужащего «ограничения – запреты – ответственность» ввести компенсации и льготы, адекватные вводимым ограничениям и запретам.

Принцип системности заключается в необходимости понимания и учета взаимосвязи всех элементов правового статуса военнослужащего, а также правовых статусов различного уровня (общегосударственный, государственный, общий, ведомственный, должностной, специальный).

При введении запретов, ограничений, дополнительных обязанностей, важно учитывать то, как обеспечить их реализацию во взаимодействии с другими элементами правового статуса. В частности, должен быть продуман и соответствующий механизм контроля и ответственности в случае несоблюдения данных ограничений, запретов и обязанностей.

Например, одним из оснований увольнения может быть утрата доверия к военнослужащему, являющемуся командиром (начальником), со стороны должностного лица, имеющего право принимать

---

⁸⁸См.: Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства Рос.Федерации от 13 августа 1997 г. N 1009, ч 2, п.10 //Рос. газ.- 1997.- 21 августа.

⁸⁹См.: О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ: принят Гос. Думой 6 марта 1998 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г.: с изм. и дополнениями от 28 декабря 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 1998. – № 22 ст. 2331.

⁹⁰См.: О предоставлении дополнительных гарантий и компенсаций военнослужащим и лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации: приказ Минобороны России от 13 января 2010 г. № 10.

⁹¹См.: О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: Закон Рос. Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-1: с изм. и дополнениями от 2 апреля 2014 г. // Российская газета. – 1993. - № 73.

решение о его увольнении в случае непринятия военнотружущим, являющимся командиром (начальником), которому стало известно о возникновении у подчиненного ему военнотружущего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов⁹², но в законодательстве Российской Федерации на федеральном уровне нигде чётко и ясно не определена обязанность командира (начальника) принимать меры при известии о возникновении у подчиненного личной заинтересованности, которая в дальнейшем может привести к конфликту интересов. Это является пробелом в законодательстве Российской Федерации, что подтверждает необходимость систематизировать обязанность и ответственность.

Принцип научной обоснованности запретов, ограничений и ответственности.

На основе данного принципа предлагается при введении запретов и ограничений:

- учитывать их психологическое восприятие, особенности мотивационно-ценностной сферы граждан, в отношении которых они вводятся, условия, в которых они водятся и т.п. (на примере Украины, бывший президент Янукович в феврале 2014 года запретил проведение митингов на территории Украины в самый разгар митинговых настроений, чем вызвал массовое недовольство, что впоследствии, в условиях непринятия адекватных мер, привело к известным печальным последствиям на Майдане);
- проводить социологические (анкетирование, интервью) и экономические исследования, опросы, тестирования с целью выяснения общественного мнения, возможных последствий их введения;
- при проектировании запретов и ограничений, производить их обсуждение, разъяснение, мониторинг реализации, при необходимости – проводить необходимую их коррекцию;
- учитывать опыт зарубежных стран (например, запрет (ограничение) на использование смартфонов iPhone госслужащим во Франции, Южной Кореи, Сирии с целью предупреждения утечки информации⁹³, запрет на обсуждение с прессой отдельных тем госслужащими США⁹⁴).

Так же данный принцип заключается в необходимости познания правовой сущности ограничений, запретов и ответственности.

Так, рассматривая правовой статус сотрудников военных ведомств, государственных структур, стоит отметить, что деятельность гражданских служащих, их статус определяется федеральными законами «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁹⁵, «О противодействии коррупции»⁹⁶. При сравнительном анализе правового статуса военнотружущих и гражданских служащих необходимо отметить, что в отличие, например, от гражданской службы, требования к

---

⁹²См.: О воинской обязанности и военной службе: федеральный закон Российской Федерации от 28 марта 1998 года № 53–ФЗ: ст. 51 п. 1.д. 2 // Собр. законодательства Рос. Федерации. –1998. – № 13, ст. 1475.

⁹³См.: Гуцин Э. Французских чиновников оставили без связи // Российская газета, 2013, 11 сентября // URL:<http://www.rg.ru/2013/09/11/francia-site.html> (дата обращения 11 сентября 2013).

⁹⁴Директор национальной разведки США Джеймс Клэппер выпустил директиву, которая запрещает сотрудникам некоторых государственных органов обсуждать любые разведывательные вопросы с представителями средств массовой информации. Директива не проводит различий между секретной и несекретной информацией и распространяет темы, которые требуют предварительного разрешения, на любые вопросы, связанные с разведкой. При этом в отношении сотрудников, которые будут уличены в нарушении директивы, могут быть предприняты административные действия, которые могут включать аннулирование допуска или прекращение трудовых отношений, а также меры со стороны министерства юстиции, если их контакты со СМИ приводят к "несанкционированному разглашению секретной информации". Подробнее см.: В США сотрудникам разведки запретили общаться с журналистами // <http://www.rosbalt.ru/main/2014/04/22/1259808.html>.

⁹⁵См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79–ФЗ: принят Государственной Думой 7 июля 2004 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 июля 2004 г.: с изм. и дополнениями от 28 декабря 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации – 2004. – N 31 ст. 3215.

⁹⁶См.: О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 –ФЗ: принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22 декабря 2008 года: с изм. и дополнениями от 28 декабря 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации – 2008.– № 52 (часть I) ст. 6228.

служебной дисциплине военнослужащих более жесткие. По отношению к военнослужащим различают особую разновидность дисциплины – воинскую дисциплину – строгое и точное соблюдение военнослужащими порядка и правил, установленных законами Российской Федерации, общевойсковыми уставами Вооруженных Сил Российской Федерации и приказами командиров (начальников)⁹⁷. Воинская дисциплина регламентируется особыми нормативными правовыми актами – дисциплинарными уставами (далее ДУ ВС РФ)⁹⁸. Характерными особенностями дисциплинарной ответственности военнослужащих являются, например, различные виды взысканий, применяемых к разным категориям военнослужащих. ДУ ВС Российской Федерации содержит также исчерпывающий перечень грубых дисциплинарных проступков.

В соответствии с ДУ ВС РФ административное правонарушение, совершаемое военнослужащими, является грубым дисциплинарным проступком⁹⁹, при этом за несколько таких нарушений военнослужащий может быть уволен «в связи с невыполнением условий контракта».

В соответствии со ст. 54 ДУ ВС РФ¹⁰⁰ к военнослужащему могут применяться виды дисциплинарных взысканий, во многом отличающиеся от взысканий, применяемых к иным государственным служащим:

- выговор;
- строгий выговор;
- лишение очередного увольнения из расположения воинской части или с корабля на берег;
- лишение нагрудного знака отличника;
- предупреждение о неполном служебном соответствии;
- снижение в воинской должности;
- снижение в воинском звании на одну ступень;
- снижение в воинском звании на одну ступень со снижением в воинской должности;
- досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта;
- отчисление из военного образовательного учреждения профессионального образования;
- отчисление с военных сборов;
- дисциплинарный арест.

При этом, распространив на военнослужащих антикоррупционные запреты, ограничения, общие для всех государственных служащих (прямой ссылкой в статье 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹⁰¹ на соответствующие статьи Федерального закона «О государственной гражданской службе»), законодатель не учел специфики и особенностей правовой природы правового статуса военнослужащих. Так, введя Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ¹⁰² новые основания досрочного увольнения (например, в связи с утратой доверия) в

---

⁹⁷См.: Дисциплинарный устав Вооружённых Сил Российской Федерации: утв. указом Президента Рос. Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, ст.1, гл 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2007. – № 47 (часть I) ст. 5749.

⁹⁸См.: Дисциплинарный устав Вооружённых Сил Российской Федерации: утв. указом Президента Рос. Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, ст.1, гл 1, п.1 прилож.7. // Собр. законодательства Рос. Федерации 2007. – № 47 (часть I) ст. 5749.

⁹⁹См.: Дисциплинарный устав Вооружённых Сил Российской Федерации: утв. указом Президента Рос. Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, ст.1, гл 1, п.1 прилож.7. // Собр. законодательства Рос. Федерации 2007. – № 47 (часть I) ст. 5749.

¹⁰⁰См.: Дисциплинарный устав Вооружённых Сил Российской Федерации: утв. указом Президента Рос. Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, ст.1, гл 1, п.1 прилож.7. // Собр. законодательства Рос. Федерации 2007. – № 47 (часть I) ст. 5749.

¹⁰¹ О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22, ст. 2331.

¹⁰² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ : принят Гос. Думой 2 ноября 2011 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 ноября 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 48, ст. 6730.

Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹⁰³, законодатель не внес соответствующие изменения в перечень видов дисциплинарных взысканий. А распространив на военнослужащих общий для всех госслужащих порядок проведения проверок соблюдения требований к служебному поведению, порядок привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения¹⁰⁴, законодатель только несколько лет спустя попытался определить, как они соотносятся с установленным военным законодательством порядком проведения разбирательств и порядком привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности (Закон о воинской обязанности дополнен новой статьей 51.1¹⁰⁵). Это породило целую научную дискуссию в военно-правовой науке о правовой природе ответственности за коррупционные правонарушения (является ли это самостоятельным видом ответственности либо разновидностью дисциплинарной ответственности)¹⁰⁶. В результате правоприменители долгое время пытались разобраться – надо ли после проверки соблюдения военнослужащим требований к служебному поведению проводить разбирательство. Неоднозначно складывалась и судебная практика.

Вышеизложенное подчеркивает необходимость тщательной научной проработки вводимых ограничений и запретов как элементов правового статуса военнослужащих.

Выводы.

Представляется возможным выделить следующие элементы структуры правового статуса военнослужащих:

- 1) права;
- 2) обязанности;
- 3) ограничения;
- 4) запреты;
- 5) ответственность;
- 6) льготы (преимущества);
- 7) компенсации;
- 8) стимулы.

Помимо общих, специальных и служебных обязанностей на военнослужащих отдельных категорий накладываются дополнительные обязанности, запреты и ограничения. Представляется возможным назвать их ведомственными, так как их действие распространяется на военнослужащих определённого ведомства (например, органы федеральной службы безопасности, органы государственной охраны, органы внешней разведки).

С учетом изложенного, представляется целесообразным выделить следующие виды правового статуса военнослужащих:

- общегражданский статус (конституционные права и свободы);
- государственный статус (права и обязанности, распространяющиеся на государственных служащих, которые касаются и военнослужащих в частности);

---

¹⁰³ О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 13, ст. 1475.

¹⁰⁴ О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению : указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 39, ст. 4588.

¹⁰⁵ При этом само включение указанной статьи в Закон о воинской обязанности вызывает недоумение, так как она относится к предмету ведения Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22, ст. 2331), глава третья которого содержит нормы об обязанностях и ответственности военнослужащих, производстве по материалам о дисциплинарных проступках, совершенных военнослужащими.

¹⁰⁶ См., например: Бараненкова И.В., Миронов О.И. Особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах- Военно-правовое обозрение, № 8, 2012. С. 18 – 22.

- общий статус военнослужащих (права, обязанности, ограничения и запреты, касающиеся военнослужащих всех родов и войск);
- ведомственный статус военнослужащих (права, обязанности, ограничения и запреты, определяемые в соответствии с осуществляемой деятельностью);
- должностной статус военнослужащих (права и обязанности, налагаемые на военнослужащего в соответствии с занимаемой должностью);
- специальный статус военнослужащих (дополнительные права и обязанности, налагаемые в определённые моменты и временно, например, такие как применение оружия, силы; предъявление требований, обязательных для исполнения в период несения боевого дежурства)¹⁰⁷.

Представляется возможным выделить следующие принципы ограничения прав военнослужащих:

- принцип приоритета интересов общественного строя и безопасности государства. (ст. 55 п. 3 гл. 2 Конституции Российской Федерации¹⁰⁸);
- принцип законности запретов, ограничений и ответственности;
- принцип сбалансированности компенсаций и льгот;
- принцип системности ограничений и ответственности;
- принцип научной обоснованности запретов, ограничений и ответственности.

Библиографический список:

- Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций: Монография. – М., 2008.
- Бараненкова И.В., Миронов О.И. Особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах-Военно-правовое обозрение, № 8, 2012. С. 18 – 22.
- Козлов В.В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – 2001. – № 5.
- Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система: Монография. СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2002.
- Кудашкин А.В. Теоретико-правовые основы военной службы в Российской Федерации //Электронное научное издание, Военное право [Москва.]. 2003.URL: <http://voenprav.ru/doc-2478-1.htm> (дата обращения: 20.06.2014).
- Кудашкин А.В. Комментарий к Федеральному закону "О статусе военнослужащих" // Право в Вооруженных Силах – 2004. – № 10.
- Кудашкин В.В. Внешнеторговые сделки в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты // Военно-правовой обозреватель, Правовая энциклопедия военнослужащего. М., 2007 г. – Вып.79. – С.47.
- Кученин Е.С.//Общество: политика, экономика, право. 2011. № 2.
- Матюшева Т.Н. Статус педагогического работника: соотношение общего, специального и индивидуального // Образовательное право. 2014. – № 5.

---

¹⁰⁷См.: Шветова К.Г. О структуре и особенностях правового статуса военнослужащих. //Электронное периодическое издание, Военное Право [Москва.]. 2014. URL: <http://nir.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 20.06.2014).

¹⁰⁸См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : по состоянию на 21 июля 2007 г. // Рос. газ. - 1993. -12 дек.

- Шветова К. О структуре и особенностях правового статуса военнослужащих // Электронное научное издание «Военное право» [Москва.]. 2014. URL: <http://nir.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 20.06.2014).

• Literature

- Baranekov, V.V. Centuries of Legal personality military organizations: Monograph. M., 2008.
- Baranenkova I.V., Mironov O.I. The features of disciplinary liability of servicemen for corruption offences // The Law in the Armed Forces - Military law review, No. 8, 2012. pp. 18 - 22.
- Kozlov V.V. Restrictions, prohibitions and obligations associated with their military service established by the Federal law on combating corruption and on the civil service of the Russian Federation // The Law in the Armed Forces - Military law review 2001. № 5.
- Komarov S.A., Rostovshikov I. V. The personality. Rights and freedoms. Political system: Monograph. - SPb.: Publishing house of Law Institute (St. Petersburg), 2002.
- Kudashkin A.V. Theoretical and legal basis of military service in the Russian Federation // Electronic scientific publication «Military law» [Moscow]. 2003. URL: <http://voenprav.ru/doc-2478-1.html> (date of access: 20.06.2014).
- Kudashkin A.V. Commentary to the Federal law "On status of servicemen" The Law in the Armed Forces - Military law review, 2004. № 10.
- Kudashkin V.V. Centuries foreign trade transactions in the sphere of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign States: legal aspects // Military law review, Legal encyclopedia of soldier. - M., 2007 - Issue 79.- P.47.
- Kuchanin E.S. // Society: politics, economics, law. 2011. № 2.
- Matusheva T.N. The status of an educator: the ratio of general, special and individual // Education law, 2014. № 5.

М.В. Кобакин, доктор социологических наук, доцент,
научный сотрудник Военного университета

Kibakin M.V., doctor of sociological Sciences, associate Professor,
researcher at the Military University.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ¹⁰⁹

В статье проведена структуризация и раскрыта специфика использования экспериментальных методов военно-правовых исследований социальной защиты военнослужащих, показана возможность их применения для рефлексии субъектов научной деятельности по поводу состояния военно-правовых явлений, динамики военно-правовых процессов в рамках военного права, как комплексной отрасли права.

Ключевые слова: социальная защита, военное право, правовое регулирование, военно-правовые исследования, методология исследований, экспериментальные методы, рефлексия.

Modern problems of military-legal studies social protection of servicemen

The article deals with the structuring and specificity of the use of experimental methods military-legal studies social protection of servicemen, the possibility of their application for reflection of the subjects of the research activities regarding the state of the military-legal phenomena, the dynamics of military legal processes under military law, as a complex field of law/

Key words: social protection, military law, regulation, military, legal research, research methods, experimental methods, reflection.

Социальная защита военнослужащих, как функция государства, предусматривает систему правового регулирования системы мер, сущность которых может быть определена по различным основаниям (институциональных, управленческих сфер жизнедеятельности, уровневых, субъектных, объектных и др.) в силу сложности их юридической конструкции и включенности в различные отрасли права. Так, социальная защита военнослужащих предполагает: реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, органами военного управления и органами местного самоуправления; совершенствование механизмов и институтов социальной защиты указанных лиц; охрану их жизни и здоровья, а также иные меры, направленные на создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе¹¹⁰.

Целостный характер социальной защиты военнослужащих как объекта юридического научного исследования в связи с этим может быть обеспечен на основе его анализа в рамках военного права с привлечением соответствующей методологии и методики.

Важно отметить в этой связи, что военное право как комплексная отрасль права¹¹¹ включает в себя собственные методологические конструкты регулирования общественных отношений в отдельной сфере: компактный объект правового регулирования, наличие особых законодательных актов, единство и своеобразие используемых методов. Одновременно отраслевой статус военного права предполагает наличие в рамках его научного обеспечения развернутые теоретико-прикладные основы исследования военно-правовых феноменов, в частности, связанных с социальной защитой военнослужащих как в интересах его подтверждения, так и для постоянной актуализации собственного понятийно-категориального аппарата и развития методического потенциала, в целом саморефлексией в качестве самостоятельной научной теории.

---

¹⁰⁹ Рецензент – В.Н. Старцун, доктор юридических наук, профессор.

¹¹⁰ П. 3 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

¹¹¹ Попов В.Л. Военное право : учебник; под ред. Ю.И. Мигачева / В.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. М.: Юристъ, 2008. С. 25; Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. М.: «За права военнослужащих», 2004. С. 9.

При этом саморефлексия военного права, как методологическая процедура познания собственного статуса в системе знания, а также способов научного познания военно-правовой сферы, ближе всего к понятиям «философская методология науки», «науковедение» и «наукометрия». Учитывая необходимость опоры теоретического компонента в военном праве на возможно более широкую совокупность экспериментальных данных в собственной предметно-объектной сфере, особую важность приобретает обоснованность методов прикладных исследований.

Обратим также внимание на нормативное закрепление необходимости проведения исследовательских процедур при подготовке научно-квалификационных работ диссертационного уровня. В частности, установлено, что в настоящее время к соисканию ученой степени доктора наук допускаются лица, подготовившие диссертацию на основе проведенных ими научных исследований¹¹², а в заключении организации, где выполнялась диссертация, отражается, в частности, степень достоверности, новизна и практическая значимость проведенных соискателем исследований¹¹³.

Рассмотрим в связи с этим содержание, особенности, практику и проблемы использования методов теоретико-прикладного исследования военно-правовых отношений, юридических проблем военной сферы применительно к системе социальной защиты военнослужащих.

Анализ юридической литературы, диссертационных исследований позволяет объединить указанные методы в следующие *группы*: (а) методы выявления сущности понятий и категорий военного права; (б) методы исследования генезиса военно-правовых явлений и процессов; (в) методы описания военно-правовых отношений; (г) методы прогнозирования военно-правовых феноменов; (д) методы проектирования правовых институтов; (е) методы толкования норм права.

При *определении объема и смысла понятий* военного права реализуются принципы единства человеческой деятельности и общественных отношений, единства теории и метода, единства законов развития и законов функционирования. Учитывая постоянное развитие нормативно-правовой базы, динамика изменений которой детерминируется постоянными изменениями военно-правовых отношений, важную роль при изучении данных аспектов военного права имеют законы «единства и борьбы противоположностей», «переход количественных изменений в качественные», которые фиксируют объективную природу изменений в определенном правовом континууме.

Так, понятие социальной защиты военнослужащих, в зависимости от конкретных экономических условий, этапа развития государственности и его социальных институтов, включало в себя преимущественно компенсаторный, правозащитный, функциональный и, наконец, институциональный характер. Так же произошло и в плане обоснования научной позиции по общим и особенным характеристикам социальной защиты военнослужащих, как субъектов особой деятельности, связанной с обеспечением обороны и национальной безопасности: от прямого заимствования его объема и смысла от категории «социальная защита населения», до выделения его специфики на основе понимания предмета правоотношений в военно-профессиональной деятельности.

Достаточно часто встречается в военно-правовых исследованиях социальной защиты военнослужащих экспериментальные методы декомпозиции категорий и понятий, сравнительный правовой анализ объема категорий, употребляемых в различных правовых актах, синтез первичных понятий в юридических конструктах более высокого уровня.

Так, обеспечение законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в том числе по отношению к социальной защите военнослужащих, законодатель определил через указание институциональных субъектов, реализующих полномочия надзора за законностью, проводящих расследование преступлений, а также осуществляющих правосудие¹¹⁴. В научных целях с использованием метода синтеза первичных понятий имеется возможность объединения вышеуказанных норм в интегральном понятии, дающем определение обеспечения законности в системе социальной защиты военнослужащих, как системе мер, осуществляемых данными органами в целях реализации конституционного принципа верховенства закона в военной организации, обеспечения социальной защищенности военнослужащих.

---

¹¹² П. 2 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

¹¹³ П. 6 Положения о присуждении ученых степеней.

¹¹⁴ Ст. 25 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

Генезис военно-правовых отношений исследуется с помощью методов историко-правового исследования: выделения относительно автономных периодов (этапов) в нормативно-правовом регулировании, либо функционирования правовых институтов; описания источниковой базы, как правило, по юридической силе; составление сравнительных синхронических таблиц, которые могут быть весьма полезными при кросскультурных межгосударственных исследованиях, в частности при сравнении различных правовых систем – англосаксонской, романо-германской, мусульманской; дескриптивный (описательно-повествовательный) метод, который более пригоден для научно-популярных публикаций; идиографический метод с многоаспектным изучением военно-правовых актов, регулирующих отдельные проблемы в военной сфере.

Отметим, что в реальных исследованиях, как правило, встречается сочетание различных методов в единой логике описания его объектно-предметной сферы. Так, выделение в истории становления и развития военного законодательства и военного права пяти этапов: 1) допетровский (X в. – 1700 г.); 2) петровский (1700 – 1725 гг.); 3) послепетровский – дооктябрьский (1725 – 1917 гг.); 4) советский (1917 – 1992 гг.); 5) постсоветский (с 1992 г. по н.в.), стало возможным (и это отражено в авторской системе обоснования авторитетным ученым в сфере проблем военного права В.М. Корякина)¹¹⁵ на основе методов выделения их специфики и описания системы законодательства, отдельных нормативно-правовых актов, структуры (сфер) регулируемых правоотношений, статуса субъектов регулирования, исторических событий и правовых эксцессов. В данном случае использованный синтетический подход позволяет рассматривать произведенную научную рефлексию военного права, как достаточно обоснованную.

Наиболее широк спектр экспериментальных *методов исследования состояния*, количественных и качественных характеристик, проблем правоприменительной практики по проблемам социальной защиты военнослужащих. Их широкое применение связано, в частности, с созданием соответствующей нормативно-правовой базы, предусматривающей поручение уполномоченному федеральному органу исполнительной власти организовывать ежегодный мониторинг социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей¹¹⁶.

Специфика использования методов данной группы связана с возможностью, с одной стороны, более полного выявления наличия несогласованности, дублирования, противоречия и пробелов военно-правового регулирования, квалификации устаревших или неэффективных норм, а с другой – определения юридически значимых характеристик индивидуальных и групповых субъектов правоотношений в военной сфере, факторов деликтного поведения и условий возникновения противоправных явлений в функционировании правовых институтов.

Разделим методы описания реального состояния военно-правовых отношений в сфере социальной защиты военнослужащих на две подгруппы – сбора военно-правовых фактов, а также методов их обработки.

Методы сбора первичных данных позволяют осуществить, во-первых, сбор представительных (репрезентативных) характеристик по всей совокупности единиц наблюдения (например, решений военных судов за определенный период, или правосознания военнослужащих, проходящих службу по призыву) – наблюдение (включенное, не включенное, формализованное, неструктуризованное), опрос (анкетирование, интервьюирование), изучение документов (семантическое, контент-анализ), а также, во-вторых, экспертное заключение субъектов, обеспечивающих достоверность за счет их компетентности в изучаемой предметно-объектной области.

К методам анализа первичных военно-юридических фактов относятся: методы описательной статистики – выявления мер центральной тенденции и вариации, группировки; методы преобразования данных – нормирование, рандомизации, построение простых и агрегированных индексов; методы статистического вывода – корреляционный, кластерный, регрессионный анализы, а также

---

¹¹⁵ Корякин, В.М. Введение в теорию военного права (монография) / В.М. Корякин // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». М.: «За права военнослужащих», 2007. С. 16.

¹¹⁶ П. 3 ст. 29 Федерального закона «О статусе военнослужащих»; Постановление Правительства Российской Федерации от 27 февраля 1999 г. № 232 «Об организации ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей».

многообразные методы факторного анализа – «корреляционных плеяд», «минимального графа» и другие.

В силу сложности военно-правовых отношений, юридически значимых фактов функционирования военной организации, выделения в них социальных¹¹⁷, нравственных¹¹⁸ и иных аспектов, вполне обоснованным представляется использование метода правовой типизации для их экспериментального описания.

Сущность данного метода заключается в соотношении между собой выявленных характеристик отдельных компонентов целостного военно-правового феномена. Так, при описании правосознания военнослужащих, выделяются такие компоненты, как осведомленность в законодательстве (знаниевый компонент – Зн), отношение к праву (психологический компонент – Пс), а также соблюдение норм права (деятельностный – Д) компонент.

При использовании показателя «выраженности» – «В» (употребляются также термины «функциональной выраженности», либо «необходимого уровня сформированности» и т.п.), а также «не выраженности» – «НВ» отдельных компонентов, появляется возможность выделения среди военнослужащих следующих типов правосознания:

– первый тип – Зн(В); Пс(В); Д(В), которому можно дать название «целостный тип позитивного правосознания»;

– второй тип – Зн(В); Пс(В); Д(НВ) – «противоречивый тип правосознания с негативными проявлениями»;

– третий тип – Зн(В); Пс(НВ); Д(В) – «в целом позитивный с невыраженной эмоциональной оценкой»;

– четвертый тип – Зн(В); Пс(НВ); Д(НВ) – «преимущественно негативный эмоционально-деятельностный тип правосознания»;

– пятый тип – Зн(НВ); Пс(В); Д(В) – «преимущественно позитивный тип правосознания с малой осведомленностью»;

– шестой тип – Зн(НВ); Пс(В); Д(НВ) – «преимущественно негативный, эмоционально выраженный»;

– седьмой тип – Зн(НВ); Пс(НВ); Д(В) – «противоречивый тип правосознания с позитивной формой поведения»;

– восьмой тип – Зн(НВ); Пс(НВ); Д(В) – «тип негативного правосознания».

Заметим, что при наличии обоснованной авторской позиции можно применить не метод типизации, а интеграции, при котором показатели выделенных компонентов объединяются для определения общего уровня правосознания. В этом случае также возможна типизация, но уже как интерпретация «высокого», среднего», «низкого» уровня правосознания на основании индексных (в том числе и нормированных) данных.

Большие возможности для описания актуальных правовых проблем современной юридической системы дают материалы решений Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации. В частности, для определения правового смысла современных коллизий военно-правовых отношений, а также методологических основ их толкования, используется метод контент-анализа. При этом определяется частота использования таких юридических конструкций, как «конституционные принципы», «смысл конституционных норм». На следующем этапе производится смысловое, семантическое изучение использованных в качестве аргументации позиций Конституционного Суда Российской Федерации для различных сфер жизнедеятельности, государственного устройства, обеспечения военной безопасности.

Прогнозирование развития военно-правовых процессов производится преимущественно в рамках криминологических исследований. При этом используются методы экспертных оценок, построения статистических рядов, использование регрессионных моделей. Так, достаточно интересной в научно-теоретическом и практическом плане является задача выявления регрессионных связей между характеристика социальной защищенности военнослужащих (независимая переменная) и их профессиональной успешностью (зависимая переменная).

Прогнозирование военно-правовых процессов входит в Военную доктрину Российской Федерации, которая, в частности, указывает, что сохраняется тенденция к силовому разрешению

---

¹¹⁷ Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В.Мальцев. М.: Норма, 2007.

¹¹⁸ Мальцев, Г.В. Нравственные основания права / Г.В.Мальцев. М.: Изд. СГУ, 2008.

региональных конфликтов, а «существующая архитектура (система) международной безопасности, включая ее международно-правовые механизмы, не обеспечивает равной безопасности всех государств»¹¹⁹.

Прогнозирование тесно связано с методами планирования и программирования, которые являются научной основой при принятии стратегических документов развития страны, ее военно-правовой сферы – государственных программ, государственных стратегий, доктрин.

Дополнительные возможности для экспертизы законодательных изменений и прогноза их последствий для социальной защиты военнослужащих предоставляют институты общественного представительства при федеральных органах власти¹²⁰. Особое место в их системе занимает Общественный совет Министерства обороны Российской Федерации, который, в частности осуществляет проведение общественной экспертизы (экспертизы) проектов федеральных законов, разрабатываемых Министерством обороны Российской Федерации, и проектов нормативных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации¹²¹.

Достаточно важное место в методическом арсенале военного права в сфере изучения проблем социальной защиты занимают *методы проектирования*. Они обеспечивают реализацию потребностей в обосновании структуры, функций, правового статуса, систем управления и обеспечения правовых институтов, механизмов правового контроля, субъектов военного управления, административных регламентов, как юридически значимых форм реализации военной организацией и ее структур возложенных задач.

В военном праве при проектировании используются различные методы администрирования, моделирования, групповой экспертной работы – организационно-деятельностные игры, мозговые штурмы, круглые столы, научно-практические конференции, а также индивидуальной экспертизы – рецензирование, экспертизы, заключения, отзывы.

Достаточно большое применение в проектировании институциональных изменений военной сферы имеют целостные экспертные технологии, использующие, в частности, методику «Дельфи». При этом предполагается неоднократное обращение к экспертам с просьбой подтвердить и дополнительное обосновать свою позицию. Для насыщения экспертов дополнительными данными, им предоставляются обобщенные оценки других экспертов. После нескольких итераций, экспертное сообщество консолидируется возле одной или нескольких научных школ, которые имеют целостные концептуальные наработки в исследуемой области военно-правовых отношений.

Важно также отметить, что в военно-правовой науке в целях развития законодательства также успешно используются специфические методы проектирования: методы систематизации нормативно-правовых актов в форме инкорпорации и кодификации, а также имплементации норм права. Так, для широкой научной дискуссии рядом ученых предлагается разработка и внедрение специального «Социального кодекса военнослужащих», как консолидированного законодательного документа по их социальной защите.

Важное значение для развития военно-социальных отношений, совершенствования системы социальной защиты военнослужащих имеют и такие сложные методы военно-правовых исследований, как эксперименты в реальных условиях жизнедеятельности частей и подразделений¹²².

Отметим также, что при внесении законопроектов, субъекты законодательной инициативы используют различные методы обоснования его необходимости, в том числе выводы из анализа пробелов законодательства, статистических данных, а также ожидаемых результатов.

---

¹¹⁹ П. 7 Военной Доктрины Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146.

¹²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам».

¹²¹ Положение об Общественном совете при Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. №490 «Об образовании Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации».

¹²² Приказ Минобороны России и Минэкономразвития России от 9 марта 2007 г. №109/83 «Об организации работ по проведению эксперимента по ипотечному кредитованию участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» и др.

Достаточно специфичен используемый в военно-правовой науке метод *толкования норм права*. В него, как правило, включается два процесса – уяснение и разъяснение¹²³. Учитывая специфику мыследеятельности, как особого интеллектуального процесса, возможность его использования субъектами научной рефлексии военно-правовой сферы, в частности применительно к системе социальной защиты военнослужащих, предполагает освоение логических методов анализа и синтеза, индукции и дедукции. В практическом аспекте реализация данного метода связана с возможностью использования способов аргументации – ссылок на данные статистические и социологических исследований, собственные экспертные оценки, использование уникальных источников, решений судебных органов, аналогии права и других.

В целом, многообразие экспериментальных методов, применяемых для научно-правовых исследований проблем социальной защиты военнослужащих, позволяет достоверно описывать их качественно-количественные характеристики, насыщать органы военного управления соответствующей аналитической информацией и, одновременно, ставит в качестве отдельной образовательной проблемы формирование соответствующих научно-исследовательских компетенций у обучаемых по направлению «юриспруденция» в системе высшего образования, как органичного элемента их профессиональной подготовки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. М.: «За права военнослужащих», 2004. – 640 с.
2. Корякин, В.М. Введение в теорию военного права (монография) / В.М. Корякин // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». М.: «За права военнослужащих», 2007. – 608 с.
3. Мальцев, Г.В. Нравственные основания права. / Г.В.Мальцев. М.: Изд-во СГУ, 2008. – 552 с.
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В.Мальцев. М.: Норма, 2007. – 800 с.
5. Попов В.Л. Военное право : учебник; под ред. Ю.И. Мигачева / В.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. М.: Юристъ, 2008. – 578 с.
6. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 570 с.

---

¹²³ Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 358.

Вердян А.А., старший юрисконсульт войсковой
части 20142, майор юстиции

**К вопросу об определении правового статуса военнослужащих, проходящих военную
службу за пределами Российской Федерации**

Аннотация: настоящая статья посвящена вопросам теоретико-правового определения правового статуса военнослужащих, проходящих военную службу за пределами России, анализу и структуре данной правовой категории.

Ключевые слова: правовой статус, правовое положение, права и свободы, гарантии, ограничения, ответственность, военнослужащий.

**To the question of defining the legal status of soldiers performing military service outside the
Russian Federation**

Summary: the present article is devoted to questions legal determination of legal status of the military personnel passable military service outside Russia, eo the analysis and structure of this legal category.

Keywords: legal status, legal status, rights and freedoms, guarantees, restrictions, responsibility, serviceman.

Перемены, произошедшие в последние десятилетия во внутреннем и международном положении Российской Федерации, не могли не повлиять на такой традиционный институт государства, как военная служба. Призванная обеспечивать суверенитет и территориальную целостность государства, последняя всегда являлась важнейшей составной частью обороны и безопасности государства.

В то же время в Российской Федерации продолжается сложный и непрерывный процесс радикального реформирования всех сторон общественной и государственной жизни. Созданы условия и необходимые правовые предпосылки для формирования в стране цивилизованного гражданского общества, становления и развития институтов правового государства. Всё большее значение уделяется вопросам государственной, экономической, политической, правовой и личностной безопасности.

Современное геополитическая положение России не может оставить без внимания и такую сторону обеспечения национальной безопасности как наличие военных формирований и органов за пределами государства.

Изменения во взаимоотношениях с сопредельными государствами, заключение различного рода международных соглашений повлияло также и на охрану и защиту внешних границ, в том числе и за рубежом.

Конечно же, данное положение затрагивает напрямую участие России в СНГ.

Так, например, Российская Федерация и республика Армения заключили договор о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования (далее – Договор).

Действие Договора направлено на развитие между государствами дружественных отношений и взаимовыгодного сотрудничества на основе общепризнанных принципов и норм международного права, обеспечения коллективной безопасности государств-участников Содружества независимых Государств, а также обеспечения пограничными органами России охраны границы с Турцией и Ираном на территории Армении.

Однако, нормами Договора и, конечно же, законодательством данных государств не указаны многие вопросы определения статуса военнослужащих, осуществляющих охрану государственной границы. Данные вопросы носят комплексный как международно-правовой, так и внутригосударственный характер.

В этих условиях особую актуальность приобретают вопросы определения правового статуса военнослужащих пограничных органов, проходящих военную службу за пределами Российской Федерации.

И чтобы данное исследование имело точку начала, необходимо разобраться с такой правовой категорией, как «правовое положение военнослужащих, проходящих военную службу за пределами государства».

Несмотря на то, что понятие «правовой статус» часто употребляется как в законодательстве, так и в юридической литературе, в науке отсутствует единая точка зрения на то, какие элементы входят в его состав и равнозначны ли понятия «правовой статус» и «правовое положение». Что касается соотношения данных понятий, то мы придерживаемся позиции ученых, считающих, что данные понятия несут одинаковую смысловую нагрузку и являются взаимозаменяемыми¹. Слово «статус» в переводе с латинского языка означает положение, состояние кого-либо или чего-либо. В самом кратком виде правовой статус определяется в науке как юридически закрепленное правовое положение личности в обществе.

Вопрос о составе правового статуса ученые² решают по-разному. Общим для всех подходов является включение в правовой статус таких элементов, как права, свободы и обязанности. Помимо этих элементов в правовой статус также включают общую правоспособность и гарантии³, юридическую ответственность⁴, гражданство⁵ и т.д.

М.С. Строгович разделяет точку зрения о наличии четырех элементов правового статуса: прав и свобод, обязанностей, ответственности и гарантий⁶.

Но нельзя при анализе категории правового статуса забывать о его привязанности к конкретному субъекту правоотношений.

По мнению Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина⁷, понятие «основы правового положения (статуса) личности» отражает прежде всего систему взаимоотношений государства и личности и включает следующие элементы:

1) правовые установления, связанные с принадлежностью к гражданству и регулированием отношений по поводу гражданства.

2) юридически закрепленные общие принципы статуса личности, которые проявляются во всех сферах реализации ее правоспособности, независимо от того, какой отраслью права регулируется данное общественное отношение.

3) основные права, свободы и обязанности, т.е. те, которые неотделимы от человека и гражданина, принадлежат всякому лицу как субъекту права независимо от реализации им своей правоспособности, составляют неотъемлемую ее черту.

В теории государства и права правовой статус личности определен как «понятие, включающее общие для всех физических лиц права, свободы и обязанности, предусмотренные нормами международного права и Конституцией Российской Федерации. Элементом правового статуса личности является предусмотренная указанными нормами правоспособность и

---

¹ См.: Козбаненко В.А. Правовой статус государственного гражданского служащего: структура и содержание. Монография. – М., 2003. – С. 23-24; Кудашкин А.В. Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. – М., 2001. – С. 241.; Королько А.А., Терешин А.П., Федоров В.А. Конституционный статус курсанта образовательного учреждения высшего профессионального образования ФСБ России. Монография. – М., 2010. – С. 46.

² См.: Витрук Н.В. Основы правового положения личности в социалистическом государстве. – М., 1979. – С. 29; Кучинский В.А. Личность, свобода, право. – М., 1978. – С. 115.; Матузов Н.И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности // Конституция СССР и правовое положение личности. – М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1979. – С. 59; Общая теория прав человека / Авт. кол. под рук. Е.А. Лукашевой. – М., 1996. – С. 29 – 30 и др.

³ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 30 – 31.

⁴ См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. – С. 55; Туганов Ю.Н. К вопросу кодификации военного законодательства Российской Федерации // Вестник Чит. гос. унив. – 2007. – № 1. – С.81-87.

⁵ См.: Конституция Российской Федерации. Комментарий. – М., 1994. – С. 76; Чхиквадзе В.М. Советское государство и личность. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 43.

⁶ См.: Строгович М.С. Правовое положение личности в СССР // Конституция общенародного государства. Вопросы теории. – М., 1979. – С. 199.

⁷ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Государственное право Российской Федерации: Учебник. М., 1996. С. 580.

дееспособность физических лиц. Существенным элементом правового статуса личности является гражданство»⁸.

Ряд ученых под правовым статусом понимают субъективные права гражданина (приобретенные им), образующие его правовое состояние. Из этого определения следует, очевидно, что граждане имеют неодинаковый правовой статус, поскольку они приобретают различные субъективные права⁹.

Большинство исследователей считают, что правовой статус един для всех граждан Российской Федерации, и поэтому исключают из его содержания категорию субъективных прав¹⁰. Соответственно под правовым статусом понимается положение лица до вступления его в конкретные правоотношения. При этом правовой статус отождествляется с правосубъектностью как совокупностью общих прав и обязанностей (правоспособность), а также прав и обязанностей с определенным содержанием, непосредственно вытекающих из закона¹¹. Близко к этому понимание статуса как единства правосубъектности с конституционными правами и обязанностями¹².

Так, например, Н.И. Матузов в своей работе пишет: «В понятие общего правового статуса личности, как представляется, входят следующие основные элементы, составляющие его содержание и структуру: 1) соответствующие правовые нормы; 2) правосубъектность; 3) общие для всех субъективные права, свободы и обязанности; 4) законные интересы; 5) гражданство; 6) юридическая ответственность; 7) правовые принципы; 8) правоотношения общего (статусного) характера»¹³.

Наконец, при самом широком понимании к статусу относят все правовые категории, определяющие и обеспечивающие юридическое положение личности в государстве, включая гражданство, общую правоспособность, основные (конституционные) права и обязанности, юридические гарантии прав и обязанностей, принципы правового положения граждан. Таким образом, правовой статус признается наиболее общей, широкой и обобщающей правовой категорией, охватывающей всю сферу юридических связей и отношений между личностью и обществом, всю совокупность правовых средств, которыми государство определяет и закрепляет положение человека в данной системе общественного устройства.

В литературе можно встретить иные определения понятия правового статуса личности, отличающиеся включением в его структуру (или исключения из нее) тех или иных элементов и в зависимости от этого – критику других определений статуса за их чрезмерную «широту» или «узость». Так, например, наряду с совокупностью юридических прав и обязанностей А.И. Лепешкин включает сюда их гарантии¹⁴, Л.Д. Воеводин, кроме того, – правоспособность и принципы¹⁵.

Таким образом, в дальнейшем рассматривая общий правовой статус, мы будем исходить из того, что в его состав входят четыре элемента: права и свободы, обязанности, ответственность и гарантии. Мы согласны с В.М. Горшеневым и Е.А. Лукашевой, которые указывают, что гражданство, правосубъектность, общие правоотношения выполняют по отношению к правовому статусу функции либо предпосылок, либо производного элемента, продукта проявления правового статуса¹⁶. Однако

---

⁸ См.: Общая теория права и государства: Учебник для юрид. вузов // под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 1994. С. 152-153.

⁹ См., например, Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997; Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. М., 1974. С. 128; Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 161-166 и др.

¹⁰ См.: Горшенев В.М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 г. // Правопорядок и правовой статус личности. М., 1977. С. 52; Таранов А.П. Правовой статус личности в социалистическом обществе // Конституционные права и обязанности советских граждан. Киев, 1985. С. 8.

¹¹ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 116.

¹² См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права // Социалистическое право. М., 1970. С. 506-511; Пхаладзе Б.В. Юридические формы положения личности в советском обществе. Тбилиси, 1969. С. 34-37; Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., Юридическая литература, 1972. С. 88-89 и др.

¹³ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 294.

¹⁴ См.: Лепешкин А.И. Правовое положение советских граждан. М., 1966. С. 3-11.

¹⁵ См.: Воеводин Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. М., 1965. № 2. С. 42-50.

¹⁶ Горшенев В.М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 года // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – С. 52; Общая теория прав человека / Рук. авт. кол. Е.А. Лукашева. – М., 1996. – С. 29-30.

определение правового статуса как совокупности элементов кажется нам не совсем верным. На наш взгляд, структуре правового статуса характерна системность¹⁷. Правовой статус нужно рассматривать именно как систему¹⁸, в которой изменение одного из элементов, например, объема прав, неизбежно повлечет за собой изменения всех остальных элементов.

Данный вывод подтверждается и положениями законодательства. Так, характеризуя понятие «правовой статус военнослужащих», законодатель определяет его как «... совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации¹⁹».

Права и свободы индивида – это его социальные возможности, обусловленные экономическими и культурными условиями жизни общества и законодательно закрепленные государством. В них выражена та мера свободы, которая объективно возможна для индивида на конкретном историческом этапе развития общества. Конституционные (основные) права и свободы принято классифицировать на три группы: личные, политические и социально-экономические. В таком порядке они закреплены во Всеобщей декларации прав человека²⁰.

Правовой статус личности, кроме прав и свобод, в своей структуре содержит также и юридические обязанности, которые являются необходимым компонентом оптимального взаимодействия государства и личности. Как указывает Б.Ю. Дорофеев, чрезмерное внимание к одним только правам человека и оттеснение на второй план обязанностей, также, как и осуществление прав любой ценой, негативно влияют на взаимоотношения индивида, общества, государства²¹.

В юридической науке под обязанностью понимается мера должного поведения, установленная за участником правоотношения и, в частности за военнослужащим.²²

Существует также много мнений о включении в структуру правового статуса в качестве самостоятельного элемента ответственности. Так, например, Е.А. Лукашева относит ее ко вторичным элементам по отношению к основным (права, свободы и обязанности) и не включает в структуру правового статуса.

Однако, как показывает практика реализации права в воинских правоотношениях, вопросы юридической ответственности имеют достаточно важное и определяющее значение в положении военнослужащего. Понятие юридической ответственности, как обоснованно отмечает Ю.Н. Туганов, относится к числу фундаментальных понятий теории права²³.

Исходя из того, что под юридической ответственностью понимается государственное принуждение к исполнению требований права в правоотношении, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом²⁴, мы разделяем точку зрения этих авторов и полагаем, что юридическая ответственность является одним из элементов правового статуса.

---

¹⁷ См., напр.: Марченкова Н.В. Правовой статус военного юрисконсульта: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 17.

¹⁸ Система (греч.) – множество закономерно связанных друг с другом элементов, представляющее собой определенное целостное образование, единство. См.: Словарь иностранных слов. – М., 1988. – С. 459.

¹⁹ См.: п. 1 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.

²⁰ См.: Всеобщая декларация прав человека: Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 года // Российская газета. – 1998. – 10 дек.

²¹ См.: Дорофеев Б.Ю. Права человека и функции российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 95.

²² См.: Терешин А.П.. Конституционно-правовая основа статуса курсанта образовательного учреждения ФСБ России // Военное право: антология диссертаций. - М.: За права военнослужащих, 2011. Ч. II. - С. 168-169.

²³ См.: Туганов Ю.Н. Дисциплинарная ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): монография. – Чита, 2007. – С.48.

²⁴ См.: Назарова Е.А., Терешин А.П. К вопросу о юридической ответственности курсантов военных образовательных учреждений // Право в вооруженных силах. 2009. № 12. - С. 25-28.

Это же касается и вопроса включения в структуру правового статуса в качестве отдельного элемента гарантий. Одни ученые считают, что гарантии не являются составным элементом правового статуса на том основании, что гарантии, прежде всего, по отношению к правам и свободам, выступают в виде внешней стороны или внешних условий их реализации, т.е. выходят за пределы правового статуса²⁵. Другие, с мнением которых мы согласны, включают гарантии в структуру правового статуса личности, поскольку Конституция Российской Федерации гарантирует права и свободы человека и гражданина²⁶. Слово «гарантии» происходит от французского слова *garantie* – ручательство, обеспечение, условие, обеспечивающее что-либо²⁷. Под гарантиями прав граждан понимаются правовые условия и средства, обеспечивающие гражданам возможность пользоваться установленными конституцией и другими законами правами и свободами²⁸.

Н.В. Витрук, с чьим мнением мы также согласны, предлагает следующую классификацию гарантий: общие гарантии – это экономические, социальные, политические, духовные условия и специальные – это правовые средства их реализации и охраны²⁹. Исходя из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что под **правовым статусом (положением)** в общем смысле понимается система прав, обязанностей, ответственности, гарантий, определяющих правовое положение личности в системе общественных отношений.

Но это касается статуса личности в общем. Нельзя говорить, что статус личности у всех одинаков. Таким образом, в целях решения поставленных перед нами задач, хотелось бы выделить основные виды правового статуса и проецировать их на статус военнослужащих, проходящих военную службу за пределами России.

В теории права, как правило, выделяют два вида правового статуса:

- общий, или конституционный, статус гражданина;
- специальный, или родовой, статус отдельных категорий граждан³⁰.

Общий правовой статус – это статус лица как гражданина государства, члена общества. Он определяется, прежде всего, Конституцией Российской Федерации и не зависит от обстоятельств (перемещение по службе, семейное положение и т.д.). Как справедливо отмечает Л.Д. Воеводин основные права и свободы – это закрепленные в Конституции Российской Федерации возможности совершать те или иные действия, избирать вид и меру поведения, пользоваться предоставленными благами для удовлетворения своих интересов и потребностей³¹. Под конституционными правами и свободами следует понимать наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы и получающие высшую юридическую защиту³². Под основными обязанностями, Л.Д. Воеводин определяет установленные государством и закрепленные в Конституции Российской Федерации виды и меры общественно необходимого поведения граждан³³.

Основные права и свободы человека отличаются механизмом их реализации. Иные права и обязанности могут стать достоянием человека и гражданина в процессе реализации его правоспособности через участие в конкретном правоотношении. Основные права выступают в качестве предпосылки любого правоотношения в конкретной сфере, постоянного, неотъемлемого права каждого участника правоотношения.

Хотелось бы также отметить, что характерной особенностью основных прав и свобод является особая юридическая форма их закрепления. Они фиксируются в правовом акте государства, имеющем высшую юридическую силу – Конституцию.

---

²⁵ См.: Общая теория прав человека / Рук. авт. кол. Е.А. Лукашева. – М., 1996. – С. 30.

²⁶ См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. – С. 36-37; Кудашкин А.В. Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. – М.: ВУ, 2001. – С. 213.

²⁷ См.: Краткий французско-русский и русско-французский словарь / Под общ. ред. О.Д. Липшица. – М.: Рус. яз., 1984. – С. 121.

²⁸ См.: Гарантии прав граждан // Большая советская энциклопедия. – Т. 6. – М., 1971. – С. 118.

²⁹ См.: Витрук Н.В. Указ. соч. – С. 200.

³⁰ По данному вопросу более подробно см.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 45 – 63.

³¹ См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 22.

³² См.: Конституционное право Российской Федерации: Учебник / М.В. Баглай. – М.: Норма, 2004. – С. 167.

³³ См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 23.

В Российской Федерации институт статуса личности закреплен второй главой Конституции³⁴: «Права и свободы человека и гражданина».

Статья 17 Конституции Российской Федерации устанавливает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Именно такого рода права и закрепляются конституционно³⁵, то есть подтверждают правовую природу конституционного статуса личности.

Следующим неотъемлемым элементом конституционного правового статуса являются обязанности. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. Основные обязанности личности и гражданина в России заключаются в следующем: соблюдать Конституцию Российской Федерации; уважать права и свободы других лиц; заботиться о детях и нетрудоспособных родителях; получать основное общее образование; заботиться о памятниках истории и культуры; платить установленные законом налоги и сборы; сохранять природу и окружающую среду; защищать Отечество; заботиться и воспитывать детей³⁶.

Следующим элементом конституционного статуса личности являются гарантии прав и свобод человека и гражданина. Наиболее общей гарантией прав и свобод является сам конституционный строй, декларирующий неуклонное соблюдение конституции, неотчуждаемое естественное право и общепризнанные принципы и нормы международного права³⁷. М.В. Баглай классифицирует гарантии правового статуса человека и гражданина на общие гарантии и гарантии правосудия. По его мнению, к общим относятся: обязанность государства по защите прав и свобод; самозащита прав и свобод; судебная защита прав и свобод; международная защита прав и свобод; возмещение вреда, причиненного нарушением права; неотменяемость прав и свобод человека и гражданина. К конституционным гарантиям-принципам правосудия относятся: гарантии подсудности; право на юридическую помощь; презумпция невиновности; запрет повторного осуждения; недействительность незаконно полученных доказательств; право на пересмотр приговора; отказ от самообвинения; гарантии от преступлений и злоупотреблений властью; запрет обратной силы закона³⁸.

Общий правовой статус не в состоянии учесть всего многообразия субъектов права, их особенностей, отличий, специфики. Он является базовым, исходным для специального правового статуса.

Специальный, или родовой, правовой статус отражает особенности положения определенных категорий. По мнению В.А. Патюлина, специальный статус (модус) – права и обязанности, конкретизирующие и дополняющие общие права и обязанности с учетом специфики социального, служебного и иного положения личности. Таким образом, одно и то же лицо может быть одновременно носителем различных правовых статусов в зависимости от занимаемых им социальных позиций³⁹.

Исходя из этого, мы и определяем особую структуру правового статуса военнослужащих, и в частности проходящих военную службу за пределами России, которая и заключается в том, что он соединяет в себе две составляющие: общегражданскую и военно-служебную (специально-служебную).

Общегражданская часть основывается на свободах, правах, обязанностях и ответственности, которыми военнослужащие наделены так же, как и другие граждане Российской Федерации.

Военно-служебная (военно-специальная) составляющая правового статуса военнослужащих, также имеет внутреннюю структуру. Например, профессор Н.В. Артамонов указывает на две части:

---

³⁴ См.: Конституция Российской Федерации // Российская газета от 25 декабря 1993 года № 237 - С.1

³⁵ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Юристъ, 2002. – С. 130.

³⁶ См.: Российская газета от 25 декабря 1993 года № 237 - С.1

³⁷ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации // Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. – С. 277.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ См.: Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. – М., 1974. – С. 198-199; Новоселов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. – Саратов, 1976. – С. 28; Витрук Н.В. Указ. соч. – С. 186.

общую и военно-служебную. Под военно-служебной частью правового статуса военнослужащих следует понимать права и обязанности, которые возникают у них в связи с поступлением на военную службу⁴⁰. Эти права и обязанности делятся на три группы: общие, специальные и должностные.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что под правовым статусом военнослужащих, проходящих военную службу за пределами Российской Федерации, понимается статус военнослужащих как специальных субъектов правоотношений. Но, на наш взгляд, в структуру правового статуса военнослужащих необходимо включить также в качестве отдельного элемента правовые ограничения реализации прав и свобод.

Под ограничением прав и свобод в теории права понимают конституционные пределы их осуществления.

Данный подход характерен и для российской науки, в том числе и для установления ограничений для военнослужащих. Так, профессор А.М. Добровольский, поддерживавший точку зрения западноевропейских государствоведов Елинека, Эсмена, обосновывал необходимость ограничения военнослужащих в политических правах, исходя «из двух оснований: 1) из принципа охраны общегосударственных интересов: обеспечения свободы осуществления выборного права и устранения армии от политической роли в государстве и 2) из принципа охраны специальных интересов армии и охраны в ней дисциплины и воинского правопорядка»⁴¹. Другие ученые выступали с позиции полноты прав военнослужащих с другими гражданами, т.е. распространения на военнослужащих всех общегосударственных прав и свобод⁴².

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации⁴³ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Указанные ограничения могут вводиться не только в отношении всего населения страны, но и в отношении отдельных категорий граждан, например, государственных служащих и военнослужащих.

Ограничения военнослужащих в отдельных правах и свободах обусловлены непосредственным возложением на органы и организации, в которых предусмотрена военная служба, в том числе и в условиях мирного времени, основного объема мероприятий по реализации конституционной обязанности по подготовке к вооруженной защите и защите Отечества, что, в свою очередь, обуславливает специфику исполнения военной службы.

Проблема ограничения прав и свобод военнослужащих заключается в установлении законодателем в соответствии с нормами и принципами Конституции Российской Федерации границ и пределов действия прав и свобод. По мнению ряда ученых, вводимые и применяемые органами государственной власти ограничения прав и свобод должны соответствовать принципам и концептуальным установкам международной практики и Конституции Российской Федерации⁴⁴. Анализ положений ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод об их соответствии международно-правовым нормам о необходимых и допустимых в демократическом обществе ограничениях.

Во Всеобщей декларации прав человека (ст. 29)⁴⁵ и Международных пактах о правах человека⁴⁶ указаны следующие основания и условия возможных ограничений: 1) они могут вводиться только на основании закона (по Конституции Российской Федерации – на основании федерального закона); 2) они применяются исключительно в целях соблюдения и уважения прав и свобод других и постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав (по Конституции Российской Федерации – в целях защиты прав и законных интересов других лиц); 3) они вводятся в интересах

---

⁴⁰ См.: Артамонов Н.В. Правовой статус советских военнослужащих и его обеспечение. – М., 1984. – С. 47.

⁴¹ См.: Добровольский А.М. Особенности положения военнослужащих в области публичного права. – СПб, 1913. – С. 6.

⁴² См.: Например: Серегин В.П. Военное право. – 1988. – С. 242 и др.

⁴³ См.: Российская газета от 25 декабря 1993 года № 237 - С.1.

⁴⁴ См.: Общая теория прав человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 1996. – С. 158.

⁴⁵ См.: Библиотечка Российской газеты. – 1998. - №22-23

⁴⁶ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. - № 17 (1831). – ст. 291.

удовлетворения справедливых требований морали, обеспечения и охраны государственной безопасности, общественного благосостояния (по Конституции Российской Федерации – в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопасности государства)⁴⁷.

Таким образом, под **правовым статусом военнослужащего, проходящего военную службу за пределами государства, мы предлагаем** понимать систему прав и свобод, гарантий, ответственности и ограничений, установленных Конституцией и законодательством Российской Федерации, а также нормами международных договоров и соглашений, определяющих правовое положение военнослужащего, проходящего военную службу за пределами Российской Федерации.

Список литературы:

1. Артамонов Н.В. Правовой статус советских военнослужащих и его обеспечение. – М., 1984.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации // Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
4. Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., Юридическая литература, 1972.
5. Витрук Н.В. Основы правового положения личности в социалистическом государстве. – М., 1979.
6. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997.
7. Воеводин Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. М., 1965. № 2.
8. Горшенев В.М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 г. // Правопорядок и правовой статус личности. М., 1977.
9. Горшенев В.М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 года // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980.
10. Добровольский А.М. Особенности положения военнослужащих в области публичного права. – СПб, 1913.
11. Дорофеев Б.Ю. Права человека и функции российского права: Дис. ... канд. юрид. наук.- Екатеринбург, 1998.
12. Козбаненко В.А. Правовой статус государственного гражданского служащего: структура и содержание. Монография. – М., 2003.
13. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Государственное право Российской Федерации: Учебник. М., 1996.
14. Королько А.А., Терешин А.П., Федоров В.А. Конституционный статус курсанта образовательного учреждения высшего профессионального образования ФСБ России. Монография. – М., 2010.
15. Краткий французско-русский и русско-французский словарь / Под общ. ред. О.Д. Липшица. – М.: Рус. яз., 1984.
16. Кудашкин А.В. Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. – М., 2001.
17. Кудашкин А.В. Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. – М.: ВУ, 2001.
18. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. – М., 1978.
19. Лепешкин А.И. Правовое положение советских граждан. М., 1966.
20. Марченкова Н.В. Правовой статус военного юрисконсульта: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

---

⁴⁷ См.: Российская газета от 25 декабря 1993 года № 237 - С.1.

21. Матузов Н.И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности // Конституция СССР и правовое положение личности. – М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1979.
22. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
23. Назарова Е.А., Терешин А.П. К вопросу о юридической ответственности курсантов военных образовательных учреждений // Право в вооруженных силах. 2009. № 12.
24. Новоселов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. – Саратов, 1976.
25. Общая теория прав человека / авт. кол. под рук. Е.А. Лукашевой. – М., 1996.
26. Общая теория права и государства: Учебник для юрид. вузов // под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 1994.
27. Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. М., 1974.
28. Пхаладзе Б.В. Юридические формы положения личности в советском обществе. Тбилиси, 1969.
29. Строгович М.С. Правовое положение личности в СССР // Конституция общенародного государства. Вопросы теории. – М., 1979.
30. Таранов А.П. Правовой статус личности в социалистическом обществе // Конституционные права и обязанности советских граждан. Киев, 1985.
31. Терешин А.П. Конституционно-правовая основа статуса курсанта образовательного учреждения ФСБ России // Военное право: антология диссертаций. – М.: За права военнослужащих, 2011. Ч. II.
32. Туганов Ю.Н. К вопросу кодификации военного законодательства Российской Федерации // Вестник Чит. гос. унив. – 2007. – № 1.
33. Туганов Ю.Н. Дисциплинарная ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): монография. – Чита, 2007.
34. Чхиквадзе В.М. Советское государство и личность. – М.: Юрид. лит., 1978.
35. Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 161-166 и др.

Соколова Е.В., старший преподаватель кафедры гражданского права Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, Sokolova2010E@yandex.ru

E. Sokolova, Senior Lecturer of the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense Federal State Public Military Institution of Higher Education, Sokolova2010E@yandex.ru

О некоторых вопросах классификации источников повышенной опасности военного назначения⁴⁸

В статье рассматриваются предложенные в науке военного права классификации источников повышенной опасности, применяемых в деятельности военных организаций. Обращается внимание на то, что классификации таких источников повышенной опасности позволяют дифференцировать ответственность военных организаций по обязательствам вследствие причинения вреда.

Ключевые слова: источник повышенной опасности военного назначения, огнестрельное оружие, боеприпасы и сырье для их изготовления, современные виды оружия.

On classification of sources of increased danger for military use

The article discusses classifications, according to the military law, of the sources of increased danger used by military organizations. It is focused on the fact that the classification of such sources allows military organizations to be differentially responsible for the damage caused by the sources.

Key words: source of increased danger for military use, firearms, ammunition and their raw materials, modern weapons

Классификация играет важную роль в любой области человеческой деятельности как способ упорядочения объектов, субъектов, исследуемых явлений, общественных отношений и т.п. В частности, не только в цивилистике, но и в военном праве предлагались различные варианты классификаций источников повышенной опасности. Подобные классификации имеют важное значение не только для теории, но и для правоприменительной практики.

В военном праве под источником повышенной опасности, как правило, понимается материальный объект, который в процессе владения или пользования им вследствие присущих ему специфических свойств может причинить вред, несмотря на самый полный контроль за ним со стороны человека.⁴⁹

Приведенное определение, по мнению автора, применимо ко всем без исключения источникам повышенной опасности, используемым в военной сфере, в том числе в деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, то есть источникам повышенной опасности, как военного, так и двойного назначения. Однако источнику повышенной опасности военного назначения присущи определенные специфические признаки, такие как повышенная вредоносность, масштабность причинения вреда в результате их применения, причем их применение «при определенных условиях, угрожает существованию всей человеческой цивилизации»⁵⁰ и т.п. Таким образом, понятие «источник повышенной опасности, применяемый в деятельности Вооруженных Сил Российской

---

⁴⁸ Рецензент – д.ю.н., профессор А.В.Кудашкин.

⁴⁹ Лейба В.Н. Ответственность воинской части по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда: Дис. ...канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1973. С.71-72.

⁵⁰ Манов В.В. Воинская часть Вооруженных Сил Российской Федерации как участник гражданских правоотношений: дис. ...канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2000 (доступ: www.do.gendocs.ru/docs/index-98841.html).

Федерации» является более широким, чем понятие «источник повышенной опасности военного назначения», под которым автор считает целесообразным понимать все виды оружия, вооружения, боевой техники, боеприпасов которые специально предназначены для ведения боя, уничтожения живой силы и имущественных объектов противника.

В науке военного права одна из первых классификаций источников повышенной опасности, используемых в деятельности военной организации государства, была предложена В.Н. Лейба, который различные виды боевой техники и вооружения в зависимости от их функционального назначения в боевых действиях разделил на следующие группы: 1) средства поражения и защиты; 2) средства доставки; 3) средства управления и контруправления; 4) средства обеспечения. В то же время, по его мнению, «границы между перечисленными группами в некоторой степени условны, некоторые виды вооружения могут входить одновременно в две группы. Например, многие ракеты вполне обоснованно можно отнести в любую из первых двух групп... Точно же определить предметы вооружения, которые являются источниками повышенной опасности и те, которые не относятся к их числу, возможно лишь при тщательном анализе... условий, в которых был нанесен вред, а также свойств конкретного вида вооружения с точки зрения их качественных и количественных характеристик».⁵¹

Несколько иная классификация по критерию предназначения в дальнейшем была предложена К.В. Матвеевым, который разделил все источники повышенной опасности, применяемые в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации, на две группы: 1) источники повышенной опасности военного назначения или «военные» источники, предназначенные для военной деятельности и обладающие целым комплексом вредоносных свойств; 2) «обычные» источники повышенной опасности, которые имеют и иное, «невоенное» (двойное), предназначение и находят свое применение не только в Вооруженных Силах Российской Федерации, но и в деятельности других организаций. К первой группе К.В. Матвеевым были отнесены бронетанковая техника и вооружение, боевые самолеты и вертолеты, военные корабли, ракеты, торпеды, мины, артиллерийские боеприпасы, оружие массового поражения и др.; ко второй – автомобили, горюче-смазочные материалы, хранилища топлива, ядерные реакторы, электрические преобразователи высокого напряжения и др.⁵²

Ранее автором уже отмечалось, что указанная классификация источников повышенной опасности, применяемых в Вооруженных Силах Российской Федерации, имеет важное практическое значение, так как позволяет дифференцировать ответственность военных организаций, входящих в состав Вооруженных Сил Российской Федерации, по обязательствам вследствие причинения вреда, в зависимости от того, каким источником (военного или двойного назначения) и в результате каких действий (правомерных или неправомерных) он причинен.⁵³

Кроме критерия функционального назначения (предназначения) для классификации источников повышенной опасности указанными авторами применялся и критерий используемой энергии.

Так, в зависимости от используемой энергии к наиболее часто встречающимся в условиях армии и флота источникам повышенной опасности В.Н. Лейба относил химические и физико-химические (горючие вещества, метиловый спирт, различные ракетные топлива, радиоактивные вещества), электрические (различные электронно-вычислительные устройства, электрические преобразователи и др.) и иные источники. По мнению В.Н. Лейбы, «для всех химических веществ характерно то, что в силу присущих им свойств – повышенной воспламеняемости, возможности самовозгорания и саморазложения, ядовитости – они способны проявлять энергию, не поддающуюся полному контролю человека... Повышенная вредоносность электрических источников вызывается тем, что они обладают электрической энергией в форме зарядного и разрядного тока».⁵⁴

---

⁵¹ Лейба В.Н. Указ. соч. С. 77.

⁵² Матвеев К.В. Ответственность воинской части за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2000. С. 11.

⁵³ См.: Соколова Е.В. О понятии и классификации источников повышенной опасности, применяемых Вооруженными Силами Российской Федерации // ЭНИ «Военное право», 2014, № 1 (www.voennoepravo.ru/node/5268).

⁵⁴ Лейба В.Н. Указ. соч. С. 81-82.

К.В. Матвеев по признаку используемой энергии предложил классифицировать источники повышенной опасности, применяемые в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации, на следующие виды: 1) физические; 2) физико-химические; 3) химические; и 4) биологические.

Физические источники повышенной опасности К.В. Матвеев подразделил на: а) механические (боевые, специальные и транспортные машины, различная бронетанковая техника и вооружение, корабли боевого состава и вспомогательного назначения, самолеты и вертолеты и иные летательные аппараты); б) электрические (радиоэлектронная аппаратура, электрические преобразователи, линии электропередачи, оборудование радиолокационных станций и телеметрические системы, использующие электрическую энергию высокого напряжения); в) тепловые (оборудование ремонтных заводов, кораблей, применяющих паросиловые установки с повышенным давлением).

Химические источники повышенной опасности названный автор разделил также на три группы: а) отравляющие вещества (разновидности химического оружия, азотная кислота, дихлорэтан, метиловый спирт, различные виды ракетного топлива); б) взрывчатые вещества (боеприпасы с содержанием тротила, динамита, жидкого кислорода, пропана, бутана, водорода и др.); и в) огнеопасные вещества (бензин, керосин, нефть, спирт, анилин, окислители и различные масла).

К физико-химическим источникам повышенной опасности, по мнению К.В. Матвеева, следует отнести вооружение и двигатели, в которых применяются такие радиоактивные вещества, как дейтерий, радий, плутоний, уран и др.; а к биологическим – боеприпасы биологического, бинарного и токсинного оружия.⁵⁵

В приведенных выше классификациях В.Н. Лейбы и К.В. Матвеева, упоминаются средства поражения и оружие, но их виды не приводятся. В связи с этим остается открытым вопрос о признании или непризнании отдельных видов оружия источником повышенной опасности. Для правоприменительной практики этот факт имеет важное значение, так как в зависимости от признания или не признания определенного оружия источником повышенной опасности, вопрос о возмещении вреда будет решаться либо по правилам ст. 1079 ГК РФ либо по правилам ст. 1064 ГК РФ.

В научной литературе также нет единого мнения относительно того, какое оружие является источником повышенной опасности, а какое, обычным источником опасности. Так, например, отсутствует единство мнений в отношении *огнестрельного оружия*.

Огнестрельное оружие представляет собой в первую очередь устройство, которое предназначено для механического (т.е. с нанесением того или иного ущерба) поражения цели на расстоянии (т.е. в отсутствие необходимости непосредственного контакта устройства с целью). Поражение цели производится снарядом, вид которого зависит от вида конкретного оружия, получающего направленное движение за счет энергии, возникающей при сгорании порохового или иного заряда.⁵⁶

Европейская рамочная конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами ETS № 101 (Страсбург, 28 июня 1978 г.) под огнестрельным оружием понимает любой предмет, изготовленный и приспособленный в качестве оружия, из которого могут быть выпущены свинец, пуля или другой снаряд или вредоносное газовое, жидкое или иное вещество с помощью взрывного, газового или воздушного давления или других способов (Приложение I).⁵⁷

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», огнестрельным оружием является оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии

---

⁵⁵ Матвеев К.В. Указ. соч. С. 10.

⁵⁶ Сургутсков В.И., Зайцева Е.В. Комментарий к Федеральному закону от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии». – Система ГАРАНТ. 2012 г. // ППС ГАРАНТ. Дата обращения 7 марта 2014 года.

⁵⁷ Европейская рамочная конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами ETS № 101 (Страсбург, 28 июня 1978 года). Не ратифицирована Российской Федерацией // ППС ГАРАНТ. Дата обращения 7 марта 2014 года.

порохового или иного заряда.⁵⁸ К огнестрельному оружию относятся, в частности, боевое стрелковое, охотничье оружие и т.п.

По мнению, В.Н. Лейбы, *огнестрельное оружие* к источникам повышенной опасности не относится, так как деятельность, связанная с применением огнестрельного оружия связана с обычной, а не повышенной вероятностью причинения вреда, ибо "огнестрельное оружие не проявляет таких признаков и свойств, которые при данном уровне технического и научного прогресса не поддавались бы контролю со стороны человека в процессе его применения. Правда, нельзя отрицать того обстоятельства, что стреляющий автомат, пистолет обладают определенной формой энергии – энергией сжатого газа. Но величина этого вида концентрированной энергии такова, что человек способен контролировать стрельбу из стрелкового оружия".⁵⁹

Однако при этом не учитывается, что человек может контролировать по сути не саму стрельбу из огнестрельного оружия, а момент нажатия на курок или момент приведения в действие механизма производства выстрела иным способом, то есть в данном случае человек может лишь запустить процесс, привести оружие в действие. Остановить этот процесс уже невозможно. Не исключается и вероятность непроизвольных, случайных нажатий на курок под влиянием объективных (самопроизвольное отключение предохранительного механизма во время движения машины по неровной дороге и др.) или субъективных причин (ввиду неосторожного обращения с оружием и др.), а также самопроизвольного выстрела. Несмотря на то, что на любом оружии, в том числе огнестрельном, предусмотрены специальные предохранительные механизмы, такие механизмы не гарантируют стопроцентную невозможность производства самопроизвольного или случайного выстрела.

Например, самопроизвольный выстрел (выстрел без нажатия на курок, спусковой крючок и т.п.) возможен как из неисправного, так и исправного оружия. Непосредственной причиной выстрела в этих случаях является действие ударника на капсюль гильзы, приводящее к воспламенению порохового состава в результате сильного общего сотрясения механизма, падения оружия, ударов оружием или по оружию, в особенности по курку, заднему концу ударника или детали, соединенной с ударником. Определяющее влияние на возможность самопроизвольного выстрела оказывают при этом состояние и механизм действия спускового приспособления, высвобождающегося находящиеся на боевом взводе ударник, курок или затвор.⁶⁰

В то же время нельзя согласиться в полной мере с высказанным в учебной литературе мнением о том, что огнестрельное оружие является источником повышенной опасности, в связи с тем, что оно требует соблюдения правил безопасности обращения с ним.⁶¹ Обращение со многими предметами, в том числе бытовыми, например, кухонным ножом, требует соблюдения правил безопасности, но от этого такие предметы не становятся источником повышенной опасности. Опасность – это объективная возможность наступления вредных последствий. От обычной опасности повышенная опасность отличается относительно высокой вероятностью наступления вредных последствий и их масштабностью и т.п. Опасность огнестрельного оружия обуславливается, в том числе, и действием энергии сжатых пороховых газов. Именно эта энергия и придает огнестрельному оружию повышенную опасность.

Исходя из содержания ст. 346, 349 и 350 УК РФ и комментариев к ним, следует, что применительно к военной деятельности к числу источников повышенной опасности относится табельное стрелковое оружие. Кроме того, к таким источникам относятся: 1) артиллерийское и ракетное оружие, находящееся на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации и других войсках Российской Федерации; 2) боеприпасы – боевые патроны, снаряды, гранаты и другие устройства, предназначенные для производства взрыва или выстрела; 3) радиоактивные и взрывчатые вещества; 4) боевые машины, составной частью которых является оружие в виде пушки, пулемета и

---

⁵⁸ Федеральный закон от 13 ноября 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 декабря 1996 года № 51. Ст. 5681.

⁵⁹ Лейба В.Н. Указ. соч. С. 85.

⁶⁰ <http://www.be5.biz/pravo/k012/142.htm>

⁶¹ Волохова О.В., Егоров Н.Н., Жижина М.В. и др. Криминалистика: учебник (под ред. Е.П. Ищенко). – М., Проспект, 2011 // ППС ГАРАНТ. Дата обращения 7 марта 2014 года.

т.п., т.е. боевые машины пехоты, самоходные артиллерийские установки, миноукладчики, ракетные установки, предназначенные для буксировки средств ведения боя, артиллерийские тягачи, машины, перевозящие аппаратуру управления огнем, иные самодвижущиеся на поле боя машины, участвующие в ведении боя⁶².

Что касается охотничьего оружия, то судебная практика традиционно не относит его к числу источников повышенной опасности. Так, Пленум Верховного Суда СССР, высказываясь по делу З.А. Степанян о возмещении вреда, в своем постановлении от 24 декабря 1965 года указал: «Охотничье ружье, выстрелом из которого был убит муж истицы, не является источником повышенной опасности. Между тем, закон возлагает на организации и граждан ответственность... лишь в случаях, когда деятельность их связана с обслуживанием машин, механизмов и т.п., представляющих повышенную опасность для окружающих. Деятельность же сторожа, вооруженного ружьем для охраны объекта, не связана в этом смысле с повышенной опасностью для окружающих».⁶³

В научной литературе справедливо отмечалось, что нельзя считать обоснованным ситуацию, «когда при определении субъекта, обязанного возместить причиненный с применением огнестрельного оружия ущерб, при установлении оснований и условий ответственности за причинение вреда не учитываются характер и свойства такого оружия. Ведь любые, будь то незаконные умышленные или неосторожные действия с применением огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ создают угрозу общественной безопасности».⁶⁴

Огнестрельное оружие способно поражать на расстоянии, однако удовлетворительных способов защиты от него нет. По мнению, У.К. Ихсанова, «повышенный характер опасности, исходящий от любого лица...вооруженного огнестрельным оружием, не вызывает сомнений. Возмещение вреда, причиненного с применением огнестрельного оружия, должно производиться по правовым нормам, аналогичным тем, которые установлены на случай причинения вреда источниками повышенной опасности».⁶⁵

В научной литературе поднимался также вопрос об отнесении к источникам повышенной опасности боеприпасов, сырья для их изготовления и иных предметов, представляющих повышенную опасность для окружающих.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 13 ноября 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенное для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание.

Судебная практика к категории снарядов относит артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т.п., независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом. К боеприпасам, взрывчатым веществам и взрывным устройствам не относятся сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные и иные патроны, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т.п.).⁶⁶

По мнению С.Н. Шарапова, боеприпасы, радиоактивные материалы, взрывчатые или иные вещества и предметы, представляющие повышенную опасность для окружающих, обладают в своей основе не только общими качествами и функциональными свойствами с оружием, но и некоторыми

---

⁶² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (статейный). Под ред. д.ю.н., проф. А.И. Чучаева. М., «КОНТРАКТ», 2013. // ППС ГАРАНТ. Дата обращения 7 марта 2014 года.

⁶³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1966. № 2, стр. 19.

⁶⁴ *Лебедев А.Н.* Об огнестрельном оружии как предмете посягательств на общественную безопасность // Вестник МГУ. Сер. Право. 1977. № 1. Ст. 70.

⁶⁵ *Ихсанов У.К.* Возмещение вреда, причиненного гражданам применением огнестрельного оружия // Правоведение. 1989. № 5. С. 34-39.

⁶⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // <http://base.garant.ru/12112448/>

специфическими особенностями в реализации опасных свойств поражающего характера, которые могут проявляться как в процессе их использования, так и в результате нарушения условий хранения, в силу неблагоприятного воздействия внешних факторов (несоблюдение температурного режима, нарушение допустимых пределов влажности воздуха в хранилище, «соседство» с «агрессивными» веществами и металлами, разрушение средств защиты от облучения и т.п.).⁶⁷

Как было отмечено С.Е. Донцовым и В.В. Глянцевым, «скрытая во взрывчатых и легковоспламеняющихся веществах энергия и разрушительная способность позволяют считать некоторые виды сырья для изготовления боеприпасов и взрывчатых веществ, а также бензин, бензол, керосин, денатурат, эфир и др. в чистом виде или в качестве преобладающих компонентов (основа в лаках, красках и др.) также источниками повышенной опасности».⁶⁸

Вышеуказанные точки зрения представляются вполне обоснованными. Стоит также отметить, что в силу объективных причин, в том числе временных рамок, в классификациях В.Н. Лейбы и К.В. Матвеева, указывается на традиционные виды вооружения и военной техники. В силу этих причин ими не поднимался вопрос об отнесении к источникам повышенной опасности инфра- и ультразвукового, электромагнитного, лазерного, акустического и иных видов боевого оружия.⁶⁹оборот такого оружия, (т.е. оружия, поражающее действие которого основано на использовании электромагнитного, светового, теплового, инфразвукового или ультразвукового излучения и др.), в качестве гражданского и служебного запрещен, что свидетельствует о наличии повышенной опасности современных видов оружия, вытесняющих традиционное огнестрельное (ст. 1 ст. 6 Федерального закона от 13 ноября 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии»).

Современные виды оружия и вооружения основаны на новых физико-химических и иных явлениях, свойствах и технических принципах. Это геофизическое (метеорологическое, экологическое), генетическое и этническое, радиочастотное, радиологическое и иное оружие. Несмотря на то, что некоторые современные его виды подпадают под статус запрещенных в соответствии с ранее принятыми международными конвенциями и соглашениями, факт их разработки, создания и использования в той или иной стране мира нельзя не принимать во внимание⁷⁰. Такое оружие однозначно представляет собой источник повышенной опасности, в первую очередь, из-за невозможности полного контроля за ним со стороны человека и губительными последствиями его применения или утечки, включая последствия, которые в настоящее время наука не может предвидеть и, следовательно, не может выработать меры по их предотвращению.

Таким образом, предложенные В.Н. Лейба и К.В. Матвеевым классификации уже не отвечают в полной мере современным реалиям. В частности, в классификации К.В. Матвеева среди физических источников повышенной опасности «нет места» инфразвуковому оружию (основанному на использовании направленного излучения мощных инфразвуковых колебаний с частотой ниже 16 Гц, которые воздействуют на центральную нервную систему и пищеварительные органы человека, нарушают ритм дыхания, оказывают психотропное воздействие), радиочастотному (основанному на использовании электромагнитных излучений сверхвысокой и чрезвычайно высокой частоты, способному вызывать нарушения функций жизненно важных органов и систем человека, воздействовать на его психику) и лучевому оружию (которое условно делится на лазерное, газерное и пучковое).⁷¹

---

⁶⁷ Шаранов С.Н. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (материалы для проведения занятий с судьями военных судов по специальной подготовке) // Военно-уголовное право. 2003. № 3-4 (www.voenpravo.ru/doc-1801-1.html).

⁶⁸ Донцов С.Е., Глянец В.В. Возмещение вреда по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит. 1990. С. 224.

⁶⁹ См.: Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике: понятие и классификация. М., 2001. С. 303.

⁷⁰ Например, на Украине военные применили разрывные пули при обстреле жилого сектора в ДНР; в ночь на 12 июня 2014 года провели обстрел зажигательными снарядами с. Семеновка в пригороде Славянска, а также использовали иные запрещенные боеприпасы (<http://topkvadrat.ru/freestyle/news/mid-rossii-ukraina-primenyaet-zapreschennoe-oruzhi-31472>; www.vesti.ru/doc.html?id=1680599; www.politonline.ru/rssArticle/21530953.html).

⁷¹ О современных видах оружия, см., например: www.grandars/bezopasnost-zhiznedeyatelnosti/novye-vidy-oruzhiya.html

Кроме того указанные классификации не учитывают те виды оружия и боеприпасов, которые запрещены к применению, не применяются в деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, но могут быть использованы против Российской Федерации. Так, на международном уровне в период с 1867 по 2008 годы были запрещены разрывные боеприпасы массой до 400 г; пули, легко расширяющиеся или сплюсывающиеся в теле человека; химическое и биологическое оружие; оружие, порождающее осколки, невидимые в рентгеновских лучах; противотанковые мины и мины-ловушки; зажигательное оружие и боеприпасы; ослепляющее лазерное оружие, кассетные боеприпасы⁷². Однако, при этом, прямо не запрещены такие боеприпасы как боеприпасы объемного взрыва (термобарические боеприпасы), боеприпасы, содержащие обедненный уран и др.

Таким образом, в науке военного права источники повышенной опасности классифицируются по различным критериям: в зависимости от используемой энергии и по функциональному назначению (предназначению). Однако перечень объектов, классифицируемых по одному и тому же основанию, у авторов классификаций не всегда совпадает. Так, например, В.Н. Лейба классифицировал оружие, боеприпасы и предметы военной техники в зависимости от их функционального назначения в боевых действиях на средства поражения и защиты, средства доставки и др. Используя по сути этот же критерий, К.В. Матвеев получил совершенно иной результат классификации, разделив все источники повышенной опасности, применяемые в Вооруженных Силах Российской Федерации, на источники повышенной опасности военного назначения и обычного (двойного) назначения. В данном случае имеют место две разные классификации, несмотря на использование одного и того же критерия. Следовательно, в обоих случаях классификация требует уточнения, для чего необходимо проведение дальнейших научных исследований в этой области.

Варианты классификаций указанных авторов имеют как свои достоинства, так и свои недостатки. Например, выделяемые названными авторами отдельные виды источников повышенной опасности, не составляют в своей совокупности все содержание, вкладываемое в понятие «источник повышенной опасности». То есть, проводимая классификация является неполной и требует уточнения.

Представляется, целесообразным источники повышенной опасности, применяемые в странах мира для военных целей, классифицировать по критерию предназначения и возможности применения следующим образом:

- А) источники повышенной опасности гражданского назначения (легковые автомобили и т.п.);
- Б) источники повышенной опасности двойного назначения, которые могут иметь как гражданское назначение, так и военное (горюче-смазочные материалы, динамит и т.п.);
- В) источники повышенной опасности военного назначения (оружие, вооружение, военная техника, боеприпасы и сырье для их изготовления и т.п., прямо предназначенные для ведения военных действий), которые в свою очередь могут быть разделены на следующие группы: 1) «обычные средства поражения» (традиционные); 2) новейшие современные (не традиционные); 3) разрабатываемые не традиционные. При этом в каждой группе источники повышенной опасности

---

⁷² См.: Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (Санкт-Петербург, 29 ноября (11 декабря) 1868 г.// ППС ГАРАНТ. Дата обращения 12.06.2014 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 года) // Сборник законодательства Российской Федерации от 9 февраля 1998 года № 6. Ст. 682; Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Москва-Лондон-Вашингтон, 10 апреля 1972 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1977. Вып. XXXI; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Нью-Йорк, 10 октября 1980 года) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1984. № 3; Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (Осло, 18 сентября 1997 года) (Текст конвенции официально опубликован не был) // ППС ГАРАНТ. Дата обращения 12.06.2014 г.; Конвенция по кассетным боеприпасам (принята на Дипломатической конференции для принятия конвенции по кассетным боеприпасам) (Дублин, 10-30 мая 2008 года) (Текст конвенции официально опубликован не был) / ППС ГАРАНТ. Дата обращения 12.06.2014 г.

следует разделить на подгруппы: а) не запрещенные, б) полностью запрещенные, в) ограниченные в применении, и г) статус которых временно не определен.

Под «обычными средствами поражения» («обычным оружием»), как правило, понимают все огневые и ударные средства, применяющие артиллерийские, зенитные, авиационные, стрелковые и инженерные боеприпасы и ракеты в обычном снаряжении, зажигательные боеприпасы и смеси. Такое оружие может применяться самостоятельно и в сочетании с ядерным оружием для поражения живой силы и техники противника, а также для разрушения и уничтожения различных особо важных объектов. Традиционные виды оружия постоянно модернизируются и совершенствуются, но несмотря на это, поражают цель они преимущественно за счет кинетической, химической или тепловой энергии. В качестве нового этапа развития обычных средств поражения называют создание высокоточного управляемого оружия (разведывательно-ударных комплексов и управляемых авиационных бомб), отличительным признаком которого является высокая вероятность поражения цели с первого выстрела в любое время суток и при любых метеорологических условиях. Одна из целей создания высокоточного управляемого оружия – исключение потерь среди мирного населения в ходе военных конфликтов.⁷³

Новейшее современное (не традиционное) – это оружие, основанное на новых физических принципах, то есть на качественно новых или ранее не использовавшихся физических, биологических и других принципах действия и технических решениях, базирующихся на достижениях в новых областях знаний и на новых технологиях. К такому оружию можно отнести и новые виды оружия нелетального действия, созданные на основе химических, биологических, физических и иных принципов, которые воздействуя на людей и технику, делают противника небоеспособным в течение определенного времени.⁷⁴

Разрабатываемым оружием следует признавать только вновь создаваемое не традиционное оружие, которое ранее не было известно. Модернизация и усовершенствование уже известных видов оружия, боеприпасов и военной техники, разработкой оружия не является. Относительно разрабатываемого оружия стоит отметить, что повышенную опасность представляют его опытные образцы, сырье или иная основа для его создания.

Для решения вопроса о возмещении вреда не имеет значения, относится ли источник повышенной опасности к химическому, физическому, химико-физическому, биологическому, электрическому или какому-либо иному источнику. Иными словами, классификация источников повышенной опасности по критерию энергии, не имеет юридического значения для возложения или не возложения ответственности за причиненный вред. Важно, в принципе, признание конкретного источника источником повышенной, а не обычной опасности. Данное признание будет иметь непосредственное значение для решения вопроса о возложении гражданско-правовой ответственности за причинение вреда и о конкретном размере возмещения.

Предполагается, что практическое значение для целей определения размера гражданско-правовой ответственности за причинение вреда имеет лишь деление источников повышенной опасности, применяемых в военной сфере, в том числе в Вооруженных Силах Российской Федерации, по критерию их предназначения на источники повышенной опасности гражданского, двойного или военного назначения. Степень опасности источника повышенной опасности военного назначения значительно выше, чем степень опасности источника двойного или гражданского назначения. Это объясняется наличием большего количества вредоносных свойств, присущих источнику повышенной опасности военного назначения, по сравнению с источником повышенной опасности двойного или гражданского назначения.

Следует также отметить, что многие виды оружия и техники используются и в деятельности органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службе судебных приставов, Федеральной службе безопасности Российской Федерации и других государственных органов, а также в деятельности определенных организаций, в частности, в деятельности частных охранных предприятий, при проведении различных спортивных соревнований по стрельбе из стрелкового оружия, и т.п. Однако в деятельности таких органов и

---

⁷³ <http://www.grandars.ru/bezопасnost-zhiznedeyatelnosti/obychnye-sredstva-porazheniya.html>

⁷⁴ <http://www.borshec.ru/news-view-1194.html>

организаций применяется служебное, гражданское, а также боевое ручное стрелковое и холодное оружие, оборот которого регулируются Федеральным законом от 13 ноября 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 года № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»⁷⁵ и иными нормативными правовыми актами. Действие Федерального закона от 13 ноября 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» не распространяется на правоотношения с использованием указанного и иных видов боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Таким образом, наибольшее применение источники повышенной опасности военного назначения получают в Вооруженных Силах Российской Федерации, иных войсках и воинских формированиях. Исключительно в Вооруженных Силах Российской Федерации используются, например, ядерное, ракетное оружие, большинство видов артиллерийского вооружения, а также военной техники. Исключительно задачей Вооруженных Сил Российской Федерации является отражение агрессии в военное время, и подготовка по отражению агрессии – в мирное время. Выполнение данной задачи предполагает необходимость постоянного использования источников повышенной опасности военного назначения, в частности, проведения стрельб, учений, выездов на полигоны на тяжелой военной технике, а также использование по прямому назначению оружия, боеприпасов, предметов военной техники в военное время и в условиях боевой обстановки.

Представляется, что законодательное закрепление предложенной выше классификации будет иметь важное значение как в целом для науки военного права, так и для повышения эффективности деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации по обеспечению обороноспособности и военной безопасности государства. Практическое значение такой классификации будет заключаться в дифференциации ответственности военных организаций в зависимости от обстоятельств причинения вреда и вида источника повышенной опасности, что позволит соответствующим должностным лицам принимать более взвешенные решения при выполнении поставленных задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Волохова О.В., Егоров Н.Н., Жижина М.В.* и др. Криминалистика: учебник (под ред. Е.П. Ищенко). – М., Проспект, 2011.
2. *Донцов С.Е., Глянец В.В.* Возмещение вреда по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит. 1990.
3. *Ихсанов У.К.* Возмещение вреда, причиненного гражданам применением огнестрельного оружия // Правоведение. 1989. № 5.
4. *Лебедев А.Н.* Об огнестрельном оружии как предмете посягательств на общественную безопасность // Вестник МГУ. Сер. Право. 1977. № 1.
5. *Лейба В.Н.* Ответственность воинской части по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда: Дис. ...канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1973.
6. *Манов В.В.* Воинская часть Вооруженных Сил Российской Федерации как участник гражданских правоотношений: дис. ...канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2000 // www.do.gendocs.ru/docs/index-98841.html
7. *Матвеев К.В.* Ответственность воинской части за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2000.
8. *Плескачевский В.М.* Оружие в криминалистике: понятие и классификация. М., 2001.
9. *Соколова Е.В.* О понятии и классификации источников повышенной опасности, применяемых Вооруженными Силами Российской Федерации // ЭНИ «Военное право», 2014, № 1 // www.voennopravo.ru/node/5268
10. *Шаранов С.Н.* Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (материалы для проведения занятий с судьями военных судов по специальной подготовке) // Военно-уголовное право. 2003. № 3-4 // www.voennopravo.ru/doc-1801-1.htm

---

⁷⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 года № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/12112448/>

Согиайнен А.А. – кандидат медицинских наук;
sogalex@ya.ru;

Sogiyainen A.A. – candidate of law, sogalex@ya.ru;

Основные вопросы правового регулирования медицинского обеспечения подготовки и призыва на военную службу

Аннотация: данная статья посвящена анализу современных аспектов медицинского обеспечения комплектования Вооружённых сил Российской Федерации военнослужащими по призыву. В статье раскрываются особенности правового регулирования военно-врачебной экспертизы.

Ключевые слова: военно-врачебная экспертиза, годность к военной службе, призыв на военную службу.

The main issues of the legal regulation of the military-medical expertise in the preparation and conscription

Abstract: this article is devoted to the analysis of modern aspects of medical support manning of the Armed forces of the Russian Federation conscripts. The article reveals the peculiarities of legal regulation of the military-medical examination.

Key words: military-medical examination, fitness for military service, conscript service.

Как показывают проведённые исследования⁷⁶, вопросы правового регулирования медицинского обеспечения подготовки и призыва на военную службу всего знакомы работникам лечебно-профилактических учреждений, привлекаемым к медицинскому освидетельствованию и медицинскому обследованию призывников на предмет годности к военной службе и, как следствие, огромное количество жалоб, в том числе и в судебные органы. Так, в целях определения степени удовлетворённости медицинским обеспечением во время подготовки и призыва на военную службу в ВС РФ, в 2012 году нами было проведено социологическое исследование. В него включались молодые люди 18 до 27 лет (n=423), проживающих в 3 медицинском округе Московской области, которым было предложено заполнить специально разработанный анонимный опросник. В результате выяснено, что удовлетворены результатами медицинского обеспечения во время подготовки к военной службе только 47,6% респондентов, 36,7% полностью не удовлетворены, а 15,7% удовлетворены не в полной мере. Во время призыва медицинское обеспечение устроило 51,0% опрошенных, не устроило полностью 33,9%, устроило не в полной мере – 15,1%. При опросе удалось выяснить, что 56,2% из числа прошедших военную службу были удовлетворены медицинским обеспечением во время службы в ВС РФ, 17,8% удовлетворены не в полной мере, 16,1% полностью не удовлетворены, 9,9% затруднились ответить на поставленный вопрос⁷⁷.

---

⁷⁶ Согиайнен А. А. Здоровье нации и демографические тенденции Российской Федерации (на примере юношей призывного возраста) // Материалы междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием «Сохрани мне жизнь: ценность жизни в контексте гуманитарного и утилитарного подходов». – Смоленск, 2012. – С. 137-138.

⁷⁷ Чичерин Л.П., Щепин В.О., Согиайнен А.А. Оптимизация медицинского обеспечения подготовки и призыва на военную службу // Л.П. Чичерин, В.О. Щепин, А.А. Согиайнен: Ярославль - ООО «Канцлер», 2013. - 136 с.

С момента предыдущей публикации, посвящённой данной проблематике, в 2011 году⁷⁸ прошло довольно много времени, в действие вступили новые законодательные акты, накопилось много информации в процессе работы с обращениями граждан по данным вопросам и проведении военно-врачебной экспертизы в условиях военной поликлиники.

Общие вопросы организации и проведения военно-врачебной экспертизы регламентируются Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»⁷⁹, а также «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ⁸⁰.

Порядок медицинского обеспечения граждан Российской Федерации до их первоначальной постановки на воинский учет определяет приказ Министра обороны Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации от 23 мая 2001 г. № 240/168 «Об организации медицинского обеспечения подготовки граждан Российской Федерации к военной службе». Согласно требованиям этой совместной директивы⁸¹, организация медицинского обеспечения призывников осуществляется в три этапа:

- первый этап включает в себя: медицинское наблюдение до первичной постановки их на воинский учёт, распределение по основным группам здоровья (молодые люди 15-16 лет),

- на втором этапе происходит первоначальная постановка на воинский учёт, распределение по категориям годности к военной службе (в 17 лет),

- третий этап завершается призывом в вооружённые силы (18-27 лет).

После призыва медицинское обеспечение военнослужащих срочной службы осуществляется исходя из требований «Руководства по медицинскому обеспечению Вооружённых сил Российской Федерации на мирное время»⁸².

На сегодняшний день порядок проведения медицинского освидетельствования граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу определен новым «Положением о военно-врачебной экспертизе»⁸³, которое вступило в силу с 1 января 2014 года. Для граждан существует возможность проведения независимой военно-врачебной экспертизы, которая осуществляется в соответствии с постановлением Правительства России от 28 июля 2008 года № 574 «Об утверждении Положения о независимой военно-врачебной экспертизе и о внесении изменений в Положение о военно-врачебной экспертизе»⁸⁴.

Организация медицинского освидетельствования граждан в Вооружённых Силах Российской Федерации определяется приказом Министра обороны Российской Федерации

---

⁷⁸ Гацко М. Ф., Согийянен А. А. Правовое регулирование медицинского освидетельствования призывников // Право в Вооружённых Силах. - № 1. –Москва, 2011. – С. 82-89.

⁷⁹ О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ: по сост. на 1 июня 2014 года // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 марта 1998 г. N 13, ст. 1475.

⁸⁰ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ: по сост. на 1 июня 2014 года // Российская газета от 23 ноября 2011 г. № 263.

⁸¹ Об организации медицинского обеспечения подготовки граждан Российской Федерации к военной службе: утверждён приказом Минобороны РФ и Минздрава РФ от 23 мая 2001 года № 240/168: по сост. на 1 июня 2014 года // Российская газета от 1 августа 2001 г., № 145.

⁸² Об утверждении Руководства по медицинскому обеспечению Вооружённых Сил Российской Федерации на мирное время: утверждено приказом Начальника тыла Вооружённых сил Российской Федерации - заместителя Министра обороны Российской Федерации от 15 января 2001 года №1, по состоянию на 1 июня 2014 года.

⁸³ Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе: утверждено постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 года №565, по сост. на 1 июня 2014 года // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 28, ст. 3831 (вступило в силу с 1 января 2014 года).

⁸⁴ Об утверждении Положения о независимой военно-врачебной экспертизе и о внесении изменений в Положение о военно-врачебной экспертизе: утверждено постановлением Правительства РФ от 28 июля 2008 года №574, по состоянию на 1 июля 2014 года // Российская газета от 6 августа 2008 г. № 165.

20 августа 2003 года № 200 «О порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в Вооружённых Силах Российской Федерации»⁸⁵.

При этом под медицинским освидетельствованием понимаются комплексное изучение и оценка физического развития и состояния здоровья на момент освидетельствования в целях определения годности к военной службе, обучению (службе) по военно-учетной специальности, службе в органах, разрешение других вопросов, которые предусмотрены настоящим приказом, с вынесением письменного заключения. Целью медицинского освидетельствования граждан призывного возраста является определение категории годности к военной службе, а также степень нуждаемости в лечебно-профилактических мероприятиях.

Организация медицинского освидетельствования граждан в год достижения ими 17 лет при первоначальной постановке на воинский учёт возлагается на комиссии по постановке граждан на воинский учёт, которые создаются в отделах военных комиссариатов.

При призыве граждан на военную службу организация медицинского освидетельствования возлагается на призывные комиссии отделов военных комиссариатов муниципальных образований.

В соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» призыв граждан на военную службу осуществляется по Указу Президента Российской Федерации. Призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет и не пребывающие в запасе. Решение об их призыве на военную службу может быть принято только после достижения ими 18-летнего возраста.

Согласно п. 1 ст. 9 того же Федерального закона, в период с 1 января по 31 марта в год достижения юношей 17-летнего возраста проводится первоначальная постановка на воинский учёт. В этот период, а также при их призыве на военную службу в обязательном порядке проводится медицинское освидетельствование и медицинское обследование военно-врачебной комиссией - ВВК при военном комиссариате с участием врачей-специалистов (терапевта, хирурга, невропатолога, психиатра, окулиста, отоларинголога, стоматолога, а при необходимости - и других). Данные специалисты привлекаются к этой работе из лечебно-профилактических учреждений государственной медицинской системы в соответствии с требованиями, изложенными в Положении о военно-врачебной экспертизе. Врачи призывной комиссии имеют право затребовать медицинские документы о состоянии здоровья призывника из медицинского учреждения любой правовой формы.

Каждому врачу-специалисту предоставляется оборудованный, обеспеченный необходимым медицинским инструментом и медикаментами кабинет (комната). Перед началом медицинского освидетельствования граждан врачи-специалисты должны внимательно ознакомиться с медицинскими документами, полученными из лечебно-профилактических учреждений, и содержащимися в них сведениями, также они должны учитывать при оценке состояния здоровья физическое развитие человека. Руководство работой медицинского персонала на призывном пункте осуществляется врачом-членом призывной комиссии, назначаемым из числа наиболее квалифицированных врачей-специалистов, обладающим необходимыми знаниями и опытом в области военно-врачебной экспертизы.

Врач-специалист, привлекаемый к медицинскому освидетельствованию призывника, изучив результаты клинико-инструментального исследования и оценив состояние здоровья, выносит заключение о категории его годности к военной службе с соответствующими формулировками в учетной карте призывника и карте медицинского освидетельствования гражданина, подлежащего призыву на военную службу.

---

⁸⁵ О порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в Вооружённых Силах Российской Федерации: утверждено приказом Министра обороны РФ от 20 августа 2003 года № 200, по состоянию на 1 июля 2014 года // Российская газета от 2 октября 2003 г. № 197.

При невозможности получить медицинское заключение о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья на месте указанный гражданин направляется на амбулаторное или стационарное медицинское обследование в медицинскую организацию, чаще всего расположенную на территории субъекта Российской Федерации, в котором он проживает. Конкретное учреждение определяет военно-врачебная комиссия, этот аспект не лишает права гражданина на выбор медицинской организации и не запрещает представлять в подтверждение уровня состояния своего здоровья медицинские документы (заключения независимых экспертов) из любых медицинских учреждений независимо от их формы собственности⁸⁶. От медицинского учреждения, в которое выдано направление, требуется, после детального обследования, подробно отразить в акте объективные данные и развернутый диагноз заболевания в соответствии с Международной классификацией болезней десятого пересмотра МКБ-10 (принята 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения) с указанием степени выраженности заболевания, его стадии и нарушения функции органа или системы органов. Акт подписывается врачом, проводившим обследование, главным врачом и заверяется печатью учреждения.

Годность граждан к военной службе по состоянию здоровья и физическому развитию, их предназначение в виды и рода войск Вооружённых Сил Российской Федерации каждым врачом-специалистом определяются методом индивидуальной оценки. В случае невозможности дать медицинское заключение о годности гражданина к военной службе на месте указанный гражданин направляется на амбулаторное или стационарное медицинское обследование в медицинское учреждение, расположенное на территории субъекта Российской Федерации, в котором он проживает.

Врачи-специалисты по результатам медицинского освидетельствования граждан при первоначальной постановке на воинский учёт и призыве на военную службу дают заключение о годности к военной службе по следующим категориям:

- «А» - годен к военной службе;
- «Б» - годен к военной службе с незначительными ограничениями;
- «В» - ограниченно годен к военной службе;
- «Г» - временно не годен к военной службе;
- «Д» - не годен к военной службе.

Граждане, признанные при медицинском освидетельствовании годными к военной службе (категория «А») или годными к военной службе с незначительными ограничениями (категория «Б»), подлежат призыву на военную службу. Для такой категории граждан, в соответствии с расписанием болезней и таблицей дополнительных требований к состоянию здоровья, определяется показатель предназначения для прохождения военной службы в определённых родах войск и воинских частях.

Согласно разделу «а» Таблицы дополнительных требований к состоянию здоровья предусмотрены четыре таких показателя, обозначаемые цифрой (1, 2, 3 и 4), которая проставляется после указания категории годности гражданина к военной службе.

Лишь граждане с показателями годности «1» могут быть призваны в части специального назначения, в десантно-штурмовые части, а также в Воздушно-десантные войска, в морскую пехоту и пограничную службу.

В состав ВМФ призываются только граждане с показателями годности «2», аналогичные требования предъявляются к лицам, проходящим военную службу на должностях водителей и членов экипажей танков, инженерных машин на базе танков и тягачей и др.

Граждане с показателями годности «3» предназначаются для службы в качестве водителей и членов экипажей бронемашин, пусковых установок ракетных частей, а также службы в химических частях и на должностях специалистов заправки и хранения горючего, во внутренних войсках МВД, в караульных и зенитно-ракетных частях.

---

⁸⁶ Решение Верховного Суда РФ от 10 июня 2009 г. № ГКПИ09-515.

При показателе годности «4» показана служба в частях связи, радиотехнических частях, а также для службы в остальных частях Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований.

При определении показателя предназначения граждан для прохождения военной службы учитываются рост и вес призывника, состояние его зрения, слуха, перенесённые ранее заболевания и другие факторы. Например, при массе тела более 90 кг к военной службе в воздушно-десантных и десантно-штурмовых частях призывник не годен, а рост кандидата в спецназ должен быть не ниже 170 см. и не выше 185 см.

Граждане, признанные ограниченно годными к военной службе (категория "В"), освобождаются от призыва на военную службу, они зачисляются в запас Вооружённых Сил Российской Федерации и подлежат периодическому (один раз в три года) освидетельствованию до достижения ими 27-летнего возраста.

Граждане, признанные временно не годными к военной службе (категория "Г"), от призыва на военную службу не освобождаются, им лишь предоставляется призывной комиссией отсрочка от призыва до 12 месяцев для обследования (лечения). В отношении граждан, признанных временно негодными к военной службе, врачом-специалистом даётся заключение о временной негодности к военной службе, с указанием на какой именно период времени этот гражданин подлежит обследованию (лечению). При возможности завершить медицинское обследование (лечение) гражданина до окончания работы комиссии по постановке граждан на воинский учет или призывной комиссии врач-специалист выносит заключение о том, что гражданин нуждается в медицинском обследовании (лечении) с указанием срока явки на повторное медицинское освидетельствование.

Граждане, признанные не годными к военной службе (категория «Д»), освобождаются от призыва на военную службу и снимаются с воинского учёта.

Заключения военно-врачебной экспертизы имеют чётко выраженный правовой характер. Они всегда влекут для данного гражданина конкретные правовые последствия, ведь от заключения военно-врачебной экспертизы зависит, призовут гражданина на военную службу, либо нет, а также возникнет у уже призванного на военную службу гражданина право на досрочное увольнение с военной службы по состоянию здоровья, либо нет. Заключения военно-врачебной экспертизы являются обязательными для исполнения должностными лицами на территории Российской Федерации.

На основании заключений военно-врачебных экспертиз призывные комиссии принимают соответствующие решения. Председатель призывной комиссии должен объявить решение гражданину, в отношении которого оно принято, а по требованию гражданина выдать ему копию решения.

Решение призывной комиссии может быть обжаловано гражданином либо его законным представителем в призывную комиссию соответствующего субъекта Российской Федерации или же в суд.

Жалоба гражданина должна быть рассмотрена в пятидневный срок со дня ее поступления в призывную комиссию соответствующего субъекта Российской Федерации. В этом случае выполнение решения призывной комиссии приостанавливается до вынесения решения призывной комиссией соответствующего субъекта Российской Федерации или вступления в законную силу решения суда.

В случае несогласия с заключением военно-врачебной комиссии военнослужащие, граждане, подлежащие призыву на военную службу и поступающие на военную службу по контракту, имеют право на производство независимой медицинской экспертизы соответствующего вида.

Положение о независимой медицинской экспертизе утверждено соответствующим Постановлением Правительства Российской Федерации.

Экспертиза признается независимой, если производящие ее эксперт либо члены комиссии не находятся в служебной или иной зависимости от учреждения или комиссии, производивших медицинскую экспертизу, а также от органов, учреждений, должностных лиц и граждан, заинтересованных в результатах независимой экспертизы.

Признать решение (действие) призывной комиссии военного комиссариата о призыве гражданина на военную службу незаконным можно только в порядке главы 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (производство по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих)⁸⁷.

Однако суды исходят из того, что претензии по наличию или отсутствию документального подтверждения квалификации врачей, лицензированию медицинской деятельности, правового значения не имеет, и при вынесении решений принимают во внимание только нарушения непосредственно самой процедуры проведения военно-врачебной экспертизы⁸⁸.

В соответствии со ст. 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации решение призывной комиссии военного комиссариата можно обжаловать в течение трёх месяцев. При этом первым днем указанного срока будет являться день получения копии указанного решения (п. 7 ст. 28 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Таким образом, рассмотрев вопросы правового регулирования военно-врачебной экспертизы при подготовке и призыве на военную службу, можно сделать следующие выводы:

1. В целях комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации здоровым контингентом юноши призывного возраста проходят двухступенчатую военно-врачебную экспертизу (во время первоначальной постановки на воинский учёт и непосредственно во время призыва в вооружённые силы).

2. Значительное количество жалоб и обращений в судебные инстанции приходится именно на действия (бездействия) военно-врачебных комиссий. Более 52% призывников и их родителей не удовлетворены качеством проводимой экспертизы.

3. У граждан, проходящих военно-врачебную комиссию, имеется законная возможность представлять медицинские документы из лечебных учреждений любых форм собственности, а так же право обжаловать решения военно-врачебной комиссии отдела военного комиссариата муниципального образования в судебном порядке.

Библиографический список:

1. Андроненков И.А. Совершенствование организации медицинского обеспечения юношей при подготовке к военной службе: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2011. – 25 с.
2. Гацко М.Ф., Согияйнен А.А. Правовое регулирование медицинского освидетельствования призывников // Право в Вооружённых Силах. - № 1. – Москва, 2011. – С. 82-89.
3. Фесик А.Н. О некоторых вопросах правоприменительной практики, связанной с призывом граждан на военную службу // Право в Вооружённых Силах. - № 5. – Москва, 2008. – С. 64-66.
4. Чичерин Л.П., Щепин В.О., Согияйнен А.А. Оптимизация медицинского обеспечения подготовки и призыва на военную службу // Л.П. Чичерин, В.О. Щепин, А.А. Согияйнен: Ярославль - ООО «Канцлер», 2013. - 136 с.

---

⁸⁷ См.: Фесик А.Н. О некоторых вопросах правоприменительной практики, связанной с призывом граждан на военную службу // Право в Вооружённых Силах, № 5, май 2008 г.

⁸⁸ Определение СК по гражданским делам Мос. гор. суда от 21 сентября 2010 г. по делу N 33-29344.

Рыльская М.А., заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

Rylskaya M.A. Peculiarities of scientific-practical identification of the concept of "internal armed conflict"

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «ВНУТРЕННИЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ»*

В рамках статьи проводится анализ научных источников, а также основных положений Женевских конференций и дополнительных протоколов к ним, касающихся толкования понятия внутренний вооруженный конфликт, с целью выработки его квалификационных критериев.

Ключевые слова: война, внутренний вооруженный конфликт, массовые беспорядки, кризисные ситуации.

In article analysis of scientific sources, as well as the basic position of the four Geneva conventions and the additional protocols thereto, concerning the interpretation of the concept of internal armed conflict, with a view to making its eligibility criteria.

Термин «внутренний вооруженный конфликт» достаточно часто используется в научно-практическом обороте, хотя имеет неоднозначное толкование.

Надо отметить, что с точки зрения военной науки терминологическая нечеткость в определении характера вооруженного конфликта может привести к неадекватным действиям различных субъектов по его предотвращению или урегулированию. Так в современной научной литературе и в документах и материалах ООН для квалификации кризисных событий в той или иной стране (регионе) используются самые разнообразные понятия. Среди них различают, например, такие трактовки как:

- война – гражданская, национально-освободительная, локальная или региональная;
- конфликт – вооруженный, военный, межнациональный, этнополитический, конфессиональный и т.п.

При этом каждое из указанных понятий характеризует совершенно определенное состояние политических или военно-политических отношений, имеющее свои специфические признаки. Поэтому все вовлеченные в конфликт или в его урегулирование стороны должны не только оперировать однопорядковыми категориями, но и видеть в них одинаковое содержание, то есть «говорить на одном языке». В данном случае совет Декарта – уточняйте значение слов и вы избавите мир от половины заблуждений – принесет только пользу.

Проблема терминологической нечеткости имеет большое практическое значение, прежде всего, для лиц и органов, принимающих военно-политические решения. Если события в какой-либо стране оцениваются как подготовка к локальной войне, то для участия в них силовых структур важно точно знать предполагаемые масштабы военных действий и их характер. Если речь идет о внутреннем (или пограничном) вооруженном конфликте, то состав сил должен быть иным, как и характер боевых действий. В противном случае подразделения и части, готовящиеся, например, к конфликту, в случае войны не смогут решить поставленные задачи и понесут значительные потери в живой силе и технике.

Неадекватные оценки субъектов противоборства приводят к затягиванию военного конфликта, усилению его негативных последствий. В последнюю четверть века основными субъектами противоборства в войнах и военных конфликтах выступали: государства (коалиции государств); национально-освободительные движения и организации; правящие режимы (центральные правительства) и вооруженные оппозиционные группировки во

---

* Рецензент – С.В. Маликов, доктор юридических наук, профессор.

внутригосударственных конфликтах. В мировой практике оценки этих субъектов проводятся с разных позиций и по различным аспектам: с точки зрения внешних сил оцениваются все противоборствующие стороны, с точки зрения одной из них рассматриваются главным образом противники и их союзники. В оценке того или иного субъекта обращается внимание на его политические интересы, цели, средства; численность и состав вооруженных сил или военных формирований; возможности получения оружия из других стран; социальную базу и т.д.

С этих позиций определение понятия внутригосударственного (внутреннего) вооруженного конфликта сводилось в принципе к основному критерию – внутренней территории, на которой происходил данный конфликт. Это однозначно его отличало от международного вооруженного конфликта, где в противоборство вступали государства, находившиеся в состоянии войны друг с другом.

Попытки уточнить сущность внутреннего типа вооруженного конфликта с точки зрения определения сторон, участвующих в нем, предпринимаются давно. В 1900 г. Институт международного права дал определение вооруженному конфликту между правительством и повстанцами. Однако повстанческое восстание могло трактоваться как внутригосударственный вооруженный конфликт (по существу как гражданская война), по мнению специалистов института, только в том случае, если восставшие:

- имели самостоятельное территориальное существование посредством обладания определенной частью национальной территории;
- создавали официальное правительство, фактически осуществляющее в этой части территории видимые права суверенности;
- имели организованные войска, подчиняющиеся военной дисциплине и соблюдающие законы, и обычаи войны⁸⁹.

Существует и другая более широкая и гибкая трактовка случаев «когда в пределах территории одного государства начинаются явные и четко определяемые военные столкновения между его вооруженными силами и другими организованными вооруженными группировками». Эти вооруженные конфликты, которых касается ст. 3⁹⁰, общая для всех четырех конвенций 1949 г., так и не получили никакого официального определения. После многочисленных дискуссий Дипломатическая конференция 1949 г. в конечном счете, отказалась от попыток дать подобное определение, поскольку это было чревато сужением соответствующего понятия, что не соответствовало поставленным целям. Действительно, воздержавшись от уточнения понятия, можно избежать «введения условия, способного привести заинтересованное законное правительство к отказу от применения статьи 3».

Однако это не решило проблемы, и, начиная с 1949 г., прилагались неизменные усилия, в рамках доктрины, определить с большей или меньшей степенью точности содержание данного понятия. Камнем преткновения оказался тот факт, что ст. 3 определяла только вооруженные конфликты внутри страны, а не мятежи, акты терроризма и бандитизма или какие-либо действия, относящиеся к «поддержанию порядка», поэтому важно было определить, где кончаются одни и начинаются другие.

Во время Дипломатической конференции 1949 г. ситуации вооруженных конфликтов внутреннего типа, на которые ссылались государства, более или менее соответствовали гражданским войнам в том виде, в каком они рассматривались в 1900 г. Институтом международного права: повстанцы удерживают часть территории государства, осуществляют на ней суверенные права и воюют посредством организованной армии с соблюдением законов войны. Однако уже в 1949 г. эти конфликты упоминаются с целью проиллюстрировать понятие, а не жесткое ограничение его рамок. Как подчеркивается в комментарии к ст. 3, в общем, важно «наличие военных действий, в которых участвуют вооруженные силы».

Такая формулировка, которая возможно выходит за пределы того, что государства были готовы принять, превосходит по гибкости и широте охвата ту, которую рекомендовал Институт

---

⁸⁹ Ст. 8 Резолюции о правах и обязанностях иностранных держав в случае повстанческого движения в отношении существующих и признанных правительств, борющихся с восстанием.

⁹⁰ Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. М.: МКК, 1993.

международного права. Исключение требования, согласно которому повстанцы должны осуществлять суверенные права «на части территории», позволяет включить в понятие значительное число действий.

Эта мысль также высказывалась в рамках работы комиссии экспертов, которые занимались определением немеждународного вооруженного конфликта. Они пришли к заключению, что основное отличие между вооруженным конфликтом и внутренними беспорядками в том, что в первом случае друг другу противостоят «стороны»⁹¹, а во втором правительство противостоит лицам, «стороной» не являющимися. Таким образом, существование вооруженных конфликтов внутреннего типа по смыслу ст. 3 не может оспариваться, если враждебные действия, направленные против законного правительства, носят коллективный характер и отличаются минимумом организованности. В этом случае следует принимать в расчет, в совокупности такие факторы, как длительность конфликта, численность повстанческих групп и их командный состав, дислокацию или операции на части территории, степень отсутствия безопасности, наличие жертв, средства, введенные правительством для восстановления порядка и т.д.

Конфликты внутреннего типа рассматриваются и в ст. 1 Дополнительного протокола II от 1997 г. к Женевским конвенциям 1949 г., где рассматриваются случаи военного противостояния между государственными силами и организованными вооруженными группами какого-либо антиправительственного движения. Последние должны находиться под ответственным командованием и контролировать часть территории, чтобы быть в состоянии вести непрерывные военные операции и применять положения данного Протокола.

При этом подчеркивается, что контролируемая территория может быть и относительно небольшой. Достаточно, «чтобы каждая сторона располагала очень небольшим территориальным ядром, лишь бы оно составляло некий микрокосм, внутри которого данная сторона осуществляла бы абсолютный и постоянный контроль во время вооруженного конфликта; была бы в состоянии удовлетворять требованиям военного характера, фигурирующим в ст. 1, и выполнять обязательства по соблюдению положений Протокола. Масштабы города, а тем более столицы, как правило, позволяют этого достичь...»⁹².

Здесь следует оговориться, что внутрисоветский вооруженный конфликт в международных документах именуется немеждународным вооруженным конфликтом, дабы отличить его от международного и не вникать в тонкости правовых проблем внутреннего характера.

Из сферы применения Протокола безоговорочно исключены ситуации напряженности и беспорядков внутри страны – «такие как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера».

Другими словами, вооруженные конфликты, рассматриваемые в Протоколе II, настолько близки к конфликтам, которым Институт международного права дал определение в 1900 г., что по их поводу третьи страны могли признать состояние войны: ведь повстанцам приходилось формировать официальное правительство, контролировать часть территории и соблюдать законы и обычаи войны⁹³.

Среди юридических проблем, возникающих в связи с этим, представляют особый интерес две: как трактовать вооруженный конфликт, в котором противостоят друг другу две вооруженные группы, и ситуацию массовых внутренних беспорядков, достигших открытых коллективных вооруженных действий.

---

⁹¹ То есть претендующая на представление государственной власти и соблюдающая нормы данной конвенции.

⁹² Основные положения Женевских конференций и дополнительных протоколов к ним. М.: МККК, 1999.

⁹³ Резолюция о правах и обязанностях иностранных держав в случае повстанческого движения, в отношении существующих и признанных правительств, борющихся с восстанием, ст. 8: «третьи державы не могут признать восставшую сторону в качестве воюющей: если она не обрела самостоятельного территориального существования посредством обладания определенной частью национальной территории; если она не создала официального правительства, фактически осуществляющего на этой части территории видимые права суверенности; если борьба не ведется от ее имени организованными войсками, подчиняющимися военной дисциплине и соблюдающими законы и обычаи войны».

На первый взгляд, существующие на сегодняшний день формулировки немеждународных вооруженных конфликтов не применяются к вооруженным конфликтам, которые могут возникнуть между организованными вооруженными группами, ни одна из которых не представляет существующее правительство. Тогда позволительно задаться вопросом: действительно ли это исключает возможность столкновения между неправительственными организованными вооруженными группами? Кроме того, отметим тот факт, что вооруженная организованная группа, не подчиняющаяся существующему правительству, не представляет собой государства, в котором происходит конфликт, с того момента как существующее правительство теряет способность контролировать всю свою территорию, в том числе действия одной или нескольких вооруженных групп. Таким образом, эти вооруженные группы могут утверждать, что они представляют государство, и было бы нарушением принципа невмешательства отказывать им в этом праве, поскольку существующее правительство более не в состоянии управлять ситуацией на всей территории государства.

Существующее определение немеждународного вооруженного конфликта также не решает проблему квалификации массовых волнений и масштабных актов насилия, которые уже не вписывались в трактовку массовых беспорядков. Поэтому до сих пор предпринимаются шаги в рамках доктрины «право вооруженных конфликтов»⁹⁴ определить с большей или меньшей степенью точности содержание данного понятия.

Ситуации немеждународных вооруженных конфликтов, которые более или менее соответствовали гражданским войнам в том виде, в каком они рассматривались в 1900 г. Институтом международного права⁹⁵ стали упоминаться с целью иллюстрации понятия, а не жесткого ограничения его рамок. Основным критерием стали называть «наличие военных действий, в которых участвуют вооруженные силы».

Такая формулировка превосходит по гибкости и широте охвата ту, которую рекомендовал Институт международного права. Исключение требования, согласно которому повстанцы должны осуществлять суверенные права «на части территории», позволяет включить в данное понятие вооруженные мятежи, планомерные и систематические акты терроризма или бандитизма, или какие-либо действия, относящиеся к «поддержанию порядка». При этом важно знать, где кончаются одни и начинаются другие.

По мнению профессора Э. Давида «различие между ситуациями немеждународного вооруженного конфликта и ситуациями внутренних беспорядков – это юридическая реальность, даже если неизвестно точно, где проходит черта между ними. Критерий открытых и коллективных военных действий между вооруженными группами в этом плане оказывает более чем скромную помощь ввиду того, что тут возможны самые различные интерпретации. То, что одни расценят как вооруженный конфликт, другие сочтут внутренними беспорядками, и наоборот.

В этом смысле завышенные или, напротив, заниженные оценки, которые действующие лица дают тем или иным ситуациям, позволяют судить о преследуемых ими политических целях, однако семантические размашистость или целомудрие не всегда соответствуют юридической реальности. Так, зачастую ссылаясь на существование «войны», оправдывали жесточайшие репрессии, жертвами которых становились оппозиционные движения. Сколько настоящих колониальных войн квалифицировались теми, кто их вел, как операции по поддержанию порядка или восстановлению мира!»⁹⁶.

В любом случае только скрупулезный объективный анализ конфликтной ситуации позволит понять, идет ли речь о «вооруженном конфликте» или о «внутренних беспорядках».

Итак, можно проследить определенную преемственность в установлении критериев определения немеждународного вооруженного конфликта: во-первых, противоборствующие в нем должны обладать минимумом организованности, более или менее соответствовать определению

---

⁹⁴ См. подробнее: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000.

⁹⁵ То есть: «в случаях, когда повстанцы удерживают часть территории государства, осуществляют на ней суверенные права и воюют посредством организованной армии с соблюдением законов войны».

⁹⁶ Давид Э. Указ. соч. С. 316-321.

«сторона конфликта» и иметь вооруженные силы, во-вторых, их конфликтные отношения должны достигать уровня открытых и коллективных военных действий. Теоретически данные критерии позволяют отличить разновидности вооруженной борьбы. Спустившись на одно деление шкалы интенсивности вооруженного (немеждународного) конфликта, мы окажемся в области внутренних беспорядков, внутренней напряженности и спорадических актов насилия.

Таким образом, существование вооруженных конфликтов не может оспариваться, если враждебные действия, направленные против законного правительства, носят коллективный характер и отличаются минимумом организованности. В этом случае следует принимать во внимание в совокупности такие факторы, как длительность конфликта, численность повстанческих групп и их командный состав, дислокация или операции на части территории, степень отсутствия безопасности, наличие жертв, средства, введенные правительством для восстановления порядка и т.д., т.е. интенсивность внутреннего вооруженного конфликта.

В зарубежной правовой литературе также не существует единого мнения по поводу трактовки вооруженного конфликта внутреннего типа. На неопределенность в понятиях негативно сказывающихся на процессе политического урегулирования ученые и специалисты указывали, начиная с 70-х годов прошлого столетия.

Например, Т. Финдлей в своей статье «Многосторонние действия по предотвращению и разрешению конфликтов, а также контролю над ними» для ежегодника СИПРИ указывает, что авторы Программы мирного развития, разработанной ООН, допустили фундаментальный просчет, не сделав четкого разграничения между понятиями «конфликт», под которым подразумевался спор между сторонами, и «вооруженный конфликт»⁹⁷.

По мнению П. Верри⁹⁸, немеждународный вооруженный конфликт – это синоним гражданской войны, он характеризуется враждебным столкновением вооруженных сил и государства с вооруженными силами сепаратистов или повстанцев. Свое согласие с тем, что под немеждународный вооруженный конфликт подпадает прежде всего ситуация войны, высказали и некоторые советские ученые.

Встречаются и противоположные взгляды. Чилийский юрист Э.Монтеалегре⁹⁹ полагает, что неразумно связывать термин «война» с такими ситуациями, которые исключают применение права войны, а именно на это значение указывает использование такого термина. Он придерживается понятия «вооруженный конфликт, не носящий международного характера», под которым понимается «внутренняя ситуация коллективного использования силы». По значению эта ситуация «превосходит внутренние беспорядки», сталкивающиеся в ней стороны представлены вооруженными группами, не имеющими статуса воюющей стороны. Показательно, что сам Э.Монтеалегре отдает отчет в том, что это определение носит скорее описательный характер, чем содержит качественную оценку данного события.

Наконец, встречаются определения немеждународного вооруженного конфликта, воспроизводящие почти дословно дефиницию, данную в ст. 1 Дополнительного протокола II. Своеобразную позицию занимает Д.Шиндлер¹⁰⁰. Он отказывается от обобщающих определений, а выделяет те виды немеждународных вооруженных конфликтов, которые, по его мнению, признает современное международное право. Д. Шиндлер различает следующие виды немеждународных вооруженных конфликтов: 1) гражданскую войну в классическом смысле международного права – как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в котором за вновь созданным правительством третьей государства могут признать статус воюющей стороны; 2) немеждународный вооруженный конфликт по смыслу ст. 3 (общей) Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и 3) немеждународный вооруженный конфликт по смыслу Дополнительного протокола II.

---

⁹⁷ Финдлей Т. Многосторонние действия по предотвращению и разрешению конфликтов, а также контролю над ними // Международная безопасность и разоружение. Ежегодник СИПРИ 1994. М., 1994. С. 41.

⁹⁸ Schindler D. IHL and internationalized armed conflicts//IRRC. N 230. 1982. P. 261.

⁹⁹ Encyclopedia of public international law. P. 211-214.

¹⁰⁰ Shindler D. The different types of armed conflicts according to the Geneva Conventions and Protocols, in «Recueil des Cours», 1979-II.

Понятие гражданской войны, предложенное Д. Шиндлером, внутренне противоречиво. Дело в том, что признание восставшей стороны в качестве воюющей и распространение на нее норм права вооруженных конфликтов и международного гуманитарного права коренным образом меняет юридическую квалификацию самого конфликта. В силу признания со стороны третьих государств он приобретает международный характер, и именоваться «гражданской войной» может лишь по привычке или традиции. Следовательно, попытки рассматривать гражданскую войну как тип или вид немеждународного вооруженного конфликта с точки зрения современного международного права не имеют под собой никаких оснований. Кстати, и сам Д. Шиндлер считает, что такого рода ситуации (гражданская война) были характерны до принятия Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.

В ст. 3 (общей) Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. не дается общего определения немеждународного вооруженного конфликта. В ней говорится: «В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять, как минимум, следующие положения...». Таким образом, данная статья, явившаяся, по образному выражению М. Торелли, мини-конвенцией, устанавливает некоторые критерии для определения таких конфликтов.

Первый критерий: конфликт должен быть вооруженным, т.е. противостояние правительства и оппозиции принимает вооруженные формы. Если конфликт протекает в других формах, он не сможет быть объектом регулирования со стороны международного гуманитарного права.

Второй критерий состоит в том, что вооруженный конфликт является внутренним, т.е. в нем не участвуют другие субъекты международного права. Вероятно, так можно истолковать выражение «конфликт, не носящий международного характера», хотя статья никаких дополнительных разъяснений на этот счет не дает.

Третий критерий наименее удачен из всех, указанных в ст. 3 (общей). Его вообще можно воспринимать только в тесной связи с предыдущим, поскольку на территории одной из договаривающихся сторон может возникать не только внутренний, но и международный конфликт. Следовательно, это выражение означает, что конфликт, не имеющий международного характера и возникающий на территории одной из договаривающихся сторон, будет относиться к разряду внутренних конфликтов между правительством и какой-либо организованной оппозицией. Он, вероятно, должен не только возникать, но и протекать в пределах территории одного государства.

Высказываются различные точки зрения о применении на практике ст. 3 (общей) Женевских конвенций. Одни утверждают, что с 1949 г. она ни разу не применялась, другие, наоборот, отмечают, что в некоторых случаях соответствующие правительства открыто соглашались с применимостью к их внутренним ситуациям ст. 3 (общей). В качестве примера приводятся односторонние заявления, сделанные сторонами вооруженного конфликта в Нигерии в 1967 – 1970 гг., о том, что они будут применять некоторые правила Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. к враждебной стороне. Хотя эти заявления нельзя рассматривать как специальные соглашения, заключение которых предусмотрено ст. 3 (общей) Конвенций, однако сам факт таких заявлений весьма красноречив. Он является подтверждением действительности положений рассматриваемой статьи.

Ст. 1 Дополнительного протокола II устанавливает, что положения протокола применяются ко всем вооруженным конфликтам, не подпадающим под действие ст. 1 Дополнительного протокола I, где дается определение вооруженных конфликтов, происходящих на территории какой-либо договаривающейся стороны между ее вооруженными силами и другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют контроль над частью ее территории; позволяющей им осуществлять непрерывные и согласованные действия и применять настоящий протокол.

Как и в предыдущем случае, первым признаком понятия выступает вооруженный характер конфликта, который, очевидно, в комментариях не нуждается. Правда, в отличие от ст. 3 (общей) Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., в Дополнительном протоколе II проводится различие между немеждународными вооруженными конфликтами и внутренними беспорядками. В п. 2 ст. 1 Протокола установлено, что «он не будет применяться к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются

вооруженным конфликтом». По мнению Д. Шиндлера, можно выделить две характеристики, позволяющие отличить немеждународный вооруженный конфликт от внутренних беспорядков. Первая состоит в том, что боевые действия должны сопровождаться применением оружия и проявлять такую интенсивность, что, как правило, правительство вынуждено использовать свои вооруженные силы против мятежников вместо обычных полицейских подразделений. Вторая относится к повстанцам, вооруженные действия которых должны носить коллективный характер, т.е. осуществляться не только разрозненными, но и организованными группами.

Второй признак, указывающий на внутреннее происхождение конфликта, сформулирован более четко, чем в ст. 3 (общей) Женевских конвенций 1949 г. Здесь использован метод исключения. Дополнительный протокол II действует в отношении всех тех конфликтов, которые не подпадают под действие Дополнительного протокола I, т.е. не распространяется на международные вооруженные конфликты. Таким образом, в этом определении указаны, образно говоря, верхний и нижний пределы данной разновидности вооруженных конфликтов. Верхним выступает международный вооруженный конфликт, нижним – внутренние беспорядки.

Третий признак, как и в предыдущем случае, дополняет второй, однако для его формулировки подобраны более точные выражения. В статье Протокола говорится о том, что такие конфликты будут проходить на территории одного государства, а не только возникать, как это установлено в ст. 3 (общей) Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.

Четвертый признак относится к характеристике восставшей стороны. Отмечается ее организованный характер, состоящий в том, что вооруженные группы должны находиться под ответственным командованием и осуществлять контроль над частью территории государства. Такой контроль позволяет им проводить непрерывные и согласованные военные действия и применять данный протокол. Идентификация восставшей стороны делает определение немеждународного вооруженного конфликта по Дополнительному протоколу II предпочтительнее по сравнению с определением, данным в ст. 3 (общей) Женевских конвенций.

Действительно, если восставшие имеют минимум организации, контролируют часть территории и имеют ответственное командование, которое способно нести ответственность за действия руководимых им вооруженных формирований, то, значит, они смогут обеспечить соблюдение гуманитарных норм на взаимной основе. Эти условия свидетельствуют о фактической, объективной природе существующей ситуации, которую следует правильно и объективно квалифицировать. Речь в определенном смысле идет об условиях «эффективности», т.е. об элементах, которые лишь вследствие своего существования наглядно показывают, что другая сторона конфликта, противостоящая государству, сформировалась реально.

Основываясь на приведенных выше определениях, установим, что в общем случае под *военным конфликтом следует понимать любое столкновение, противоборство, форму разрешения противоречий между конфликтующими сторонами с применением военной силы для достижения определенных политических целей.* Его основными элементами являются войны различных масштабов (локальные, региональные, мировые) и вооруженные конфликты, при которых государства не переходят в особое состояние, характерное для войн (внутренние вооруженные конфликты, вооруженные инциденты, пограничные столкновения и военные акции). Особое место в этом ряду занимают гражданские войны, в которые при определенных условиях могут перерасти внутренние вооруженные конфликты. Так как в отличие от внутренних вооруженных конфликтов, где политическими целями выступают проблемы самоопределения и территориальной принадлежности, утверждение уникальности социокультурных, национальных и конфессиональных ценностей, целью вооруженной борьбы гражданской войны является борьба за государственную власть.

В заключении отметим, что проведенный выше экскурс позволяет сделать некоторые обобщающие выводы.

Под «внутренним вооруженным конфликтом» следует понимать вооруженное противоборство, возникшее и протекающее на территории одного государства с двусторонним применением огнестрельного оружия и боевой техники, как способ разрешения политических, национально-этнических, религиозных, территориальных и иных противоречий или захвата (удержания) политической власти между:

а) правоохранительными силами и организованными вооруженными участниками массовых беспорядков;

б) враждующими повстанческими военизированными и управляемыми группировками;

в) федеральными силовыми подразделениями и незаконными вооруженными формированиями оппозиционного или сепаратистского толка, находящимися под ответственным командованием.

В условиях внутреннего вооруженного конфликта, в отличие от отдельных спорадических актов насилия, всегда достаточно четко определены противоборствующие стороны. Они вооружены боевым оружием, имеют четко выраженное руководство, ведут систематические и интенсивные боевые действия, достаточно хорошо организованы, имеют отличительный знак, владеют определенной частью контролируемой ими территории и т.п. Во время массовых вооруженных беспорядков их участники, в сущности, тоже организованы и имеют руководящее звено.

Анализ действующих Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним (I и II 1977 г.), а также научно-практических разработок по проблеме вооруженных конфликтов внутреннего типа¹⁰¹ дает основание считать, что отличительными признаками внутреннего вооруженного конфликта являются:

– фактическое вооруженное противостояние (ведение боевых действий) между двумя враждующими вооруженными группировками или войсковыми подразделениями центрального (федерального) правительства и вооруженными группировками оппозиционного или сепаратистского движения на территории одного государства;

– основную массу враждующих вооруженных группировок или вооруженных оппозиционных, сепаратистских, повстанческих группировок составляют граждане одного государства;

– враждующие вооруженные группировки или вооруженные группировки оппозиционного, сепаратистского, повстанческого движения находятся под ответственным командованием;

– враждующие вооруженные группировки или вооруженные группировки оппозиционного, сепаратистского, повстанческого движения осуществляют такой контроль над частью территории данного (своего) государства, который позволяет им проводить систематические, непрерывные и согласованные военные действия;

– вооруженное противостояние (боевые действия) между противоборствующими вооруженными группировками или вооруженными группировками оппозиционного, сепаратистского, повстанческого движения и федеральными войсковыми силами (войсками центральной власти) имеет достаточно высокий пороговый уровень (массированное применение всех видов боевого стрелкового оружия, артиллерийских орудий, минометов, бронетехники, боевых вертолетов и т.п.).

Безусловно, внутренний вооруженный конфликт – это исключительная по предпринимаемым для разрешения мера и высшая по уровню социальной напряженности форма внутригосударственного конфликта. Однако, являясь одной из форм силового разрешения социально-политических противоречий, он не становится причиной перехода государства в особое состояние называемое войной, хотя имеет характерные для военного времени элементы (зоны боевых действий, наемничество, диверсионная борьба и т.д.).

Библиография

1. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000.

2. Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. М., 1993.

---

¹⁰¹ См. труды Фредерика де Мулинена, Мариона Харрофф-Тавеля, Гассера Ханс-Петера, Паенсона И.И., Мурильо Рубиера, Жана Пикте, Блищенко И. П., 1989 г. и др.

3. Финдлей Т. Многосторонние действия по предотвращению и разрешению конфликтов, а также контролю над ними // Международная безопасность и разоружение. Ежегодник СИПРИ 1994. М., 1994. С. 41.

4. Encyclopedia of public international law.

5. Schindler D. IHL and internationalized armed conflicts//IRRC. N 230. 1982.

6. Shindler D. The different types of armed conflicts according to the Geneva Conventions and Protocols, in «Recueil des Cours», 1979-II.

Лумпов Е.А., юрист

Ответственность военнослужащих органов федеральной службы безопасности за административные правонарушения¹

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам привлечения военнослужащих органов федеральной службы безопасности к ответственности за административные правонарушения. Более подробно будут раскрыты институты административной и дисциплинарной ответственности военнослужащих.

Ключевые слова: Ответственность военнослужащих за административные правонарушения, административная ответственность военнослужащих, дисциплинарная ответственность военнослужащих.

Responsibility of the federal military security for administrative offenses

Abstract: This article is devoted to the problems of attracting servicemen of the federal security service responsible for administrative offenses. More details will be disclosed institutes administrative and disciplinary responsibility of the military.

Keywords: Responsibility soldiers for administrative offenses, the administrative responsibility of military, disciplinary liability of servicemen.

Актуальность данной темы статьи обусловлена комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов:

во-первых, возникла необходимость усовершенствования нормативной правовой базы в сфере ответственности военнослужащих за административные правонарушения, в частности, это касается ведомственного уровня, на котором существующие нормативные акты не обеспечивают должного уровня решения данных вопросов;

во-вторых, необходимо детально рассмотреть стадии производства, в первом случае, когда военнослужащий за совершение административного правонарушения несет административную ответственность на общих основаниях, и во втором, когда он несет дисциплинарную ответственность за совершение административного правонарушения;

в-третьих, необходимо рассмотреть меры обеспечения производства, как по делам об административных правонарушениях, так и по дисциплинарным проступкам;

в-четвертых, на основании перечисленного возникает потребность в выработке практических рекомендации, по разграничению стадий производства, в первом случае, когда военнослужащий за совершение административного правонарушения несет административную ответственность на общих основаниях, и во втором, когда он несет дисциплинарную ответственность за совершение административного правонарушения;

Ответственность военнослужащих за административные правонарушения, определяется ч. 1 и ч. 2 ст. 2.5 кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), Дисциплинарным уставом Вооруженных сил Российской Федерации, Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и т.д., и включает в себя административную и дисциплинарную ответственность, которые в свою очередь представляют собой разные формы юридической ответственности.

Для рассмотрения понятия, сущности и содержания ответственности военнослужащих за административные правонарушения необходимо проанализировать административную и дисциплинарную ответственность по отдельности.

Рассмотрение понятия административной ответственности необходимо начинать с ее определения и места среди других видов юридической ответственности.

Административная ответственность наряду с уголовной, гражданской и дисциплинарной является одним из видов юридической ответственности, устанавливаемой государством путем

---

¹ Рецензент – Туганов Ю.Н., доктор юридических наук, доцент.

издания правовых норм, определяющих основания ответственности, меры, которые могут применяться к нарушителям, порядок рассмотрения дел о правонарушениях и исполнения этих мер.

В настоящее время понятие административной ответственности определяется далеко не однозначно. В этой связи И.В. Максимов справедливо отмечал, что административная ответственность в научном плане – понятие достаточно сложное, многомерное и полифункциональное².

Таким образом, в теории административного права существуют различные подходы к определению понятия «Административная ответственность».

Так, например, профессор Н.И. Кузнецов под административной ответственностью понимал применение принудительных мер за нарушение административно-правовых норм, как правило, властью административных органов во внесудебном порядке либо в отдельных предусмотренных законом случаях – судебными органами³.

Под административной ответственностью А.С. Прудников и Х.А. Андриашин понимают особую разновидность юридической ответственности, которая выражается в применении к лицу, совершившему административное правонарушение, предусмотренной законодательством административно-правовой санкции⁴.

А.Е. Лунев понимал под административной ответственностью такую ответственность, которая применяется органом управления в случае совершения запрещенных государством действий⁵.

Характеризуя административную ответственность, Д.Н. Бахрах указывает, что она представляет собой особый вид юридической ответственности, в то же время, являясь частью административного принуждения, обладает всеми его качествами. Административной ответственности присуще все признаки юридической ответственности. Она регулируется нормами права, состоит в официальном осуждении за правонарушение лица и применении к нему в процессуальной форме санкций правовых норм уполномоченными на то субъектами власти⁶.

Необходимо отметить то обстоятельство, что все вышеперечисленные определения понятия «административной ответственности» очень разнообразны. Это происходит в виду того, что в КоАП РФ отсутствует общепринятое определение понятия «административной ответственности».

Проанализировав указанные выше мнения ученых-юристов, следует сделать вывод о том, что институт административной ответственности является правовым механизмом, с помощью которого общество способно противостоять законным способом неправомерному поведению членов данного общества, а с другой стороны данный правовой институт на наш взгляд соответствует всем требованиям, которые предъявляются нормами международного права.

Каково соотношение административной ответственности с другими видами юридической ответственности?

Присущие административной ответственности особенности позволяют нам провести четкую грань между ней и другими видами юридической ответственности.

Так, для уголовной ответственности характерно следующие: во-первых, основанием для привлечения является совершение преступления; во-вторых, данный вид ответственности очень четко урегулирован нормами УК и УПК; в-третьих, к уголовной ответственности могут быть привлечены только физические лица.

Дисциплинарная ответственность очень близка к административной ответственности, так как наступает во внесудебном порядке, но самое главное ее отличие в том, что она применяется в рамках,

---

² См.: Максимов И.В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. 2006. №8. С. 29.

³ См.: Кузнецов Н.И. Акты советского государственного управления. Убеждение и принуждение в советском государственном управлении: лекции, прочитанные в Военно-политической академии. М., 1968. С. 43.

⁴ См.: Прудников А.С., Андриашин Х.А. Административно-правовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина: учеб. М., 1998. С. 42.

⁵ См.: Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961. С. 44.

⁶ Цитировано по: К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 9 – 11.

когда виновный подчинен органу или должностному лицу, основанием для привлечения является дисциплинарный (служебный) проступок, за что на виновного налагается дисциплинарное взыскание.

Для гражданско-правовой ответственности (имущественной) характерно возмещение убытков или вреда, а потому ее основное содержание составляют последствия имущественного характера, включая восстановительные меры. Административная же ответственность не предполагает возмещения имущественного ущерба, причиненного административным правонарушением.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, характеризуя административную ответственность, указывают, что административная ответственность выполняет следующие функции: регулятивную; превентивную; карательную; восстановительную и воспитательную.

Регулятивная функция административной ответственности осуществляется типичными, характерными и для регулятивных функций других видов ответственности способами: путем установления запретов совершать определенные действия; установления позитивных обязанностей; установления составов правомерного поведения; установления и применения поощрений. Регулятивная функция административной ответственности применяется при закреплении и оформлении динамики самых разнообразных общественных отношений, в частности при определении административно-правового статуса субъектов административного права и субъектов административной ответственности. С помощью регулятивной функции административной ответственности устанавливаются запреты, позитивные обязывания и тем самым закрепляется и предопределяется поведение субъектов административной ответственности.

Из формулировки задач и целей административной ответственности, указанных в КоАП РФ, следует, что в административном законодательстве различаются общая и частная превенция. Превентивная роль административной ответственности состоит в предупреждении не только рецидива административных проступков, но и правонарушений, представляющих большую общественную опасность, - преступления. Частнопревентивный аспект воздействия может состоять в делящемся порицании субъекта - состоянии наказанности (наличии неснятого административного наказания)⁷.

Способами осуществления карательной функции административной ответственности являются: осуждение; претерпевание неблагоприятных последствий; наличие состояния наказанности.

Любой элемент государственно-принудительной административной ответственности (осуждение, наказание, состояние наказанности) обладает восстановительными началами, поскольку принуждает правонарушителя к правомерному поведению.

Воспитательная функция осуществляется одновременно с регулятивной, восстановительной, карательной, превентивной функциями. Механизм воздействия воспитательной функции во многом зависит от перечисленных функций ответственности. При этом, необходимо отметить, что действующий КоАП РФ, к сожалению, не предусматривает своей целью воспитание граждан и исправление правонарушителей⁸.

Сущность административной ответственности заключается в том, что она, во-первых, наступает за нарушение административно-правовых норм, во-вторых, для нее характерно то, что между органом (должностным лицом), привлекающим к административной ответственности за совершение правонарушения, и лицом, совершившим то или иное правонарушение, отсутствуют отношения подчиненности по службе, работе или учебе. Это объясняется тем, что нарушенные правила выходят за узкие рамки служебной или иной подчиненности, в-третьих, к административной ответственности наряду с физическими лицами могут быть привлечены и юридические, и, в-четвертых, законодательством установлен особый порядок производства по делам об административных правонарушениях⁹.

---

⁷ Цитировано по: К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 11-13.

⁸ См. : Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: моногр. СПб., 2007. С. 727-747.

⁹ См.: Козлов Ю.М. Административное право: учеб. М., 1999; Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. М., 2003. С. 239.

Среди характерных особенностей административной ответственности можно выделить следующие:

1) административная ответственность применяется за правонарушения, которые не представляют собой высокую степень общественной опасности. Исходя из этого данные противоправные деяния именуется, как административные проступки (правонарушения);

2) в возникающих правоотношениях всегда участвуют субъекты публично-правовой сферы – органы исполнительной власти и наделенные ее полномочиями должностные лица;

3) административная ответственность преимущественно наступает вследствие правонарушений в сфере общегосударственных, а не частноправовых споров, подтверждение этому отражается в том, что более половины составов административных проступков, закрепленных в особенной части КоАП РФ, прямо или опосредованно затрагивают сферу публично-правовых интересов¹⁰.

Рассмотрим административную ответственность военнослужащих. По данному поводу следует сказать, что привлечение военнослужащих к данной ответственности имеет определенную специфику. Как мы уже ранее отметили, военнослужащие привлекаются к ответственности в соответствии со ст. 2.5 КоАП, где произведено четкое распределение, которое определяет, за какие правонарушения военнослужащий несет административную ответственность на общих основаниях, а за какие привлекается уже к дисциплинарной ответственности. Следовательно, по этому основанию можно сделать вывод о том, что на данном этапе происходит тесное взаимодействие двух видов юридической ответственности.

Основанием для привлечения к административной ответственности являются:

А) административное правонарушение – противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Б) до 1 января 1997 года основанием являлось преступление. Лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, могло быть освобождено от уголовной ответственности, если было признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности допускалось лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание.

На сегодняшний день нормами УК РФ не предусмотрена административная ответственность за преступления с малой степенью общественной опасности, соответственно остается лишь одно основание – административное правонарушение¹¹.

Необходимо выяснить отличия административного правонарушения от преступления и дисциплинарного проступка. Прежде всего, рассмотрим отличия преступления от административного правонарушения.

Проблема разграничения административных правонарушений и преступлений в юридической литературе исследуется довольно длительное время.

По поводу совпадения элементов двух названных составов правонарушений, мнения юристов совпадают. По поводу же отличий двух этих правонарушений друг от друга можно выделить две основные точки зрения различных групп авторов.

Одна группа авторов считает, что преступление, в отличие от административного правонарушения, является деянием общественно опасным. Административное правонарушение – лишь вредоносным.

Другая группа авторов признает общественную опасность административных правонарушений, отличая их от преступлений лишь по степени этой общественной опасности. По их

---

¹⁰ Цитировано по: К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 15 - 16.

¹¹ Цитировано по: К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 17-19.

мнению, административные правонарушения представляют меньшую общественную опасность, нежели преступления.

К первой группе авторов относятся Г.И. Петров, О.М. Якуба и др.¹².

Ко второй - Д.Н. Бахрах, В.Р. Кисин, И.С. Самощенко, В.Е. Севрюгин, О.Ф. Шишов и др.¹³.

Точка зрения второй группы авторов представляется более обоснованной. Действительно, согласно ст. 2 УК РФ одной из задач данного Кодекса является определение того, «какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями...». Соответственно можно предположить, что опасные для общества (общественно опасные) деяния, не вошедшие в УК РФ, преступлениями не являются.

Понятие «вредоносность» подразумевает причинение вреда каким-либо охраняемым общественным отношениям. На наш взгляд, в этом и заключается общественная опасность любого правонарушения.

В процессе практической деятельности у правоприменителя особых затруднений с различием преступления и административного правонарушения не возникает. Трудности возникают ввиду недостаточно обоснованного теоретического критерия разграничения данных правонарушений. Теоретический критерий «общественная опасность» конкретным быть не может, он прежде всего зависит от уровня развития общества на данном этапе и правосознания правоприменителя.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что на данном этапе четкого критерия разграничения преступления и административного правонарушения в Российской Федерации нет.

Перейдем к рассмотрению различий между административным правонарушением и дисциплинарным проступком.

Самое главное различие данных правонарушений состоит в том, что в первом наказанием применяют государственные органы в отношении физических и юридических лиц, которые не находятся в подчинении данных органов, а что касается дисциплинарного проступка, то тут наказание применяет соответствующее должностное лицо, которому в той или иной степени подчинен правонарушитель.

Второе отличие в том, что административная ответственность применяется к большей части субъектов, нежели дисциплинарная, что в свою очередь и придает дисциплинарной ответственности свою особенность и выделяет ее в самостоятельный вид юридической ответственности¹⁴.

Несомненно, следует еще раз сказать о том, что за некоторые виды административных правонарушений военнослужащие несут дисциплинарную ответственность, это, прежде всего, обусловлено наличием специального статуса у военнослужащих, как и других государственных служащих.

Но как показывает практика, данное правило не всегда работает. На наш взгляд в первую очередь это обусловлено недостаточной правовой грамотностью отдельных должностных лиц, в результате чего это и приводит к тому, что при совершении административного правонарушения военнослужащим, он может, наряду с административной ответственностью, также понести и дисциплинарную, что в дальнейшем может повлиять на его дальнейшую службу в целом¹⁵. Во-вторых, на современном этапе недостаточно отлажен механизм привлечения к тому или иному виду юридической ответственности, хотя нормативная база, на федеральном уровне позволяет это сделать, но на внутриведомственном уровне, как показывает практика сделать это достаточно затруднительно.

---

¹²См. : Петров Г.И. Советское административное право. Л., 1960. С. 288., Якуба О.М. Дальнейшее совершенствование административного законодательства: Вопросы административного права на современном этапе. М., 1963. С. 14; Советское административное право. Киев, 1975. С. 162-163.

¹³См. : Бахрах Д.Н. Состав административного проступка. Свердловск, 1987. С. 8., Кисин В.Р. Административное правонарушение: Понятие. Состав. Квалификация. М., 1991. С. 6., Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 97., Севрюгин В.Е. Понятие правонарушения (проступка) по административному законодательству. М., 1988. С. 16-20., Шишов О.Ф. Преступление и административный проступок. М., 1967. С. 34.

¹⁴ Цитировано по: К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 21-22.

¹⁵ См.: Туганов Ю.Н. Юрасова М.И. Правовые проблемы разграничения видов ответственности // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2010. №12.С.29-32.

Перейдем к рассмотрению дисциплинарной ответственности, которая как уголовная, административная и гражданская ответственности, является видом юридической ответственности.

Дисциплинарная ответственность в юридической науке, как один из видов юридической науки в настоящее время исследована недостаточно детально.

Различают два вида дисциплинарной ответственности: общую и специальную. Общая дисциплинарная ответственность - это ответственность в рамках правил внутреннего трудового распорядка. Она может быть возложена на всех работников, за исключением тех, в отношении которых установлена специальная дисциплинарная ответственность. Общую дисциплинарную ответственность устанавливают ст. ст. 192-194 ТК РФ и правила внутреннего трудового распорядка конкретной организации. Специальная дисциплинарная ответственность есть ответственность, предусмотренная для отдельных категорий работников специальным законодательством, уставами и положениями о дисциплине. Специальная дисциплинарная ответственность имеет особенности: строго определен круг лиц, подпадающих под действие соответствующих норм; предусмотрены специальные меры дисциплинарного взыскания; очерчен круг лиц и органов, наделенных властью применения дисциплинарных взысканий; действует особый порядок обжалования взысканий¹⁶.

Как и административная ответственность, дисциплинарная ответственность включает в себя следующие стадии:

- 1) выявление правонарушения;
- 2) установление вида правонарушения и соответствующей ему нормы права;
- 3) определение конкретного субъекта - нарушителя закона, привлекаемого к соответствующему виду юридической ответственности;
- 4) оценка правонарушения - как основание соответствующего вида юридической ответственности;
- 5) реализация вида юридической ответственности в отношении.

Также следует отметить то обстоятельство, что для дисциплинарной ответственности очень важную роль играют нормы административной ответственности, которые регулируют ответственность в общей, и ответственность определенных категорий лиц.

Что же касается самого понятия дисциплинарной ответственности, следует отметить, что на современном этапе развития общества, ученые юристы так и не пришли к какому-то общему знаменателю.

Так А.Ф. Ноздрачев рассматривает дисциплинарную ответственность, как предусмотренные в законе меры дисциплинарных взысканий, налагаемые на государственных служащих за должностные проступки¹⁷.

Л.А. Сыроватская говоря о дисциплинарной ответственности имела ввиду, предусмотренные в законе меры дисциплинарных взысканий, налагаемых на государственных служащих за должностные проступки¹⁸.

Д.Н. Бахрах рассматривая институт дисциплинарной ответственности, говорил, что дисциплинарная ответственность - это самостоятельный вид юридической ответственности: она выражается в применении уполномоченными субъектами дисциплинарных взысканий к подчиненных им членам устойчивых коллективов за дисциплинарные и иные правонарушения¹⁹.

Д.М. Овсянко дает следующие определение дисциплинарной ответственности: «Дисциплинарная ответственность – это применение мер дисциплинарного воздействия к государственным служащим в порядке служебного подчинения за виновные нарушения правил государственной службы, не преследуемые в уголовном порядке»²⁰.

А.В. Никифоров определял дисциплинарную ответственность как «возникающую из факта совершения дисциплинарного и иного правонарушения обязанность лица понести наказание,

---

¹⁶ Цитировано по: К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 27-29. См., также: Туганов Ю.Н. Специальная дисциплинарная ответственность судей военных судов и прокурорских работников военных прокуратур по российскому законодательству // Право в Вооруженных Силах. 2005. – № 7. С.3-9.

¹⁷ См.: Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учебник. - М., 1999. - С. 503.

¹⁸ См.: Сыроватская Л.А. Трудовое право. - М., 1998. - С. 232.

¹⁹ См.: Бахрах Д.Н. Административное право: Учебник для вузов. М., 1997. С. 350.

²⁰ См.: Овсянко Д.М. Административное право: Учебное пособие. – М., 1994. С. 49.

закрывающееся в применении соответствующим должностным лицом, в установленном порядке дисциплинарных взысканий, выражающих государственное осуждение противоправного, виновного поведения нарушителя служебной дисциплины»²¹.

Также дисциплинарная ответственность имеет особенность в применении, то есть она применяется к различным субъектам (в нашем случае к военнослужащим), и регулируется порядок применения данной ответственности тоже по разному, к работнику на предприятии она применяется согласно трудового кодекса, наставлений и инструкций, разработанных на основе устава данной организации, что же касается военнослужащих, то данный вид ответственности применяется согласно Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, что еще раз подчеркивает специфику применения дисциплинарной ответственности по отношению к военнослужащим²².

Отметим еще одно обстоятельство, которое заключается в том, что на этапе формирования дисциплинарной ответственности ученые юристы считали, что дисциплинарная ответственность относится к институту трудового права. Соответственно, в качестве правовой основы выступают нормы трудового права.

Среди характерных особенностей дисциплинарной ответственности следует выделить следующие:

- 1) основанием является дисциплинарный проступок;
- 2) за такой проступок предусмотрены соответствующие дисциплинарные взыскания;
- 3) они применяются в порядке подчиненности уполномоченными органами, должностными лицами;
- 4) пределы дисциплинарной власти данных органов, должностных лиц определяются правом²³.

Необходимо сказать и о том, что к военнослужащим, совершившим один и тот же дисциплинарный проступок, могут применяться различные виды наказания.

Во-первых, это обусловлено тем, что меру наказания определяет соответствующее должностное лицо;

Во-вторых, это зависит на наш взгляд и от звания военнослужащего, что напрямую указано в Дисциплинарном Уставе Вооруженных сил Российской Федерации, где есть соответствующие разделы, наказания применяемые к солдатам, сержантам, старшинам, младшим офицерам и т.д.

В-третьих, как известно дисциплинарная ответственность закреплена в достаточно большом количестве нормативных правовых актов, начиная с Дисциплинарного Устава Вооруженных сил и заканчивая КоАП РФ, что порой приводит к неправильному применению дисциплинарных санкций. Так Ю.Н. Старилов справедливо указывает, что во всех актах дисциплинарного законодательства «речь идет о совершенно схожих категориях: о дисциплинарных проступках, видах дисциплинарных взысканий и процедуре наложения данных взысканий на государственных служащих. Исходя из этого, было бы целесообразно урегулировать данные вопросы в едином нормативном правовом акте – Дисциплинарном законе (например, Дисциплинарном кодексе), который стал бы основой дисциплинарного законодательства²⁴.

Рассмотрим более подробно основание для привлечения к дисциплинарной ответственности – дисциплинарный проступок.

Дисциплинарный проступок определяется специалистами, как «противоправное виновное невыполнение или ненадлежащее выполнение работником своих трудовых обязанностей»²⁵,

²¹ См.: Никифоров А.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Омск., 1998. С. 9.

²² Цитировано по: К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 30-32.

²³ См.: Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учебник. – М., 1997. С. 309.

²⁴ См.: Старилов Ю.Н. Курс общего административного права. В 3 т. Т II; Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция. – М., 2002. С. 83.

²⁵ См.: Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учебник. – М., 1999. С. 503.

«виновное нарушение правил внутреннего трудового распорядка, невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных (трудовых) обязанностей»²⁶.

Что же касается признаков дисциплинарного проступка, то здесь четкого выделения нет. Так Л.В. Смирнов отмечает: «Одной из важнейших проблем нормативного регулирования дисциплинарной ответственности является не всегда корректное ... закрепление признаков... дисциплинарного проступка»²⁷.

Отметим, что нормативные акты и ведущие юристы сходятся в том, дисциплинарный проступок является противоправным, виновным деянием.

Так же следует сказать о том, что определение дисциплинарного проступка страдает некоторой «теоретичностью», в отличие, скажем, от определений преступления и административного правонарушения, так как они характеризуются четким закреплением составов правонарушений в кодексах. И действительно, в дисциплинарном законодательстве четко закреплённых составов дисциплинарных проступков практически нет, а тем более их исчерпывающего перечня.

Соответственно если практически нет четкого закрепления составов дисциплинарных проступков, можно сделать вывод об условности такого признака, как противоправность деяния.

И действительно в научной литературе отмечается, «должностное лицо или соответствующий орган, налагающие взыскание, в ряде случаев сами решают вопрос о его противоправности»²⁸.

По мнению Ю.Н. Туганова, с которым трудно не согласиться, «противоправность дисциплинарного проступка проявляется обычно в нарушении служебных (трудовых) обязанностей, возлагаемых на соответствующих лиц контрактом (трудовым договором), локальными нормативными актами (уставами, правилами внутреннего трудового распорядка, должностными инструкциями, положениями, техническими правилами и т.п.)»²⁹.

Следовательно, можно сделать вывод, что понятие «дисциплинарного проступка» тесно связано с понятием «нарушение должностных (трудовых, служебных) обязанностей»³⁰.

На наш взгляд так же основанием для привлечения в ряде случаев к дисциплинарной ответственности будет служить административное правонарушение, происходит своего рода замена наказания в связи со спецификой субъекта, к которому применяются меры принуждения.

Рассмотрев по отдельности два вида юридической ответственности применяемой к военнослужащим за совершение административных правонарушений, попытаемся рассмотреть их совместно и обозначим это, как ответственность военнослужащих за административные правонарушения.

Как мы ранее говорили основанием для привлечения в данном случае будет административное правонарушение, которое согласно ч.1 ст. 2.5 КоАП автоматически дает основание для привлечения к дисциплинарной ответственности, но уже по Дисциплинарному уставу Вооруженных сил Российской Федерации и других нормативных правовых актов, которые регулируют дисциплинарную ответственность.

При этом надо учитывать тот факт, в ч. 2 ст. 28.5 ФЗ «О статусе военнослужащих» дается перечень обстоятельств, при наступлении которых дисциплинарный проступок является грубым, среди них есть и административное правонарушение, т.е при совершении военнослужащим административного правонарушения, которое в свою очередь попадает в ч.1 ст. 2.5 КоАП,

---

²⁶ См.: Туганов Ю.Н. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности военнослужащих при переходе Вооруженных сил Российской Федерации на контрактную систему комплектования: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. С. 34.

²⁷ См.: Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих. Окончание (Круглый стол журнала «Государство и право») // Государство и право. 2000. №4. С. 19.

²⁸ См.: Государственная дисциплина и ответственность / под ред. Л.И. Антоновой, Б.И. Кожохина. – Л., 1990. С. 84.

²⁹ См.: Туганов Ю.Н. Указ. соч. С. 34.

³⁰ Как правильно отметили К.В. Фатеев и С.С. Харитонов: «...понятия воинской дисциплины, воинского дисциплинарного проступка и дисциплинарной ответственности военнослужащих – емкие и многогранные понятия. Правильное понимание содержания этих понятий дает ответ на многие вопросы в правоприменительной практике воинских должностных лиц и иных правоприменителей». См.: Фатеев К.В., Харитонов С.С. О содержании понятий воинской дисциплины, воинского дисциплинарного проступка и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. №2.

военнослужащий будет считаться, как совершивший грубый дисциплинарный проступок, что в свою очередь определяет, какой будет порядок привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности (в данном случае составляется протокол о грубом дисциплинарном проступке).

Из всего этого можно сделать вывод о том, что ответственность военнослужащих за административные правонарушения, это в одном случае административная ответственность на общих основаниях, а с другой стороны обладая специальным статусом и на основании ч.1 ст. 2.5 КоАП, военнослужащий будет привлекаться к дисциплинарной ответственности.

На основании этого мы попробуем вывести понятие: «Ответственность военнослужащих за административные правонарушения».

Ответственность военнослужащих за административные правонарушения – это ответственность, которая наступает за совершение административного правонарушения и за которое следует административная или дисциплинарная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. На наш взгляд введения понятия «ответственность военнослужащих за административные правонарушения» на сегодняшний день является очень актуальным, но вместе с тем надо разграничивать данное понятие с понятиями «дисциплинарная и административная ответственности», так как она их объединяет, но только в части касающиеся. Данная попытка на наш взгляд будет способствовать совершенствованию законодательства, как в отношении административного, так и дисциплинарного.

Библиографический список:

1. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. М., 2003.
2. Бахрах Д.Н. Состав административного проступка. Свердловск, 1987.
3. Бахрах Д.Н. Административное право: Учебник для вузов. М., 1997.
4. Государственная дисциплина и ответственность / под ред. Л.И. Антоновой, Б.И. Кожохина. – Л., 1990.
5. Кисин В.Р. Административное правонарушение: Понятие. Состав. Квалификация. М., 1991.
6. Козлов Ю.М. Административное право: учеб. М., 1999.
7. Кузнецов Н.И. Акты советского государственного управления. Убеждение и принуждение в советском государственном управлении: лекции, прочитанные в Военно-политической академии. М., 1968.
8. Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961.
9. Максимов И.В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. 2006. №8.
10. Никифоров А.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Омск, 1998.
11. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учебник. - М., 1999.
12. Овсянко Д.М. Административное право: Учебное пособие. – М., 1994.
13. Петров Г.И. Советское административное право. Л., 1960.
14. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих. Окончание (Круглый стол журнала «Государство и право») // Государство и право. 2000. №4.
15. Прудников А.С., Андриашин Х.А. Административно-правовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина: учеб. М., 1998.
16. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.
17. Севрюгин В.Е. Понятие правонарушения (проступка) по административному законодательству. М., 1988.
18. Советское административное право. Киев, 1975.
19. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права. В 3 т. Т II; Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция. – М., 2002.
20. Сыроватская Л.А. Трудовое право. - М., 1998.

21. Туганов Ю.Н. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности военнослужащих при переходе Вооруженных сил Российской Федерации на контрактную систему комплектования: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

22. Туганов Ю.Н. Специальная дисциплинарная ответственность судьей военных судов и прокурорских работников военных прокуратур по российскому законодательству // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 7.

23. Туганов Ю.Н. Дисциплинарная ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): моногр. Чита, 2007.

24. Туганов Ю.Н., Юрасова М.И. Правовые проблемы разграничения видов ответственности // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2010. №12.

25. Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011.

26. Фатеев К.В., Харитонов С.С. О содержании понятий воинской дисциплины, воинского дисциплинарного проступка и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. №2.

27. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: моногр. СПб., 2007.

28. Шишов О.Ф. Преступление и административный проступок. М., 1967.

29. Якуба О.М. Дальнейшее совершенствование административного законодательства: Вопросы административного права на современном этапе. М., 1963.

Карасев А.А.
юрисконсульт, karasevaa@bk.ru

Karasev A.A.
legal adviser, karasevaa@bk.ru

**О содержании и месте института дисциплинарной ответственности военнослужащих в системе
российского законодательства³¹**

Статья посвящена рассмотрению теоретических вопросов, связанных с дисциплинарной ответственностью военнослужащих. Автором проанализирована правовая природа института дисциплинарной ответственности военнослужащих.

Ключевые слова: *военнослужащий, дисциплинарная ответственность, воинская дисциплина*

**About content and location of the disciplinary responsibility institution of military in the Russian
legislation system**

The article considers theoretical issues related to disciplinary liability of military. The author analyzes the legal nature of the institution of disciplinary responsibility institution of military.

Key words: *military, disciplinary responsibility, military discipline*

В свое время римские юристы отмечали, что «действие (сила) права: повелевать, запрещать, разрешать, карать»³².

Право выступает регулятором общественных отношений, а также их охраной для обеспечения общественного порядка.

Для восстановления законности и справедливости, а также для того, чтобы правонарушитель осознал неотвратимость наступления неблагоприятных последствий, его привлекают к юридической ответственности.³³

В качестве основания наступления ответственности признается совершение правонарушения, т.е. фактическое поведение субъекта правоотношения, отклоняющееся от установленной правовой модели. Сущность любого воинского правонарушения – это нарушение требований, которые установлены военно-правовыми актами. При этом, правонарушения в одних случаях, являются дисциплинарными проступками, в других случаях, могут являться преступлениями.

Прежде чем перейти к рассмотрению института дисциплинарной ответственности, необходимо рассмотреть определение юридической ответственности с целью определения места дисциплинарной ответственности военнослужащих в системе российского законодательства. Как справедливо отмечает В.А. Зарубин «воинская дисциплина предъявляет к военнослужащим более высокие и детально регламентированные требования, которые распространяются не только на их служебную, но в ряде случаев и на внеслужебную сферу деятельности».³⁴

Юридическая ответственность нередко трактуется как особая форма правоотношения между государством и правонарушителем³⁵. Однако, данная позиция спорна, поскольку всякое правоотношение основывается на общей воле его участников. Как представляется, когда речь идет о правонарушении и юридической ответственности, то воля правонарушителя не совпадает с волей

---

³¹ Рецензент – Туганов Ю.Н., д.ю.н., доцент.

³² См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. - С. 29.

³³ В повседневной жизни понятие «ответственность» означает необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет о своих действиях, поступках, быть ответственным за них.

³⁴ Зарубин В.А. Правовое регулирование воинской дисциплины и его использование в деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. - С. 13.

³⁵ См., например: Теория государства и права: Учебник / под ред. А.М. Васильева. М., 2003. - С. 366.

государства, которое диктует правонарушителю свою волю и привлекает его к юридической ответственности.

Раскрывая содержание юридической ответственности, необходимо отметить следующие признаки:

- 1) носит ретроспективный характер;
- 2) реализуется как определенная форма осуществления правосоставительных отношений;
- 3) осуществляется только в соответствии с правовыми нормами при единстве материального и процессуального права;
- 4) индивидуализируется на основании правоприменительного акта или без него;
- 5) заключается в претерпевании правонарушителем неблагоприятных последствий;
- 6) опирается на государственное принуждение;
- 7) связана с общественным осуждением и порицанием.

Соответственно юридической ответственностью являются санкционированные государством меры, применяемые с целью осуждения и наказания правонарушителя за неблагоприятные последствия его поведения, вызванные действием или бездействием правонарушителя, которые вызывают отрицательную правовую оценку общества и государства.

В связи с чем, следует согласиться с точкой зрения Н.И. Павлова³⁶, в соответствии с которой юридическая ответственность является самостоятельным элементом правового статуса личности и, в то же время, может входить в структуру правового статуса конкретного субъекта правового общения в зависимости от сферы действия определенной отрасли права.

Дисциплинарная ответственность военнослужащих, является уставной ответственностью, т.е. она регулируется специальными уставами.

Уставная дисциплинарная ответственность военнослужащих является наиболее строгим видом дисциплинарной ответственности государственных служащих, поскольку военнослужащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности не только за правонарушение во время непосредственного несения военной службы, но и за правонарушения, которые им совершены за пределами службы, но которые являются позорящими и дискредитирующими публичную власть, включая административные проступки. Кроме того, дисциплинарная ответственность военнослужащих предусматривает специфические меры за грубые дисциплинарные проступки, когда за грубое нарушение служебных обязанностей возможно наложение взыскания в виде отчисления не только из конкретного учреждения, но и увольнения из системы.

К военнослужащим может быть применена дисциплинарная ответственность за проступки, связанные с нарушением воинской дисциплины или общественного порядка, но такие деяния военнослужащих, как указывал Ю.Н. Туганов³⁷, должны обладать определенными признаками дисциплинарного проступка. По мнению А.В. Кудашкина и К.В. Фатеева³⁸, к таким признакам относятся: противоправность деяния, выраженная в нарушении военнослужащим норм военного права в части исполнения возложенных на него обязанностей; виновность военнослужащего в совершении такого деяния; отсутствие в таком деянии признаков преступления либо административного правонарушения.

Основаниями дисциплинарной ответственности военнослужащих, как обоснованно отмечают К.В. Фатеев, и С.С. Харитонов «...являются: совершение этих деяний (либо наличие реальных предпосылок их совершения); опасность (общественная вредность) таких деяний для интересов военной службы; их относительная распространенность; невозможность воздействия на них иными средствами (дисциплинарного пресечения, убеждения и т.п.)»³⁹.

---

³⁶ Павлов Н.И. Административная, дисциплинарная и материальная ответственность военнослужащих. – М., ВПА., 1982. – С. 7.

³⁷ Туганов Ю.Н. Теоретико-правовая характеристика института дисциплинарной ответственности военнослужащих. Чита, ЧГУ, 2006. – С. 91.

³⁸ Кудашкин А.В., Фатеев К.В., Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». М.: «За права военнослужащих», 2000. – С. 347.

³⁹ См.: Фатеев К.В., Харитонов С.С. О содержании понятий воинской дисциплины, воинского дисциплинарного проступка и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – №1.

Как известно, меры дисциплинарной ответственности (дисциплинарные взыскания) занимают наиболее заметное место в институте дисциплинарного принуждения. Вместе с тем, сводить дисциплинарное принуждение только к дисциплинарной ответственности нельзя. Помимо дисциплинарных взысканий среди дисциплинарно-принудительных мер в юридической литературе справедливо выделяют меры дисциплинарного пресечения⁴⁰, меры дисциплинарного восстановления⁴¹, меры дисциплинарного дестимулирования⁴² и некоторые другие. Обязательным условием дисциплинарной ответственности, в том числе ответственности военнослужащих, как правило, признавалось наличие их вины.

Привлечение военнослужащих к дисциплинарной ответственности является повседневной, управленческой по своим целям процедурой, направленной на обеспечение воинской дисциплины и борьбу с ее нарушителями среди лиц, находящихся на военной службе – особом виде федеральной государственной службы. Поэтому реформирование Вооруженных Сил Российской Федерации и одновременное проведение реорганизации государственной службы остро ставит ряд проблем, связанных с соотношением дисциплинарных взысканий, налагаемых на военнослужащих согласно Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ДУ ВС РФ), утвержденном [Указом](#) Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, Положению о порядке прохождения военной службы и в порядке, установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

С учетом равенства всех перед законом, законодатель закрепляет возможность привлечения военнослужащих к таким видам ответственности, как дисциплинарная, административная, гражданско-правовая, материальная и уголовная. ДУ ВС РФ закрепляет и общие принципы привлечения военнослужащих к различным видам ответственности. В частности, за совершенные правонарушения военнослужащие привлекаются к одному виду ответственности.

Кроме того, за проступки, связанные с нарушением военнослужащими воинской дисциплины и норм международного гуманитарного права, к ним могут быть применены меры общественного воздействия. В ст. 52 ДУ ВС РФ закреплено положение, аналогичное, по сути, требованию, содержащемуся в ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которому налагаемое взыскание должно быть соразмерно тяжести совершенного проступка и степени вины военнослужащего.

Предыдущая редакция п. 3 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» ставила наступление административной ответственности для военнослужащих в зависимости от квалификации совершенных ими противоправных действий, подпадающих под признаки административного правонарушения⁴³.

Такой подход соответствует положению ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ, определяющей, что военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, «за административные правонарушения несут дисциплинарную ответственность, «а исключения составляют правонарушения в других сферах перечисленных в ч. 2 названной статьи»⁴⁴. В этих случаях административная ответственность для военнослужащих наступает на общих основаниях⁴⁵.

Таким образом, приведенные выше правовые нормы в своей логической взаимосвязи не содержат запрета на привлечение военнослужащего за совершение административного

⁴⁰ Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов, 1986. - С. 24 - 25; Буравлев Ю.М. Проблемы правового регулирования дисциплинарного принуждения в системе государственной службы России // Юридический мир. 2008. № 10.

⁴¹ Бахрах Д.Н. Дисциплинарное принуждение // Известия вузов. Правоведение. 1985. № 3. - С. 22; Государственная дисциплина и ответственность. Л., 1990. С. 89; Ю.С. Адушкин называет их восстановительными санкциями. См.: Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов, 1986. - С. 25.

⁴² Тимошенко И.В. Административно-процессуальная деятельность (административный процесс). Ростов н/Д, 2007. - С. 236.

⁴³ Пункт 3 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» признан утратившим силу Федеральным законом от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». См. об этом: Салишев Н.Г. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (вводный). М., 2002. - С. 283.

⁴⁴ Например, законодательства о выборах и референдумах, в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, правил режима Государственной границы Российской Федерации, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через Государственную границу, правил дорожного движения и других правил

⁴⁵ Там же. - С. 13.

правонарушения как к дисциплинарной, так и к административной ответственности. Отсутствует такой запрет и на кумуляцию обоих видов юридической ответственности, которая происходит при одновременном наложении на военнослужащего административного и дисциплинарного взыскания за действия, содержащие признаки административного правонарушения. В то же время, судебная практика признает такую кумуляцию не соответствующей общим принципам применения права. Как отмечено в определении Верховного Суда РФ «...в соответствии с ч. 1 ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. ст. 27 и 47 УВС ВС РФ за нарушение воинской дисциплины военнослужащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только лишь за дисциплинарные проступки, которые не влекут за собой уголовной или административной ответственности. Поэтому привлечение Ц. к административной ответственности в силу ч. 1 ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 27 УВС ВС РФ исключало его дисциплинарную ответственность за это же административное правонарушение, за которое он понес соответствующее наказание»⁴⁶.

Публично-правовые отрасли российского законодательства основаны на правовом принципе, в соответствии с которым никто не может быть дважды осужден за одно и то же преступление. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что само по себе наступление одного вида ответственности не является правовым основанием для наступления иного вида ответственности за то же самое нарушение, так как преюдиция в этом случае прямо в законе не предусмотрена. С учетом этого, в случае совершения военнослужащим одного деяния, посягающего на объекты, охраняемые правовыми нормами различных отраслей права, кумуляция наказания должна быть исключена, что также прямо усматривается из отсылочных к «правилам Дисциплинарного устава»⁴⁷ правовым нормам ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ.

Кроме того, хотя и существуют тождественные понятия, дисциплинарная ответственность в границах трудового и военного права имеют серьезные отличия, позволяющие говорить о наличии двух самостоятельных видов юридической ответственности, а именно:

- 1) дисциплинарно-трудовая ответственность;
- 2) военно-служебная дисциплинарная ответственность.

К специфическим признакам, разграничивающим эти два вида ответственности, относится, то, что субъектом дисциплинарно-трудовой ответственности выступает работник, как субъект трудового права.

Субъектом военно-служебной дисциплинарной ответственности выступает субъект военного права - военнослужащий.

Последний вид ответственности подразделяется на:

- а) ответственность уставную⁴⁸;
- б) дисциплинарную ответственность военнослужащих в порядке подчиненности.

Уставная ответственность, распространяемая на военнослужащих, а также служащих правоохранительных служб, является наиболее строгим видом дисциплинарной ответственности государственных служащих⁴⁹, так как:

1. привлечение к дисциплинарной ответственности возможно в том числе, в случае совершения и административного проступка, и за пределами службы, который позорит и дискредитирует публичную власть;
2. предусматриваются меры дисциплинарных взысканий, которые имеют свою специфику;
3. за грубые дисциплинарные проступки предусмотрена возможность увольнения из системы данной отрасли, как мера дисциплинарного взыскания.

---

⁴⁶ См.: Туганов Ю.Н. Правовые проблемы разграничения видов ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2010. №12. С. 31 (Определение Верховного Суда РФ по делу майора Ц. от 14.09. 2010 г. №212-В10-4).

⁴⁷ Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России // Рос. судья. - 2005. - № 9. - С. 18.

⁴⁸ т.е. дисциплинарную ответственность военнослужащих по специальным уставам и положениям.

⁴⁹ См.: Конин Н.М. Российское административное право (Общая часть): Курс лекций. Краснодар, 2001. - С. 233.

Следовательно, по своей правовой природе дисциплинарная ответственность в служебных правоотношениях является не частной, а публичной, что принципиально отличает ее от дисциплинарной ответственности в трудовых правоотношениях. Поэтому функция данной ответственности является, как представляется, не правосстановительной, а предупреждающей и пресекающей.

Таким образом, представляется, что для приведения законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих в соответствие с публично-правовыми целями этого института необходимо строить его, основываясь на следующих посылах:

- формирования в законодательстве перечня дисциплинарных проступков, посягающих на надлежащее функционирование военной службы⁵⁰;
- определения соответствия тяжести совершенного проступка и наложенного взыскания;
- большей дифференциации дисциплинарных взысканий, налагаемых на военнослужащих в зависимости от преследуемых при наложении целей.

Следует отметить, что Федеральным законом от 4 декабря 2006 г. №203-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам ответственности военнослужащих» (далее - Закон №203) существенно изменены основания привлечения к дисциплинарной ответственности. Впервые в Законе №203 с 1 января 2007 г. дано законодательное определение понятия «дисциплинарный проступок».⁵¹ Аналогичное определение дисциплинарного проступка дано в ДУ ВС РФ. Согласно данным определениям, воинскими дисциплинарными проступками не являются нарушения общественного порядка, которые не связаны с исполнением обязанностей военной службы, а также поведением в общественных местах в свободное от исполнения обязанностей военной службы время.

Дисциплинарная ответственность относится к карательным видам юридической ответственности. Исключение из состава правонарушения какого-либо компонента влечет за собой отсутствие законного основания юридической ответственности.

Дисциплинарный проступок военнослужащего имеет признак общественной вредности поступка. Этот признак является ключевым при разграничении ответственности за «простые» нарушения, при которых применяются меры не столь строгие, как за «грубые» нарушения - самые строгие, вплоть до крайней меры, т.е. ареста военнослужащего, а также досрочного увольнения его с военной службы. Получается, что через дифференциацию дисциплинарной ответственности реализуются принципы законности, справедливости и целесообразности юридической ответственности военнослужащих.⁵²

Все выше изложенное, позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Дисциплинарная ответственность, относясь к карательным видам юридической ответственности, по своей правовой природе в правоотношениях, вытекающих из военной службы, является не частной, а публичной, что принципиально отличает ее от дисциплинарной ответственности в трудовых правоотношениях. Поэтому функция данной ответственности является, предупреждающей и пресекающей.

2. Дисциплинарная ответственность военнослужащих, за грубый дисциплинарный проступок включает в себя совокупность правовых норм военного законодательства, которые устанавливают и возлагают на военнослужащего обязанности по соблюдению требований воинской дисциплины, а также предусматривают меры их дисциплинарной ответственности за грубый дисциплинарный проступок и процессуальный порядок применения этих мер в случае нарушения указанных предписаний.

---

⁵⁰ Такой классификатор (перечень) дисциплинарных проступков был предложен и Ю. Н. Тугановым. См.: Туганов Ю.Н. Теоретико-правовая характеристика института дисциплинарной ответственности военнослужащих. – Чита, ЧитГУ, 2006. – С. 173-177.

⁵¹ Под дисциплинарным проступком понимается противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности.

⁵² Андреева С.А. Отдельные проблемы правового регулирования юридической ответственности военнослужащих // Российский военно-правовой сборник № 12: Проблемы юридической ответственности военнослужащих и военных организаций. М.: За права военнослужащих, 2009. - С. 12 - 13.

3. Институт дисциплинарной ответственности военнослужащих занимает особое место в институте дисциплинарной ответственности. Являясь, видом юридической ответственности, дисциплинарная ответственность является сложной многогранной категорией административного, трудового и военного права. Дисциплинарная ответственность военнослужащих, несмотря на тождественность многих понятий, которые существуют в границах трудового, административного права, а также военного права имеет серьезное отличие, которое позволяет говорить о ее самостоятельном виде.

4. Дисциплинарная ответственность военнослужащих носит специальный характер, регулируемый военным правом. Ее особенность выражается в виде воинской дисциплины, определяется спецификой предмета регулирования отношений, направленного на защиту охраняемых общественных отношений, связанных с выполнением особых функций по защите Отечества. Субъектом военно-служебно-дисциплинарной ответственности всегда выступает военнослужащий или лицо, призванное на военные сборы. Дисциплинарная ответственность военнослужащих, является уставной ответственностью, т.е. она регулируется специальными уставами.

5. Уставная дисциплинарная ответственность военнослужащих является наиболее строгим видом дисциплинарной ответственности государственных служащих, поскольку военнослужащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности не только за правонарушение во время непосредственного несения военной службы, но и за правонарушения, которые им совершены за пределами службы, но которые являются позорящими и дискредитирующими публичную власть, включая аморальные и административные проступки.

6. Дисциплинарная ответственность военнослужащих предусматривает специфические меры за грубые дисциплинарные проступки, когда за грубое нарушение служебных обязанностей возможно наложение взыскания в виде увольнения не только из конкретного учреждения, но и из системы.

7. Дисциплинарная ответственность военнослужащих является отдельным видом уставной ответственности относящейся к юридической ответственности и являющейся институтом военного права.

8. Институт дисциплинарной ответственности занимает одно из центральных мест в военном праве. Являясь базовым институтом военного, трудового, административного права, обеспечивая межотраслевую связь, целостность всей правовой системы, институт дисциплинарной ответственности в военном праве занимает одно из центральных мест, проявляясь в наиболее выраженных формах, что непосредственно связано со строгой иерархичностью военных и воинских отношений.

Библиографический список:

1. Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов, 1986. - С. 24 – 25.
2. Андреещева С.А. Отдельные проблемы правового регулирования юридической ответственности военнослужащих // Российский военно-правовой сборник № 12: Проблемы юридической ответственности военнослужащих и военных организаций. М.: За права военнослужащих, 2009. - С. 12 - 13.
3. Бахрах Д.Н. Дисциплинарное принуждение // Известия вузов. Правоведение. 1985. № 3. - С. 22.
4. Бахрах Д.Н. Государственная дисциплина и ответственность. Л., 1990. С. 89.
5. Буравлев Ю.М. Проблемы правового регулирования дисциплинарного принуждения в системе государственной службы России // Юридический мир. 2008. № 10.
6. Зарубин В.А. Правовое регулирование воинской дисциплины и его использование в деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. - С. 13.
7. Конин Н.М. Российское административное право (Общая часть): Курс лекций. Краснодар, 2001. - С. 233.
8. Кудашкин А.В., Фатеев К.В., Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». М.: «За права военнослужащих», 2000. - С. 347.
9. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. - С. 29.

10. Павлов Н.И. Административная, дисциплинарная и материальная ответственность военнослужащих. – М., ВПА., 1982. - С. 7.
11. Салищев Н.Г. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (вводный). М., 2002. - С. 283.
12. Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.М. Васильева. М., 2003. - С. 366.
13. Тимошенко И.В. Административно-процессуальная деятельность (административный процесс). Ростов н/Д, 2007. - С. 236.
14. Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России // Рос. судья. - 2005. - № 9. – С. 18.
15. Туганов Ю.Н. Теоретико-правовая характеристика института дисциплинарной ответственности военнослужащих. Чита, ЧГУ, 2006. - С. 91; 173-177.
16. Туганов Ю.Н. Правовые проблемы разграничения видов ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2010. №12. С. 31.
17. Фатеев К.В., Харитонов С.С. О содержании понятий воинской дисциплины, воинского дисциплинарного проступка и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2012. №1.

Б.Ю. Дерешко – соискатель кафедры военной администрации, административного и финансового права Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук

B. Dereshko, Doctoral Student of the Military Administration, Administrative and Financial Law Department of the Military University of the Ministry of Defense Federal State Fiscal Military Educational Institution of Higher Professional Education, Candidate of Juridical Sciences

Некоторые вопросы правового регулирования духовно-нравственного воспитания в системе морально-психологического обеспечения деятельности в сфере обороны и безопасности¹

В статье рассматриваются отдельные вопросы духовно-нравственного воспитания военнослужащих как составной части морально-психологического обеспечения деятельности в сфере обороны и безопасности государства. Автор отделяет духовно-нравственное воспитание от религиозного, но, в то же время подчеркивает важную роль религии в жизни общества. При этом, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на свободу совести и вероисповедания, в том числе военнослужащим. Однако, по мнению автора, реализация данного права в условиях армии сопряжена с определенными сложностями. Неоднозначной является и ситуация с введением института военного духовенства. Заслуживают внимания предложения автора по совершенствованию работы по духовно-нравственному воспитанию военнослужащих, а также совершенствованию законодательства в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, морально-психологическое обеспечение, права военнослужащих, свобода совести и вероисповедания, военное духовенство

Legal regulation of spiritual and moral education of moral and psychological support in defense and security

This article presents some issues of spiritual and moral education in the Armed Forces as part of moral and psychological support in the field of defense and security. The author separates spiritual and moral education from religious one, but at the same time stresses the important role of religion in our society. The Russian Constitution guarantees everyone, including the military, the right to freedom of conscience and religion. However, the author claims the implementation of the law in the army faces certain difficulties. Introduction of the military clergy is also ambiguous. There are also some noteworthy proposals on spiritual and moral education of the military personnel and improvements to the public relations legislation.

Keywords: spiritual and moral education, moral and psychological support, rights of military personnel, freedom of religion and conscience, military clergy

Под «духовно-нравственным воспитанием» понимается процесс формирования духовно-нравственных качеств человека (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма), нравственного поведения (милосердия, готовности служения людям и Отечеству, доброй воли и т.п.).

---

¹ Рецензент – д.ю.н., профессор В.Н.Старцун.

Термин «духовно-нравственное воспитание» первоначально использовался в религии, религиозной и идеалистически ориентированной философии, и соотносился с поиском смысла жизни как основой человеческого бытия. В свою очередь смысл жизни рассматривался в стремлении к воссоединению с Богом, в подготовке к вечной жизни. И лишь в конце XIX – начале XX века интерес к вопросам духовно-нравственного воспитания стали проявлять светские исследователи и ученые. Однако и этот исторический период духовно-нравственное воспитание отождествлялось также с духовным и религиозным. Во многом это было связано с тем, что идеями религиозности были проникнуты все стороны жизнедеятельности общества.

Учитывая, что в указанный исторический период господствующей религией в России являлось православие, то и духовность понималась в православной трактовке. Как указывает О. Давыденков, духовность в православном понимании – это состояние единения человека и Бога, или общение человеческой личности с Абсолютной Личностью, которое христианская этика принимает в качестве высшего блага.²

Однако, как правильно отмечает А.Е. Лихачев, между понятиями «духовность» и «религиозность» имеются определенные различия. В православном понимании первое является глубинным стержнем становления личности и определяет позицию человека в отношении конечных вопросов бытия, смысла жизни, но редко осознается человеком во всей ее глубине. Вторая протекает прежде всего в сферах сознания и подсознания, чувств и волевой саморегуляции. Важнейшее свойство религиозности, религиозной жизни, в том, что она обращена к духовной сфере человека, помогает глубже осознавать себя.³

По мнению В.М. Чугунова сущность духовности заключается в качественных характеристиках сознания, отражающей господствующий тип ценностей, личностные ориентации индивида на включение в общественную жизнь; способность человека сознательно управлять своим поведением и деятельностью; смыслообразующие идеалы и ценности, с помощью которых человек осмысленно регулирует свою деятельность; фактор социализации личности и т.п.⁴

Стоит согласиться с мнением А.С. Сушанского, согласно которому духовность можно определить как высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, когда основными ориентирами ее жизнедеятельности становятся непреходящие человеческие ценности; как ориентированность личности на действие во благо окружающих; с христианской точки зрения – как сопряженность человека в своих высших стремлениях с Богом.⁵

Не маловажное значение имеет и понятие нравственности как одной из наиболее универсальных форм общественного и личного миропонимания, совокупности общих принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу. По мнению О.Г. Дробницкого нравственность регулирует чувства желания и поведение человека в соответствии с моральными принципами определенного мировоззрения. Нравственность не исчерпывается обычаями и традициями, ее нормы и принципы получают идейное обоснование и выражение, прежде всего в идеалах добра и зла. Она включает также соответствующее понимание назначения человека и смысла его жизни, выраженное в нормативно-ценностной форме.⁶

Из духовности общества естественным путем вытекает и духовность армии. Так, по мнению русского философа И.А. Ильина, армия есть сосредоточенное воплощение государственной силы, элемент государственного бытия, организованное множество людей, систематически воспитывающих себя к победе и ради нее готовых к смерти во имя государственной цели.⁷

---

² Иерей О. Давыденков. Догматическое богословие: Курс лекций. В 3 ч. М., 1997. Т.3. С. 87.

³ Лихачев А.Е. Воспитание и духовность // Педагогика, 2001. № 3. С. 34.

⁴ Чугунов В.М. Духовный потенциал военной безопасности государства (социально-философский анализ). Монино, 1998. С. 245.

⁵ Сушанский А.С. Психолого-педагогические основы духовно-нравственного воспитания в военно-учебных заведениях России XVIII - начала XX века // СПС ГАРАНТ аэро. Дата обращения 26.04.2013.

⁶ Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 6.

⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания [или] о национальном воспитании // Путь духовного обновления. М., 2011.

Патриотизм, государственность, верность служению Отчизне и народу, честь, ответственность, достоинство и другие духовные качества были и остаются центральным звеном системы воспитания военнослужащих армии и флота. Великие полководцы и военачальники неизменно подчеркивали первостепенное значение духовно-нравственной составляющей. По их мнению, такая составляющая способствует боеспособности войск и в конечном итоге приводит к победе в сражении или войне. Самый лучший стрелок не сможет одолеть неприятеля, если он не проникнут сознанием долга или не убежден, что сможет победить врага. Поэтому П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова, М.И. Кутузова, и другие великие русские полководцы как предмет особой заботы рассматривали духовность воинов наряду с их военной и технической подготовкой.

В военно-энциклопедической литературе под нравственным воспитанием понимается «воздействие на разум и сердце человека таким образом, чтобы развить в нем навыки руководствоваться в службе и деятельности высшими представлениями и побуждениями, которые служат источником военных доблестей, облегчая человеку победу над противодействующими этим доблестям страстям и эгоистичными инстинктами, особенно над животным чувством самосохранения».⁸ Религиозное воспитание того времени заключалось в развитии веры в Бога, любви и верности Богу, религиозных чувств и сознания.

Примечательно, что воинские уставы середины XIX века предлагали поддерживать в войсках религиозную веру как основу нравственности, здоровья, всех добродетелей и даже воинской доблести солдат, в связи с чем указывали «стараться иметь при полках хороших, умных, кротких и человеколюбивых священников».⁹ Кроме православного духовенства в царской России в воинские части назначались римско-католические священники, евангелические пасторы, мусульманские муллы и представители буддийского духовенства. Институт военного духовенства просуществовал вплоть до 16 января 1918 года, т.е. до издания Народным Комиссариатом по военным делам приказа о ликвидации военного духовенства и увольнении священников из армии.

Вклад военных священников в дело духовно-нравственного воспитания военнослужащих был весьма значителен. Поэтому нельзя не согласиться с мнением О.А. Овчарова, что «православная вера на протяжении всего существования России и ее военной организации использовалась как мощное средство против деморализации и преступности, угрожающих обществу и войскам, как действенный инструмент повышения нравственности, патриотизма, правосознания и правовой культуры военнослужащих. Необходимо изучать этот положительный опыт и активно применять в деле укрепления воинской дисциплины и правопорядка в войсках, повышения боевой мощи и боевого духа Вооруженных Сил».¹⁰

В то же время нельзя согласиться с весьма спорной позицией О.А. Овчарова, согласно которой другие вероисповедания «не православного характера» «не имеют такой большой и обширной исторической роли в жизни всего единого многонационального народа России, строительстве государства Российского и его вооруженных сил. Вклад мусульманских, буддийских, иудейских, католических, протестантских или каких-либо иных религиозных организаций в историю России, ее развитие и процветание, на фоне Русской Православной Церкви столь мал и незначителен, что им многие исследователи попросту пренебрегали. В истории даже последних веков трудно найти примеры позитивного влияния других вероисповеданий на державную мощь России. Скорее наоборот, они формировали обособленную культуру, провоцировали сепаратистские настроения у населения – причиняли ощутимый вред... Другие (не православные) религиозные организации за время исторического развития России не смогли самостоятельно создать какие-либо устойчивые структуры по духовному окормлению воинов, патриотическому воспитанию народа как в древний период, так и на современном историческом этапе, а их влияние и значение в военном деле неоднозначно, спорно и противоречиво».¹¹

---

⁸ Военная энциклопедия. В 8 т. М., 2001. Т. 5. С. 224.

⁹ Свод военных постановлений 1859 г. Ч. I, кн. I, ст. 428, прил. IX, отд. XI, п. 115.

¹⁰ Овчаров О.А. Правовые основы деятельности военного духовенства. Монография. – М.: ВУ, 2010. С. 41-42.

¹¹ Овчаров О.А. Правовые основы деятельности военного духовенства. Монография. – М.: ВУ, 2010. С. 41-44.

По нашему мнению, О.А. Овчаров, во-первых, смешивает понятия «вероисповедание» и «конфессия», которые не являются тождественными. Так, в справочной литературе «вероисповедание» понимается как религия, религиозная система (в широком смысле)¹², а также как вероучение со свойственной ему обрядностью, официальной принадлежностью к определенной конфессии (в узком смысле).¹³ Примерами конфессий могут служить в христианстве – православие, католицизм, протестантизм; в иудаизме – ортодоксальный иудаизм, хасидизм, реформистский иудаизм; в исламе – суннизм, шиизм, ваххабизм.¹⁴ В связи с этим говорить о вероисповедании «не православного характера» как минимум некорректно, православие – это одна из конфессий в христианстве; и православные, и католики, и протестанты и др. исповедуют одну религию – христианскую.

Во-вторых, О.А. Овчаров не принимает во внимание тот исторический факт, что вплоть до 1905 года существовали жесткие законодательные ограничения, фактически не позволяющие представителям иных христианских конфессий и иных религий в полной мере участвовать в делах государства, а за переход из православия в другую конфессию (например, в католицизм) или другую религию, была установлена уголовная ответственность. Приоритет православия был определен на законодательном уровне.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что проблема духовно-нравственного воспитания, в том числе, военнослужащих, имеет давнюю историю. Не потеряла своей актуальности эта проблема и в настоящее время.

Как указывается в Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁵ главный ориентир строительства и развития Вооруженных Сил – человек. Он не только средство любых преобразований, но и их цель. Выдвижение на первый план человека, который управляет оружием и боевой техникой, утверждение приоритета его духовно-нравственных ценностей, личностной позиции, социального самочувствия – решающее условие успеха любой социальной деятельности, в том числе военной. Без соответствующего морального настроя всех категорий военнослужащих, без их психологической готовности добросовестно исполнять обязанности военной службы нельзя ожидать весомых результатов в реформировании современной российской армии.

В Вооруженных Силах Российской Федерации духовно-нравственное воспитание военнослужащих осуществляется в процессе комплекса информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, морально-этических, культурно-досуговых и иных мероприятий, входящих в состав воспитательной работы, осуществляемой субъектами воспитательной деятельности и направленной на формирование у военнослужащих необходимых морально-психологических качеств.¹⁶

При осуществлении соответствующих мероприятий по духовно-нравственному воспитанию военнослужащих, следует учитывать, что на современном этапе развития общества религия по-прежнему остается мощным фактором, оказывающим значительное влияние на все сферы общественной жизни, включая военную сферу.

Стоит согласиться с мнением А.И. Тюрина, согласно которому «необходимо разграничить понятия «духовность» и «религиозность». В самом общем виде духовность – это стремление к общечеловеческим идеалам добра, справедливости, чуткости, честности, уважение индивидуальности каждого человека и культуры. Религиозность же – это качество человека, его

---

¹² Ожегов С.И. Словарь русского языка/ под ред. Я.Ю. Шведовой, М., 1973. С. 70.

¹³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1. С. 151.

¹⁴ <http://relig.info/konfessiya>.

¹⁵ Приказ Минобороны Российской Федерации от 11 марта 2004 г. № 70 «Об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации». Приложение № 3. Концепция воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации//Текст приказа официально опубликован не был. СПС ГАРАНТ аэро. Дата обращения 26 апреля 2013 г.

¹⁶ Никитина Н.Н. Воспитание как возвращение духовного опыта человека// Н.Н. Никитина/ Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: сб. научн. тр./ Под ред. Н.К. Сергеева, Н.М. Борытко. – Волгоград: Перемена, 2004. С. 74-81.

свойства, позволяющие ему ощущать свою принадлежность к тому или иному вероисповеданию, элемент внутреннего мира личности. Первое понятие намного шире второго, однако, второе понятие в определенной степени способно повлиять на формирование первого, но не заменить его. Отсюда вывод – способствовать формированию духовности гражданина, в том числе военнослужащего, необходимо не только и не столько посредством повышения религиозной культуры, созданием условий для совершения религиозных обрядов, сколько заботой о всестороннем гармоничном развитии личности».¹⁷

Стоит также учитывать, что с одной стороны, согласно Конституции Российской Федерации религиозные объединения отделены от государства (с. 14), но с другой стороны, Конституция Российской Федерации (ст. 28) гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Особый статус военнослужащих как граждан России предусматривает ряд ограничений права на свободу совести и вероисповедания, что закреплено в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹⁸ и в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁹.

Военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица. При этом они не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии, а также создавать в воинской части религиозные объединения. Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов. Религиозные обряды на территории воинской части могут отправляться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств и при условии получения разрешения командира.

Вполне предсказуемо возник вопрос и о введении института военного духовенства в современной российской армии. Однако данный вопрос не является однозначным. В научной литературе высказываются диаметрально противоположные мнения на этот счет.

Так, по мнению, А.И. Тюрина «хотя возрождение религиозной духовности в армии несет в целом позитивный аспект, но никогда не сможет полностью охватить всего богатства содержания сознания и духовного мира военнослужащего. В то же время нет никаких оснований считать, что обращение военнослужащих к вере и ценностям той или иной конфессии автоматически стимулирует патриотизм, готовность к самопожертвованию во имя Родины, лучшее отношение к служебным обязанностям и т.п. Сегодня крайне важно не игнорировать, но и не переоценить влияния религии, ее нравственных установок и ориентиров на формирование духовности военнослужащих... с юридической точки зрения...» инициатива введения института военных священников «не совсем правомерна, так как противоречит конституционному принципу отделения религиозных объединений от государства».²⁰

Интересное замечание сделано С.А. Мозговым. Он отметил, что «многие ученые-религиоведы вынуждены констатировать, что в Русской православной церкви московского патриархата небрежно относятся к Священному Преданию, ведь христианская церковь в апостольских правилах и правилах Вселенских соборов запрещает священникам быть воинами. 83-е правило святых апостолов гласит: «Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле

---

¹⁷ Тюрин А.И. Конституционное право военнослужащих на свободу вероисповедания: проблемы его реализации в войсках// «Право в Вооруженных Силах», 2006. № 1.

¹⁸ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»// Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 22. Ст. 2331.

¹⁹ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»// Собрание законодательства Российской Федерации от 29 сентября 1997 г. № 39. Ст. 4465.

²⁰ Тюрин А.И. Конституционное право военнослужащих на свободу вероисповедания: проблемы его реализации в войсках// «Право в Вооруженных Силах», 2006. № 1.

упражняющийся, и хотящий удержать обое, то есть римлянов начальство и священническую должность: да будет извержен из священнова чина, что кесарева кесареви, и Божия Богови».²¹

С другой стороны, по мнению, О.А. Овчарова институт военного духовенства (в виде православных священников) является крайне необходимым.

С нашей точки зрения, введение института военного духовенства имеет положительное значение, однако, необходимо предоставить равные возможности военнослужащим - представителям всех религий, а не только православия, - на реализацию своего права на свободу совести и вероисповедания при прохождении ими военной службы. Кроме того, важно учитывать возможность возникновения религиозных конфликтов, возникновения ситуаций оскорбляющих религиозные чувства и т.п.

Например, такие ситуации возможны при освещении помещений воинских частей, военных кораблей и т.п. православными священниками. Такие действия вызывают негативную реакцию среди военнослужащих, исповедующих ислам. Всегда необходимо помнить, что Россия является страной многонациональной и поликонфессиональной. Трудности могут возникнуть и при определении, так называемого «распорядка выходного дня». По общему правилу, «выходной день» в армии – воскресенье, что совпадает с «выходным» от повседневных забот днем у христиан, которые воскресенье посвящают Богу (посещают церковь, более усердно читают молитвы и т.п.). Аналогичным «выходным» днем у иудеев является суббота, а у мусульман – пятница. Возникает вопрос, как уравнивать всех верующих и создать всем верующим военнослужащим равные условия?

Стоит отметить также позицию С.В. Иванеева, считающего инициативу введения института военных капелланов абсурдной и скороспелой, что особенно видно на фоне отсутствия нормативной правовой базы. По мнению С.В. Иванеева «главная опасность проистекает из того, что клерикализация армии нарушает основополагающие принципы самой Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. Согласно этим принципам, оценивая эффективность воспитательной работы, необходимо проанализировать и установить ... в какой степени удастся формировать у обучаемых **научное мировоззрение** ... военнослужащих, основу которого составляют патриотизм, профессионализм, нравственность и приверженность закону. Возникает вопрос: может ли **в принципе** помогать командиру в формировании такого мировоззрения у военнослужащих священнослужитель, главные ценности религиозной доктрины которого сконцентрированы на понятии «спасения», или, как формулируется это в науке, «отложенного вознаграждения»? ... воспитание гражданина и воина светским государством в приверженности одной из религиозных теорий с ожиданием от него здравомыслия и гражданственности – это откровенная глупость».²²

Таким образом, реализация права военнослужащего на свободу совести и вероисповедания не должна нарушать такое же право другого военнослужащего. В целях урегулирования имеющихся противоречий и конфликтов необходимо четкое законодательное урегулирование всех вопросов, связанных с правом военнослужащих исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Тех норм, которые в настоящее время содержатся в указанных Федеральных законах явно недостаточно, а те нормы, которые указаны в нормативных актах Министерства обороны Российской Федерации, этот вопрос не регулируют вообще.²³

---

²¹ Мозговой С.А. К вопросу о введении института военного духовенства в Российской армии. Цитата по книге: Книга правил святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных и святых отцов. Свято-Троице-Сергиева лавра, 1992//Военно-юридический журнал. 2010. № 5//СПС ГАРАНТ аэро. Дата обращения 30 апреля 2013 г.

²² Иванеев С.В. Противоречия введения института капелланов Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации//СПС ГАРАНТ аэро. Дата обращения 30 апреля 2013 г.

²³ См. например: Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в воинской части. Книга 5. Воспитательная работа, информационно-идеологическое обеспечение, работа с кадрами. Под общей редакцией Квашнина А.В., введены в действие директивой первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 5 ноября 2002 г. № 332/500//Текст официально опубликован не был.

Так, в Министерстве обороны Российской Федерации Методическими рекомендациями по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в воинских частях²⁴, оговариваются лишь особенности организации взаимодействия с религиозными объединениями. В частности, указывается, что при этом необходимо учитывать светский характер Российского государства, отделение церкви от государства, многонациональный и поликонфессиональный состав военнослужащих воинской части, недопустимость создания религиозных объединений в воинской части, появление множества нетрадиционных религиозных течений и групп, способных нанести ущерб морально-психологическому состоянию военнослужащих, их готовности к выполнению воинского долга.

По нашему мнению, на уровне федерального закона необходимо установить норму, определяющую, что религиозные основания должны быть исключены из регламентации служебно-боевой и учебной деятельности военной организации; религиозные убеждения военнослужащих не должны влиять на определение распорядка дня в воинской части, порядка и очередности несения службы и т.п.

В заключении стоит отметить, что работа по духовно-нравственному воспитанию военнослужащих не отождествляется только с возможностью реализации ими права на свободу совести и свободу вероисповедания. Такая работа носит многогранный характер, и ее совершенствование будет способствовать повышению обороноспособности страны, повышению боевого духа военнослужащих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности, М., 1977.
2. Иерей О. Давыденков. Догматическое богословие: Курс лекций. В 3 ч. М., 1997.
3. Иванеев С.В. Противоречия введения института капелланов Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // СПС ГАРАНТ аэро. Дата обращения 30 апреля 2013 г.
4. Мозговой С.А. К вопросу о введении института военного духовенства в Российской Федерации. Цитата по книге: Книга правил святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных и святых отцов. Свято-Троице-Сергиева лавра, 1992 // Военно-юридический журнал. 2010, № 5 // СПС ГАРАНТ аэро. Дата обращения 30 апреля 2013 г.
5. Лихачев А.Е. Воспитание и духовность // Педагогика. 2001. № 3.
6. Никитина Н.Н. Воспитание как возвращение духовного опыта человека // Н.Н. Никитина // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: сб. научн. тр. // Под ред. Н.К. Сергеева, Н.М. Борытко. – Волгоград: Перемена, 2004.
7. Овчаров О.А. Правовые основы деятельности военного духовенства. Монография. – М.: ВУ, 2010.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под ред. Я.Ю. Шведовой. М., 1973.
9. Сушанский А.С. Психолого-педагогические основы духовно-нравственного воспитания в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX века // СПС ГАРАНТ аэро. Дата обращения 26 апреля 2013 г.
10. Тюрин А.И. Конституционное право военнослужащих на свободу вероисповедания: проблемы его реализации в войсках // Право в Вооруженных Силах, 2006. № 1.
11. Чугунов В.М. Духовный потенциал военной безопасности государства (социально-философский анализ). Монино, 1998.

---

²⁴ Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в воинской части. Книга 5. Воспитательная работа, информационно-идеологическое обеспечение, работа с кадрами. Под общей редакцией Квашнина А.В., введены в действие директивой первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 5 ноября 2002 г. № 332/500//Текст официально опубликован не был.

Бараненкова И.В., кандидат юридических наук

Baranenkova Irina Viktorovna, candidate of legal Sciences, pvs1997@mail.ru.

О необходимости систематизации норм, регулирующих противодействие коррупции в военных организациях²⁵

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, профилактика коррупции, привлечение военнослужащих к дисциплинарной ответственности.

Авторская аннотация: в статье рассматриваются некоторые проблемы антикоррупционного законодательства, применения норм о порядке привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, необходимость систематизации правового регулирования антикоррупционных норм.

About the need for systematization of the rules on combating corruption in military organizations

Key words: anti-corruption legislation, prevention of corruption, involvement of military personnel to disciplinary action.

Author's abstract: the article discusses some of the problems of anti-corruption legislation, the application of the rules of procedure for the involvement of military personnel to disciplinary liability for corruption offences, the need for systematization of legal regulation of anti-corruption norms.

Руководством страны предпринимаются весьма интенсивные меры по усилению правовых основ противодействия коррупции, в том числе – в Вооруженных Силах Российской Федерации, иных войсках, воинских формированиях и органах.

Но при этом стремительное развитие антикоррупционного законодательства влечет его постоянное усложнение. Как справедливо отмечает Д. Е. Зайков²⁶, развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей противодействие коррупции, осуществляется стремительными темпами, порой без необходимой проработки и проведения соответствующих научных исследований действенности и обоснованности принимаемых решений, без учета их влияния на регулируемые отношения и специфики правового статуса различных категорий субъектов антикоррупционных отношений²⁷. Все это, к сожалению, негативно сказывается на качестве издаваемых нормативных правовых актов, проявляется в их пробельности, внутренней противоречивости и несогласованности друг с другом. А поскольку принятие правовых актов в области противодействия коррупции осуществляется лавинообразно на всех уровнях – от федерального²⁸ до локального, ситуация постепенно все больше усложняется, т.е. количество отнюдь не переходит в качество.

Указанные обстоятельства значительно снижают эффективность регламентации антикоррупционных отношений, создают предпосылки для обхода закона, обуславливают нарушение прав и свобод граждан или угрозу такого нарушения²⁹.

---

²⁵ Рецензент – д.ю.н., доцент Туганов Ю.Н.

²⁶ Зайков Д.Е. Недостатки правового регулирования противодействия коррупции в сфере трудовых отношений // Законодательство. 2014. № 5.

²⁷ См., напр.: Зайков Д.Е. Законность и обоснованность распространения на работников военных организаций ограничений, запретов и обязанностей, установленных для федеральных государственных гражданских служащих, под вопросом // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 7. С. 102-107; Он же. Противодействие коррупции: правила новые, проблемы старые?! // Там же. 2014. № 1. С. 2-9.

²⁸ В настоящее время в Государственную Думу внесены и находятся на рассмотрении более десяти проектов федеральных законов соответствующей тематики.

²⁹ Зайков Д.Е. Недостатки правового регулирования противодействия коррупции в сфере трудовых отношений // Законодательство. 2014. № 5.

В частности, Д.Е. Зайков отмечает, что исследования правовой регламентации антикоррупционных мер, принимаемых в отношении субъектов – участников трудовых отношений, дают основания предполагать, что у данного направления законотворческой деятельности отсутствует единый идейный центр, а соответствующие нормы разрабатываются и принимаются хаотично, не рассматриваясь как элементы единой системы³⁰.

Появление все новых и новых нормативных правовых актов существенно затрудняет их применение и даже понимание.

Так, например, только одна из мер профилактики коррупции – контроль за расходами государственных служащих и приравненных к ним лиц – регламентируется на федеральном уровне целым рядом нормативных правовых актов:

- 1) Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;
- 2) Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;
- 3) Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;
- 4) Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции»;
- 5) Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 310 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;
- 6) Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей»;
- 7) Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 558 «О представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»;
- 8) Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»;
- 9) Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 560 «О представлении гражданами, претендующими на замещение руководящих должностей в государственных корпорациях, фондах и иных организациях, лицами, замещающими руководящие должности в государственных корпорациях, фондах и иных организациях, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»;
- 10) Указ Президента Российской Федерации от 8 июля 2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции»;
- 11) Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вступит в силу с 1 января 2015 года).

Федеральные законы и указы Президента Российской Федерации, в свою очередь реализуются ведомственными нормативными правовыми актами.

При этом иногда подзаконные акты противоречат нормам, установленным федеральными законами³¹.

---

³⁰ Там же.

³¹ См. подробнее: Миронов О.И. Обязанности военнослужащих о представлении сведений о расходах как инструмент профилактики коррупции в военных организациях // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2013. № 11. С. 5 – 10.

Новым указом Президента Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 460 были утверждены новые формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера³². При этом старые формы справок о доходах и расходах из текстов соответствующих указов исключены, но указы не отменены, действуют в части касающейся некоторых вопросов, в них внесены иные изменения, в результате чего «разбросанность» норм, регламентирующих порядок представления указанных справок еще более усилилась, еще более затруднив их применение.

В многочисленных научных статьях, посвященных профилактике коррупции военнослужащих, весьма часто отмечаются проблемы, связанные с трудностями применения многочисленных норм, рассредоточенных во множестве нормативных правовых актов³³.

Так, например, согласно подпункту «е.1» пункта 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»³⁴, военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы «в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных [пунктом 7 статьи 10](#) и [статьей 27.1](#) Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»³⁵, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом».

В свою очередь, согласно статье 27.1 «На военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации. Установление таких исключений и определение военнослужащих, в отношении которых применяются данные исключения, в каждом отдельном случае осуществляются в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.»

---

³² Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 23 июня 2014 г. № 460 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (часть II), ст. 3520.

³³ См., например: Антипин Л.Н., Миронов О.И., Нэх В.Ф. Организационно-правовые меры профилактики коррупции в российской армии: исторический опыт и перспективы совершенствования // Электронное научное издание «Военное право». 2011 г., Выпуск № 3; Бараненкова И.В. Федеральный закон «О противодействии коррупции» как системообразующий нормативный акт в сфере профилактики коррупции военнослужащих // Электронное научное издание «Военное право». 2013. Выпуск № 3; Зайков Д.Е. Противодействие коррупции: несовершенство правового регулирования и правоприменительной практики // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 2; Зайков Д.Е. Противодействие коррупции: правила новые, проблемы старые?! // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 1; Корякин В.М. О порядке применения к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. № 5; Кудашкин А.В. Подарок или взятка: вот в чем вопрос?! (вопросы квалификации при совершении военнослужащими коррупционных правонарушений) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2010. № 3; Туганов Ю.Н. Антикоррупционная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации: правовой аспект: Сб. докл. VII Всерос. научно-практ. конф. «Россия-Китай: проблемы обеспечения национальной и международной безопасности». – Чита, ЧитГУ, 2009.

³⁴ О воинской обязанности и военной службе : федер. Закон от 28 марта № 53-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13, ст. 1475.

³⁵ О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22, ст. 2331.

Детальное рассмотрение норм, установленных статьями 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 79-ФЗ), позволяет, к сожалению, сделать вывод об их бессистемности, определенной противоречивости, затрудняющей их применение по отношению к военнослужащим³⁶. При этом во все указанные нормативные акты с завидной регулярностью (примерно 1-3 раза в год) вносятся изменения.

Совершенно очевидно, что найдется немного военнослужащих, способных самостоятельно разобраться в перечне антикоррупционных запретов, ограничений, обязанностей, установленных таким замысловатым образом. В то же время за нарушение любой из этих норм военнослужащий может быть уволен.

Следует отметить и то, что бессистемность антикоррупционных норм «разбросанных» по целому ряду нормативных правовых актов, их неоправданное «дублирование», противоречивость, затрагивает не только военнослужащих, но и представителей других видов государственной службы.

Так, например, законодатель несколько «разнообразно» определяет, что такое «конфликт интересов» в части 1 статьи 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) и в части 1 статьи 19 Федерального закона № 79-ФЗ (во втором случае определение более детальное, раскрывающее, в частности, более конкретно, круг лиц, с которыми связано понятие личной заинтересованности³⁷). Что помешало применить его по отношению ко всем государственным служащим, установив в Федеральном законе № 273-ФЗ?

На практике недостаточная четкость указанного определения нередко затрудняет квалификацию ситуаций в качестве конфликта интересов. В то же время с недавнего времени непринятие военнослужащим мер по предупреждению или урегулированию конфликта интересов законодатель квалифицирует в качестве одного из тяжчайших коррупционных правонарушений, совершение которого карается «автоматическим» увольнением с военной службы в связи с утратой доверия³⁸ (подпункт «д¹» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»).

Следует отметить и то, что распространяющееся на военнослужащих определение конфликта интересов, установленное частью 1 статьи 10 Федерального закона № 273-ФЗ не учитывает особенностей военного законодательства, понимая под конфликтом интересов ситуацию, при которой личная заинтересованность влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им **должностных (служебных) обязанностей**, при том, что Федеральным законом «О статусе военнослужащих» служебные обязанности не предусмотрены, в то время, как помимо должностных (статья 27 указанного Закона), устанавливаются также **общие** (статья 26), **и специальные обязанности** (статья 27). Несомненно, что личная заинтересованность может повлиять на исполнение военнослужащим не только должностных, но и общих и специальных

---

³⁶ См. подробнее: Бараненкова И.В., «Гражданские» антикоррупционные стандарты военнослужащих (или как не стать «случайной жертвой» борьбы с коррупцией) // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2013. № 10; Бараненкова И.В. Требования к служебному поведению военнослужащих (или как не стать «случайной жертвой» борьбы с коррупцией) // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2013. № 11. С. 116 – 121.

³⁷ В соответствии с частью 3 обозначенной статьи под личной заинтересованностью гражданского служащего, которая влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения гражданским служащим при исполнении должностных обязанностей доходов (неосновательного обогащения) в денежной либо натуральной форме, доходов в виде материальной выгоды непосредственно для гражданского служащего, членов его семьи или лиц, указанных в пункте 5 части 1 статьи 16 Федерального закона № 79-ФЗ, а также для граждан или организаций, с которыми гражданский служащий связан финансовыми или иными обязательствами.

³⁸ См. подробнее, например: Костюк О.Н., Корякин В.М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия как последствие неурегулированного конфликта интересов на военной службе // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. № 2. С. 34-37.

обязанностей. По этой чисто формальной причине доказывание в суде квалификации такой ситуации в качестве конфликта интересов на практике становится весьма сложным, что может привести к нарушению принципа неотвратимости наказания за совершение коррупционных правонарушений в нарушение статьи 3 Федерального закона № 273-ФЗ.

Важно отметить и то, что Законом введена беспрецедентная ответственность командира (начальника) за непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, возникшего у подчиненного ему военнослужащего, в случае, если ему стало известно о возникновении такого конфликта. В соответствии с подпунктом «д²» пункта 1 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» такой командир (начальник) **подлежит** досрочному увольнению с военной службы «в связи с утратой доверия».

В то же время статьей 11 Федерального закона № 273-ФЗ прямо установлено, что принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, возникшего у подчиненного ему служащего обязан **«представитель нанимателя»** (т.е. командир воинской части).

На непосредственного начальника, которого обязан уведомить военнослужащий, статьей 11 Федерального закона № 273-ФЗ прямо **не возложены** ни обязанности по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, возникшего у подчиненного, ни обязанность по информированию представителя нанимателя о полученном от подчиненного уведомлении. В то же время согласно подпункту «д.2» пункта 1 статьи 51 Федерального закона № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, являющийся командиром (начальником), **подлежит увольнению** с военной службы в связи с утратой доверия в случае непринятия им мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, возникшего у подчиненного ему военнослужащего, после того как ему стало известно о возникновении такого конфликта.

Может ли быть установлена ответственность (в виде увольнения!) командира (начальника) за неисполнение обязанности, которая на него (пусть формально) не возложена? В результате на практике «военным правоприменителям» приходится «выкручиваться», ссылаясь на иные нормы, которые, пусть косвенно, но устанавливают общие и должностные обязанности командиров в этой сфере³⁹.

Разнообразие антикоррупционных норм, установленных различными нормативными правовыми актами, нередко на практике затрудняет и вопрос о возможности их применения в отношении военнослужащих.

Так, например, Правительством Российской Федерации принято постановление от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации»⁴⁰.

Но при этом пунктом 7 статьи 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁴¹ военнослужащему **запрещено «получать»** от физических и юридических лиц вознаграждения (**подарки**, денежные вознаграждения, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения), **связанные с исполнением обязанностей военной службы, за исключением ценных подарков** (в том числе именных) и денежных сумм, **которыми военнослужащие награждаются в порядке поощрения в**

---

³⁹ Бараненков В.В. Конфликт интересов в системе средств профилактики коррупции в воинской части // Электронное научное издание «Военное право». 2014. Выпуск № 1.

⁴⁰ О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации : постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 10 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 3, ст. 279.

⁴¹ О статусе военнослужащих : федер. Закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331.

соответствии с общевоинскими уставами». Каких-либо исключений в отношении подарков полученных военнослужащими «в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями» не предусмотрено.

У правоприменителя возникает вполне закономерный вопрос – распространяется ли данное постановление на военнослужащих⁴² или военнослужащий, принявший в соответствии с ним подарок, может быть уволен в соответствии с подпунктом «е.1» пункта 2 статьи 51 Федерального закона о воинской обязанности и военной службе»⁴³?

Вызывает множество вопросов на практике и порядок привлечения военнослужащих к ответственности за совершение коррупционных правонарушений⁴⁴.

Главной особенностью дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения стал принципиально иной порядок применения взысканий за коррупционные правонарушения, установленный внесенной в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» новой статьей 51.1⁴⁵, согласно которой взыскания, предусмотренные подпунктами «д.1» и «д.2» пункта 1 и подпунктом «е.1» пункта 2 статьи 51 Закона о воинской обязанности и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации о прохождении военной службы (далее – указанные взыскания), применяются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения военной службы, с учетом особенностей, определенных указанной статьей 51.1.

Изложенное позволяет сделать вывод, что при привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения следует руководствоваться не только указанной статьей 51.1 Закона о воинской обязанности, но и (в части, не урегулированной ею – федеральными законами «О статусе военнослужащих», «О материальной ответственности военнослужащих», Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации).

При этом из содержания данной нормы не совсем ясно, что законодатель понимает под коррупционными правонарушениями (перечень которых законодательством не определен), а также под взысканиями, предусмотренными «другими нормативными правовыми актами Российской Федерации о прохождении военной службы», что существенно затрудняет применение данной статьи на практике. Органам военного управления можно лишь рекомендовать при квалификации правонарушений в качестве коррупционных руководствоваться перечнями, установленными подпунктами «д.1» и «д.2» пункта 1 статьи 51 и подпунктом «е.1» пункта 2 Закона о воинской обязанности.

Важной особенностью применения взысканий за коррупционные правонарушения является то, что указанные взыскания применяются на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных

---

⁴² Бараненкова И.В. О некоторых проблемах применения в военных организациях Постановления Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 года № 10 // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 2.

⁴³ О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 13, ст. 1475.

⁴⁴ Бараненкова И.В., Миронов О.И. Особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах- Военно-правовое обозрение. 2012. № 8. С. 18 – 22.

⁴⁵ При этом само включение указанной статьи в Закон о воинской обязанности вызывает недоумение, так как она относится к предмету ведения Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22, ст. 2331), глава третья которого содержит нормы об обязанностях и ответственности военнослужащих, производстве по материалам о дисциплинарных проступках, совершенных военнослужащими.

правонарушений (а не заключения о результатах разбирательства проведенного назначенным для этого лицом).

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что при привлечении военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, *проведение разбирательства*, предусмотренного пунктом 1 статьи 28.8 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», не требуется, хотя на практике суды не всегда с этим соглашаются.

Указанные проблемы породили интенсивную дискуссию в военно-правовой науке о правовой природе ответственности за совершение коррупционных правонарушений (является ли она новым видом юридической ответственности или разновидностью дисциплинарной)⁴⁶.

Важно отметить и то, что согласно пункту 3 статьи 51.1 Закона о воинской обязанности, при применении указанных взысканий учитываются характер совершенного военнослужащим коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, соблюдение военнослужащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующие результаты исполнения военнослужащим своих должностных обязанностей.

При этом указанная норма не согласуется с положениями подпунктов «д.1» и «д.2» пункта 1 статьи 51 Закона о воинской обязанности, согласно которым военнослужащий «подлежит увольнению в связи с утратой доверия». Как можно «при применении указанных взысканий» учитывать «характер совершенного военнослужащим коррупционного правонарушения, его тяжесть» и т.п., если военнослужащий за его совершение «подлежит увольнению»? Как представляется, более корректным было бы включить указанные основания увольнения в пункт 2 статьи 51, согласно которому военнослужащий «может быть уволен».

Выход из создавшейся ситуации видится в кодификации антикоррупционного законодательства.

Создание Антикоррупционного кодекса Российской Федерации (АК России), как представляется, позволит в одном нормативном акте:

- 1) упорядочить терминологию;
- 2) однозначно определить перечень лиц, на которых распространяются антикоррупционные стандарты (упростив тем самым «громоздкие» формулировки антикоррупционных норм);
- 3) систематизировать и точно определить антикоррупционные обязанности, запреты, ограничения;
- 4) однозначно сформулировать нормы, определяющие сущность ключевых механизмов профилактики коррупции (устранив противоречивость определений, содержащихся в «базовом» Федеральном законе № 273-ФЗ и в «отраслевых» законах);
- 5) систематизировать порядок исчисления сроков;
- 6) точно определить порядок и особенности привлечения к ответственности за совершение коррупционных правонарушений (установив в соответствующих «отраслевых» законах о видах государственной (муниципальной) службы лишь отсылочные нормы);
- 7) оперативно вносить изменения в антикоррупционное законодательство, не допуская при этом его хаотическое усложнение.

Главным же, пожалуй, результатом такой кодификации станет то, что антикоррупционное законодательство станет, наконец, более понятным, упорядоченным, однозначным, а в результате – более эффективным.

Список литературы:

---

⁴⁶ См, например: Корякин В.М. О порядке применения к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. № 5.

1. Антипин Л.Н., Миронов О.И., Нэх В.Ф. Организационно-правовые меры профилактики коррупции в российской армии: исторический опыт и перспективы совершенствования // Электронное научное издание «Военное право». 2011 г., Выпуск № 3;
2. Бараненкова И.В. Федеральный закон «О противодействии коррупции» как системообразующий нормативный акт в сфере профилактики коррупции военнослужащих // Электронное научное издание «Военное право». 2013. Выпуск № 3;
3. Бараненкова И.В., «Гражданские» антикоррупционные стандарты военнослужащих (или как не стать «случайной жертвой» борьбы с коррупцией) // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2013. № 10;
4. Бараненкова И.В. Требования к служебному поведению военнослужащих (или как не стать «случайной жертвой» борьбы с коррупцией) // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2013. № 11. С. 116 – 121.
5. Бараненков В.В. Конфликт интересов в системе средств профилактики коррупции в воинской части // Электронное научное издание «Военное право». 2014. Выпуск № 1.
6. Бараненкова И.В. О некоторых проблемах применения в военных организациях Постановления Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 года № 10 // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 2.
7. Бараненкова И.В., Миронов О.И. Особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах- Военно-правовое обозрение. 2012. № 8. С. 18 – 22.
8. Зайков Д.Е. Противодействие коррупции: правила новые, проблемы старые?! // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 1. С. 2-9.;
9. Зайков Д.Е. Противодействие коррупции: несовершенство правового регулирования и правоприменительной практики // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 2;
10. Зайков Д.Е. Недостатки правового регулирования противодействия коррупции в сфере трудовых отношений // Законодательство. 2014. № 5.
11. Зайков Д.Е. Законность и обоснованность распространения на работников военных организаций ограничений, запретов и обязанностей, установленных для федеральных государственных гражданских служащих, под вопросом // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 7. С. 102-107;
12. Корякин В.М. О порядке применения к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. № 5;
13. Костюк О.Н., Корякин В.М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия как последствие неурегулированного конфликта интересов на военной службе // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. № 2. С. 34-37.
14. Кудашкин А.В. Подарок или взятка: вот в чем вопрос?! (вопросы квалификации при совершении военнослужащими коррупционных правонарушений) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2010. № 3;
15. Миронов О.И. Обязанности военнослужащих о представлении сведений о расходах как инструмент профилактики коррупции в военных организациях // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2013. № 11. С. 5 – 10.
16. Туганов Ю.Н. Антикоррупционная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации: правовой аспект: Сб. докл. VII Всерос. научно-практ. конф. «Россия-Китай: проблемы обеспечения национальной и международной безопасности». – Чита, ЧитГУ, 2009.

The list of the used literature

- Antipin, L.N., Mironov O. I., Neh V.F. The legal prevention of corruption in the Russian army: historical experience and prospects for improvement // Electronic scientific edition "Military law". 2011, Issue No. 3.
- Baranenkov V.V. The Conflict of interests in the system of prevention of corruption in the military unit // Electronic scientific edition "Military law". 2014. Issue No. 1.

Baranenkova I.V. About some problems of application in military organizations of the decree of the Government of the Russian Federation dated 9 January 2014 No. 10 // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2014. No. 2.

Baranenkova I.V., Mironov O.I. The features of disciplinary liability of servicemen for corruption // The law in the Armed Forces - the Military law review, No. 8, 2012. P. 18 - 22.

Baranenkova I.V. Federal law "On combating corruption" as a backbone legislative act in the sphere of prevention of corruption servicemen // Electronic scientific edition "Military law". 2013. Issue No. 3.

Baranenkova I.V. Civil anti-corruption standards servicemen (or how not to become "accidental victim of the fight against corruption) // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2013. No. 10.

Baranenkova I.V. The Requirements for official conduct of military personnel (or how not to become "accidental victim of the fight against corruption) // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2013. No. 11. P. 116 - 121.

Zaykov D.E. The Deficiencies of the legal regulation of anti-corruption in the sphere of labour relations // Legislation. 2014. No. 5.

Zaykov D.E. The Legality and validity of the distribution to employees of the military restrictions, prohibitions and obligations established for Federal civil servants, under the question // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2013. No. 7. P. 102-107.

Zaykov D.E. Combating corruption: new rules, old problems?! // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2014. No. 1. P. 2-9.

Zaykov D.E. Combating corruption: the imperfection of the legal regulation and law enforcement practice // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2014. No. 2.

Koryakin V.M. On the use of military personnel of the penalties for corruption // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2012. No. 5.

Kostyuk O.N., Koryakin V.M. Dismissal from military service in connection with the loss of trust as a consequence of an unresolved conflict of interests military service // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2012. No. 2. P. 34-37.

Kudashkin A.V. Gift or bribe: that is the question?! (issues of qualification when making soldiers of corruption offences) // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2010. No. 3.

Mironov O.I. Duties of servicemen of the information about the expenses as a tool for prevention of corruption in the military organizations // The law in the Armed Forces - the Military law review. 2013. No. 11. P. 5 - 10.

Tuganov Y.N. Anti-corruption activities in the Armed Forces of the Russian Federation: legal aspect: VII scientific-practical conferences "Russia-China: problems of ensuring national and international security". – Chita, 2009.

Шокот И.Ю., юрист, shokot88@yandex.ru

Shokot I.Y. lawyer, shokot88@yandex.ru

Некоторые аспекты профилактики коррупции на военной службе⁴⁷

В статье рассматривается понятие коррупционного риска, методика выявления коррупционных рисков, понятие антикоррупционного профилактического воздействия, а также совокупность мер профилактики коррупции на военной службе.

Ключевые слова: предупреждение коррупции, коррупциогенные факторы, коррупционный риск, методика выявления коррупционных рисков, антикоррупционное профилактическое воздействие, система мер профилактики коррупции.

Some aspects of the prevention of corruption in the military

The article discusses the of corruption risk, method to identify corruption risks, the definition of anti-corruption preventive effect, and a system of measures to prevent corruption in the military.

Key words: prevention of corruption, corruption factors, corruption risk, method to identify corruption risks, anti-corruption preventive effect, system of measures to prevent corruption.

По данным Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в последние годы количество преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, неуклонно растет. По сравнению с 2007 годом к 2013 году их удельный вес в структуре преступности вырос более чем в 2 раза. Особую обеспокоенность вызывает рост в 2,5 раза количества зарегистрированных фактов взяточничества⁴⁸.

В этой связи особую актуальность приобретает один из основных принципов противодействия коррупции – принцип приоритетного применения мер по предупреждению коррупции, предусмотренный статьей 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁴⁹.

Статьей 6 названного федерального закона дается перечень основных мер профилактики коррупции. Вместе с тем представляется, что определенные законодателем меры являются основополагающими для всех органов государственной власти, но при этом носят общий и отправной характер в организации работы по профилактике коррупции на ведомственном уровне в различных подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

В этой связи, думается, что в каждой сфере деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, организация работы по профилактике коррупции должна строиться путем определения коррупционных рисков и устранения их коррупциогенных факторов (причин и условий), способствующих совершению коррупционных правонарушений.

Учитывая изложенное, видится необходимым более подробно рассмотреть сам термин «коррупционные риски», который ранее уже был исследован различными учеными.

Так, например, В.В. Астанин рассматривает коррупционные риски, как вероятность возникновения коррупционного поведения, которое может быть вызвано: несоблюдением

---

⁴⁷ Рецензент: д.ю.н., профессор Бараненков В.В.

⁴⁸ Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности растет с каждым годом // Официальный сайт Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации / [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://gvsu.gov.ru/?p=2338> (дата обращения: 26.09.2014).

⁴⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. - № 52 (часть 1), ст. 6228

обязанностей, запретов и ограничений, установленных для государственных служащих в связи с прохождением государственной службы; реализацией полномочий при осуществлении профессиональной деятельности государственного служащего⁵⁰. Схожую точку зрения высказывает В.М. Корякин, понимая под коррупционным риском вероятность совершения лицом, замещающим соответствующую должность, коррупционных правонарушений, связанных с его должностным положением, и размеры возможного причинения в связи с этим вреда личности, обществу и государству⁵¹.

Из приведенной терминологии следует, что коррупционные риски это «вероятность» совершения коррупционного правонарушения, которая появляется в результате замещения лицом должности и осуществления профессиональной деятельности. Перефразировав данные определения можно сказать, что коррупционный риск – это риск совершения коррупционного правонарушения. Вместе с тем, такое понимание представляется не совсем точным, так как совершение должностным лицом коррупционного правонарушения возможно при наличии необходимых для этого конкретных обстоятельств с возможностью собственного усмотрения, возникающих при осуществлении им профессиональной деятельности, в условиях которых принимается решение о совершении коррупционного действия. В этой связи, автор придерживается позиции, в соответствии с которой коррупционные риски заключаются не в «вероятности» возникновения коррупционного поведения, а в условиях, характерных для специфики определенного вида деятельности, которые как раз и создают такую «вероятность» совершения коррупционного правонарушения.

Несколько иное по смыслу понятие дает Н.А. Пленкин, понимая под коррупционными рисками явления и факторы, возникающие в процессе осуществления должностными лицами своих полномочий, способствующие совершению коррупционных правонарушений⁵². Схожее определение дают К.М. Ташина и И.Н. Пустовалова, которые под коррупционными рисками понимают условия и обстоятельства, мотивирующие и открывающие возможность вступления в коррупционные отношения⁵³.

В данных определениях прослеживается зависимость принятия коррупционного решения от явлений, факторов, условий и обстоятельств, то есть особенностей служебной деятельности должностного лица, которые и будут являться коррупционными рисками.

По мнению автора, суть коррупционного риска заключается в том, что это определенные условия, в которых должностное лицо на свое собственное усмотрение принимает решение о совершении (неблагоприятное последствие) либо не совершении (благоприятные последствия) коррупционного правонарушения.

Следует отметить, что коррупционные риски могут возникнуть как при исполнении должностным лицом своих прямых обязанностей, так и в отдельности от них, но при этом могут повлиять на качество их исполнения (к примеру, при возникновении конфликта интересов). Кроме того, не стоит также забывать о вынужденной коррупции, под которой автор понимает ситуацию, при которой в случае отказа должностного лица от коррупционного «вознаграждения» и исполнения «услуги», появляется угроза его жизни, здоровью, либо членов его семьи и близких, либо иная угроза. В этой связи деятельность по профилактике коррупции осуществляет также защитную функцию.

---

⁵⁰ Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. - М, 2009.

⁵¹ Корякин В.М. Должны ли подвергаться учету и контролю доходы лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, замещающих должности с коррупционными рисками? // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 8. – С. 89-91.

⁵² Пленкин Н.А. Некоторые вопросы противодействия коррупции в сфере исполнения пограничными органами государственной функции по обеспечению охраны водных биологических ресурсов // Электронное научное издание «Военное право» 2013г., Выпуск № 1. - С. 4. [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/5008> (дата обращения: 14.12.2013).

⁵³ Ташина К.М., Пустовалова И.Н. К вопросу о понятии коррупционных рисков // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 4. – С. 212-213.

Учитывая изложенное, под коррупционными рисками в деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба следует понимать характерные для специфики деятельности их подразделений особенности, в условиях которых у должностных лиц появляется возможность совершения коррупционных правонарушений.

В этой связи, думается, что работа по профилактике коррупции в своей совокупности должна представлять собой комплекс мер, состоящий из мер **организационно-правового и воспитательного характера** и мер прямого **антикоррупционного профилактического воздействия** на деятельность должностных лиц. При этом, первые должны быть направлены на общую профилактику коррупции, а вторые должны подразумевать под собой меры превентивного характера, воздействующие на конкретные ситуации с коррупционными рисками, сами коррупционные риски и коррупциогенные факторы.

Следует отметить, что практически невозможно определить все возможные ситуации с коррупционными рисками и характерные для них коррупциогенные факторы, однако для каждого вида деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, существуют наиболее типичные, которые зависят от различных особенностей деятельности.

В этой связи, представляется целесообразным применять методику выявления коррупционных рисков в деятельности различных соединений, частей и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, которая сможет позволить всестороннее комплексно проанализировать их деятельность на предмет коррупционных возможностей.

2 ноября 2012 года в ходе международного семинара «Разработка и внедрение карт коррупционных рисков: международный опыт и перспективы России», который состоялся в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, представителем Высшей школы экономики А.В. Коновым были озвучены возможные подходы к методологии разработки карт коррупционных рисков.

На основе данных подходов автором разработана методика выявления коррупционных рисков в подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, на примере подразделений, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность по раскрытию и расследованию преступлений и административно-процессуальную деятельность.

Так, представляется, что работа по выявлению коррупционных рисков должна состоять из следующих двух этапов, которые включают в себя подэтапы:

1. Анализ функций подразделения и выявление сфер подверженных коррупционным рискам.

- анализ функций подразделения с учетом специфики региона и с привязкой к практической деятельности подразделения;

- анализ полномочий должностных лиц и выделение отдельных полномочий, при выполнении которых существует вероятность возникновения коррупционных проявлений или действий и выявление скрытых потенциальных возможностей, присущих должностям;

- анализ вопросов взаимодействия подразделения, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность и административно-процессуальную деятельность, с другими государственными органами, организациями и гражданами с учетом специфики региона и с привязкой к практической деятельности подразделения;

- определение потенциально коррупциогенных сфер деятельности подразделения.

2. Выявление коррупционных рисков.

- все функции, выполняемые подразделением представляются в виде действующих процессов и раскладываются на составные элементы этих процессов;

- среди данных элементов выделяются критические точки – элементы, в которых наиболее вероятно возникновение фактов коррупции (это делается посредством проведения социологических анонимных опросов, анализа статистики правонарушений и преступлений;

анализа статистики и практики работы аттестационных комиссий, в части касающейся соблюдения требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов должностных лиц данных подразделений, в том числе и других регионов; анализ выносимых актов прокурорского реагирования в отношении деятельности должностных лиц подразделений, осуществляющих уголовно-процессуальную и административно-процессуальную деятельности и т.д.);

- для каждой критической точки составляется описание существующих и (или) возможных коррупционных схем (необходимо определить возможные варианты коррупционных ситуаций, а также какими «услугами» «торгуют», кто заказчик и исполнитель таких «услуг», кем и каким образом производится оплата, причины и условия, способствующие возникновению такой ситуации);

- применительно к каждой коррупционной ситуации и схеме определяется роль должностных лиц различного уровня (от исполнителей до руководителей);

- выделение всех коррупционных рисков и возможных коррупционных ситуаций, а также коррупциогенных факторов для них характерных в деятельности подразделения и их систематизация.

При этом, такое выявление и систематизация возможных коррупционных ситуаций, коррупционных рисков и коррупциогенных факторов должно быть построено в форме непрерывного мониторинга работы подразделений, осуществляющих уголовно-процессуальную и административно-процессуальную деятельности. Кроме того, в процесс выявления должны вовлекаться непосредственно сами сотрудники подразделения, имеющие интерес и инициативу к этому, что позволит: во-первых, наиболее полно отразить картину существующих проблем; во-вторых, должностные лица **осознанно** участвуют в работе по профилактике коррупции, что выполняет воспитательную функцию и формирует понимание о том, что ведется активная превентивная работа в этом направлении, тем самым создает психологический барьер для вступления в коррупционные отношения.

Для реализации мер организационно-правового и воспитательного характера в первую очередь представляется необходимым внедрить в практику деятельности различных соединений, частей и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, обязанность руководителей данных подразделений по составлению плана мероприятий по предупреждению коррупции в подразделении с возложением на данного руководителя ответственности за выполнение мероприятий предусмотренных данным планом.

Представляется, что принципиально важное значение для предупреждения коррупции в рассматриваемых подразделениях имеет необходимость включения в данный план по профилактике коррупции работы по выявлению в ходе проверок сообщений о преступлениях, производства по уголовным делам и делам об административных правонарушениях возможных ситуаций с коррупционными рисками на основе описанной выше методики и моделированием конкретных примеров.

Кроме того, в план предупреждения коррупции необходимо включить мероприятия информационного и воспитательного характера по разъяснению военнослужащим требований антикоррупционного законодательства, требований к служебному поведению, а также порядка предотвращения и урегулирования конфликта интересов, порядка заполнения справок о доходах, расходах, имуществе и об обязательствах имущественного характера.

Так например, к таким мероприятия следует отнести:

- ознакомление сотрудников с ограничениями, запретами и требованиями о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, а также обязанностями, установленными законодательством;

- доведение до сотрудников ситуаций по урегулированию конфликта интересов, обеспечению соблюдения ограничений, запретов и принципов служебного поведения в связи с исполнением ими должностных обязанностей, а также об ответственности за их нарушения;

- проведение контроля знаний требований антикоррупционного законодательства должностными лицами подразделений дознания и административной практики пограничных органов;

- проведение разъяснительной работы о недопустимости использования военнослужащими подразделения дознания и административной практики пограничных органов своих прав и полномочий в корыстных целях и об обязанности уведомлять руководителя обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений и др.

Как справедливо отмечает И.В. Бараненкова, к работе по профилактике коррупции должны привлекаться офицерские собрания (например, при рассмотрении фактов нарушения военнослужащим кодекса этики, допущения коррупционных проявлений, не являющихся правонарушениями), ветеранские организации (к участию в аттестационной комиссии, а также к проведению мероприятий воспитательного характера), иные общественные организации (например, при проведении мероприятий правового просвещения)⁵⁴.

Кроме того необходимо отметить, что профилактика коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, должна состоять также из мер прямого антикоррупционного профилактического воздействия на деятельность должностных лиц данных подразделений. В этой связи, в первую очередь необходимо определить, что следует понимать под антикоррупционным профилактическим воздействием⁵⁵.

По мнению автора, целью антикоррупционного профилактического воздействия является создание условий, при которых совершить коррупционное правонарушение станет невозможно, либо риск его совершения будет сведен к минимуму. Понятие антикоррупционного профилактического воздействия подразумевает содержание в себе нескольких элементов, на которых оно базируется. Во-первых, это наличие информации о возможных ситуациях с коррупционными рисками и их коррупциогенных факторах (причинах и условиях) в деятельности подразделений. Во-вторых, целенаправленное воздействие на ситуации с коррупционными рисками и коррупциогенные факторы посредством применения в отношении них мер профилактического характера. В третьих, непосредственно комплекс мер превентивного характера, которые направлены на коррупционные риски и их коррупциогенные факторы. Причем одни из таких мер могут выполнять профилактическую функцию в отношении сразу нескольких коррупционных рисков, а другие могут быть направлены на профилактику одного конкретного коррупционного риска.

Таким образом, под антикоррупционным профилактическим воздействием следует понимать применение комплекса превентивных мер в отношении ситуаций с коррупционными рисками, коррупционных рисков и их коррупциогенных факторов (причин и условий) в конкретном виде деятельности, в целях создания условий, при которых совершение коррупционных правонарушений станет невозможным, либо риск их совершения будет сведен к минимуму.

Библиографический список:

1. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. - М, 2009.
2. Корякин В.М. Должны ли подвергаться учету и контролю доходы лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, замещающих должности с коррупционными рисками? // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 8. – С. 89-91.

---

⁵⁴ Бараненкова И.В. Федеральный закон «О противодействии коррупции» как системообразующий нормативный акт в сфере профилактики коррупции военнослужащих «Военное право». 2013. Выпуск № 3.

⁵⁵ Данный термин впервые сформулирован и вводится в научный оборот автором настоящей статьи.

3. Пленкин Н.А. Некоторые вопросы противодействия коррупции в сфере исполнения пограничными органами государственной функции по обеспечению охраны водных биологических ресурсов // Электронное научное издание «Военное право» 2013г., Выпуск № 1. - С. 4. [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/5008> (дата обращения: 14.12.2013).

4. Ташина К.М., Пустовалова И.Н. К вопросу о понятии коррупционных рисков // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 4. – С. 212-213.

5. Бараненкова И.В. Федеральный закон «О противодействии коррупции» как системообразующий нормативный акт в сфере профилактики коррупции военнослужащих «Военное право». 2013. Выпуск № 3.

Bibliography:

1. Astanin B.B. Anti-corruption policy in Russia: criminological aspects. - M., 2009.

2. Koryakin V.M. Should be subject to accounting and control of revenues civilian personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, replace the post with corruption risks? // Law in the Armed Forces. - 2010. - № 8.

3. Plenkin N.A. Some issues of combating corruption in the performance of border authorities of the state function to ensure the safety of water biological resources // Electronic scientific publication «Military law». 2013, Issue 1.

4. Tashina K.M., Pustovalova I.N. On the concept of corruption risks // successes of modern science. - 2012. - № 4.

5. Baranenkova I.V. The Federal Law «On combating corruption» as a backbone normative act in the sphere of servicemen`s corruption prevention // Electronic scientific publication «Military law». 2013, Issue 3.

Погорелов С.А. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, подполковник юстиции, sapog200877@mail.ru

Реализация мер поощрения военнослужащих в годы Великой Отечественной войны.

Incentives Realization of the Military during the Great Patriotic War

В статье исследуются вопросы реализации мер поощрения военнослужащих в период Великой Отечественной войны, предусмотренные Дисциплинарными уставами Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского флота Союза ССР. Подробно раскрываются изменения в практике правоприменения каждого вида поощрений, в целях приспособления к решению задач по обеспечению военной защиты государства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военное положение, воинская дисциплина, Дисциплинарный устав, дисциплинарные правоотношения, военнослужащие, награды, поощрения, стимулы.

The article investigates the problems of the incentive measures of the military, provided by the Disciplinary Regulations of Workers and Peasants of the Red Army and Navy of the Soviet Union during the Great Patriotic War. The changes in the enforcement practice of every type of incentives are revealed in detail in order to adapt to the challenges of ensuring military protection of the State.

Keywords: the Great Patriotic War, martial law, military discipline, Disciplinary Regulations, disciplinary legal relations, the military, awards, rewards, incentives.

В регулировании дисциплинарных отношений военнослужащих в период Великой Отечественной войны важное место занимал институт поощрения, применяемый согласно Дисциплинарного устава Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1940 года⁵⁶ и Дисциплинарного устава Военно-Морского флота 1940 года⁵⁷ «в отношении всех военнослужащих, которые добросовестно и старательно относятся к служебным обязанностям, проявляют заботу о сбережении оружия и имущества, оказывают особые успехи в боевой и политической подготовке».

Вышеуказанными Дисциплинарными уставами были установлены следующие виды поощрений военнослужащих: личная благодарность; благодарность перед строем; благодарность в приказе; разрешение на увольнение из расположения части в свободное от занятий время до 1 суток (для рядового и младшего начальствующего состава действительной службы РККА), для моряков – внеочередное увольнение на берег с корабля (из расположения части) до 3 очередей; награждение ценным подарком; выдача денежного вознаграждения; награждение нагрудными знаками и жетонами, присвоение званий младшего начальствующего состава; досрочное присвоение очередного воинского звания; назначение на высшую должность в порядке досрочной аттестации.

Отдельными статьями в ДУ-40 РККА и ВМФ было закреплено право всех лиц начальствующего состава представлять особо отличившихся военнослужащих к награждению орденами и медалями СССР.

В соответствии с «Положением о прохождении службы младшим начальствующим составом РККА» от 1 ноября 1940 года⁵⁸ в виде поощрения за отличную службу лицам младшего

---

⁵⁶ Дисциплинарный устав Красной Армии. М.: Воениздат, 1941. 32 с. (далее ДУ-40 РККА).

⁵⁷ Дисциплинарный устав Военно-Морского Флота Союза ССР. М.; Л.: Военмориздат, 1941. 64 с. (далее ДУ-40 ВМФ).

⁵⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 1937–21 июня 1941 г. Т. 13 (2-1). М.: ТЕРРА, 1994. С. 188-191.

начальствующего состава третьего года действительной службы разрешалось предоставлять краткосрочный отпуск до десяти дней (не считая времени на проезд к месту отпуска и обратно).

Особым видом поощрения являлось снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания. В статье 54 ДУ-40 РККА было определено, что оно осуществляется только тем начальником, которым было наложено это взыскание. Статья 47 ДУ-40 ВМФ устанавливала, что данный вид поощрения могли применять начальники от командира взвода и выше, но не ранее, чем по истечении трех месяцев со дня исполнения наказания, при условии «когда военнослужащие показывали свое исправление последующей примерной службой». В то же время непосредственный начальник, следуя принципу субординации, не имел права снимать те дисциплинарные взыскания, которые были наложены на подчиненного вышестоящим начальником.

Дисциплинарные права командиров (начальников) по применению поощрений и наград были определены главой IX ДУ-40 РККА, статьями 50-56 ДУ-40 ВМФ и применялись как в мирное, так и в военное время. Дисциплинарными уставами было определено, что поощрения и награды применяются всеми начальниками по отношению к тем военнослужащим, которые подчинены им по службе постоянно или временно, а также было определено, что старшие начальники в отношении поощрений и наград пользуются всем объемом прав, предоставленных нижестоящим начальникам.

Исследование практики применения поощрений военнослужащих в условиях военного времени автор считает целесообразным производить в порядке перечисления мер поощрения в Дисциплинарных уставах 1940 года, действующих весь период Великой Отечественной войны.

Благодарность в годы войны продолжала оставаться одним из самых массовых видов поощрения военнослужащих. При этом получила широкое применение практика массового объявления благодарности всему личному составу подразделения, воинской части (корабля) или соединения без указания конкретных фамилий за выполнение какой-либо боевой задачи, (освобождение города, форсирование реки и т.п.).

Применение данного вида поощрения не влияло на правовой статус поощряемого и не отрицало награждения данного военнослужащего за совершение подвигов и героических поступков орденами и медалями СССР.

Объявление благодарности всему личному составу подразделения (корабля), воинской части, соединения и т.п., иногда сопровождалось дополнительными видами признания заслуг – присвоением воинской части почетного наименования, производство салюта и т.п.⁵⁹

В случаях массового объявления благодарности всему личному составу корабля, воинской части или соединения в приказе Верховного главнокомандующего или других высших должностных лиц, бланк благодарности, как правило, оформлялся на каждого военнослужащего в штабе воинской части, иногда выдавалась справка о полученном поощрении.

В годы войны был широко распространен один из видов благодарности – грамота. О массовом ее применении свидетельствует факт, когда перед наступлением на Берлин в действующей армии 130 тысяч человек были награждены грамотами Верховного главнокомандующего с благодарностью за участие в боях за освобождение и взятие ряда городов⁶⁰.

Командирами и политработниками подразделений и частей, в большом количестве применялась еще одна разновидность благодарности – благодарственное или похвальное письмо, которое, как правило, пересылалось полевой почтой по месту призыва военнослужащего. По мнению Н.В. Бородин, с которым трудно не согласиться, такие письма оказывали мощное стимулирующее воздействие как на самих награжденных, так и на их товарищей, родственников и близких⁶¹.

---

⁵⁹ Приказы Верховного главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. 598 с.

⁶⁰ Смыслов О.С. Символы отваги и мужества. Армейский сборник, 1996. №5 С. 86-88.

⁶¹ Бородин Н.В. Укрепление воинской дисциплины в Отечественной армии (исторический опыт). М.: Изд-во Военного университета, 2000, С. 144.

Практика применения такого вида поощрения как внеочередное увольнение из расположения части (на берег с корабля) в годы войны, по объективным причинам военного времени, претерпела изменение в сторону значительного сокращения количества увольнений как таковых. Определенный интерес в рассмотрении данного вопроса вызывает опыт Военно-Морского флота. Народным комиссаром ВМФ 23 декабря 1941 года для военных советов действующих флотов была направлена Директива № 85 «О наведении порядка и поддержании дисциплины в портах и базах флота», следующего содержания: «Опыт войны показал, что для обеспечения высокой боеспособности фронта, боевых кораблей и частей необходимо более твердо и продуманно устанавливать в портах, базах, авиагарнизонах и тылах четкий и строгий порядок и поддерживать высокий уровень дисциплины. Без этого невозможно успешно бороться со шпионской и диверсионной работой противника, с дезертирством и разложением малоустойчивых элементов из среды личного состава флота и гражданского населения тыла». В связи с изложенным Нарком ВМФ приказал: «установить самый строгий режим увольнения из части, совершенно запретить выход из части, корабля без увольнительной или командировочного (предписания)..., за нарушение строго взыскивать не только с задержанных, но и с их командиров и военкомов»⁶².

Другим примером конкретизации порядка и правил предоставления увольнений в условиях военного положения может служить изданный в мае 1942 года приказ Командующего Черноморским флотом № 0126⁶³. Он запрещал военнослужащим увольнения на берег с ночевкой, запрещал увольнения личного состава кораблей, находящихся на боевом дежурстве. Для остальных устанавливались определенные дни и часы увольнений – по субботам с 17 до 22 часов, в воскресенье с 14 до 22 часов. При этом разрешалось одновременно увольнять на более 10% военнослужащих по призыву и до 25% сверхсрочников и командно-начальствующего состава. Согласно Дисциплинарного устава ВМФ 1940 года право увольнять вне очереди из расположения воинской части (на берег) принадлежало любому лицу командно-начальствующего состава от командира взвода и выше. Однако, в военное время единственной инстанцией при разрешении вопроса об увольнении военнослужащих всегда был командир воинской части (корабля).

В качестве поощрения следует рассматривать реализацию права военнослужащих действующей армии на отдых. Решение данного вопроса, как и большинство других в военное время, происходило централизовано. Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 9 октября 1942 г. № 994236⁶⁴ для личного состава частей и соединений действующей армии был установлен краткосрочный отдых: для рядового состава – 6 дней, для младшего, среднего, старшего и высшего начсостава – 8 дней. Отдых предоставлялся: один раз в году всему личному составу, прослужившему в боевых частях не менее 10 месяцев и непосредственно участвовавшему в боях; личному составу, нуждавшемуся в отдыхе в результате переутомления, независимо от срока службы и военнослужащим, отличившимся в процессе боевых действий, – в порядке поощрения, также независимо от срока службы.

Право предоставления краткосрочного отдыха предоставлялось только командирам частей и соединений. При этом Ставка разрешала предоставление краткосрочного отдыха без ущерба боевым действиям, для чего должна быть установлена очередь для отпускаемых на отдых. При этом в каждом подразделении одновременно могло быть в отпуске не свыше 3% наличного состава. Высший командный состав разрешалось отпускать по персональному указанию вышестоящего командования. Отдых организовывался в специальных домах отдыха с усиленным питанием: для рядового состава – в дивизионном (бригадном) тылу; для младшего, среднего и старшего начсостава – в армейском тылу; для высшего начсостава – во фронтовом тылу.

Поощрение увольнением или краткосрочным отдыхом применялись во время войны в каждом случае сугубо индивидуально и зависело от множества факторов, например, таких как

---

⁶² Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации (Далее – «ЦВМА») Ф. 216 Д. 12517. Л. 288-289.

⁶³ ЦВМА Ф. 1087 Оп. 5 Ед. хр. 1640 С. 161-163.

⁶⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). М.: ТЕРРА, 1996. С. 420-421.

близость фронта, нахождение судна на боевом дежурстве или на ремонте, морально-деловые качества военнослужащего, субъективное отношение начальствующего состава и др. Объявление военнослужащему внеочередного увольнения из расположения воинской части (с корабля на берег) или награждение краткосрочным отдыхом в условиях военного времени стало более эффективным стимулом добросовестного выполнения обязанностей военной службы, чем было до войны.

Рассматривая поощрение деньгами, необходимо отметить, что во время Великой Отечественной войны государство разрабатывало, внедряло и активно использовало материальное стимулирование боевой деятельности расчетов орудий, экипажей самолетов, танков, кораблей и т.п., а также отдельных военнослужащих. С первых месяцев войны государственным руководством стали приниматься решения по конкретной денежной оценке заслуг военнослужащих за урон, нанесенный врагу.

Например, приказом Наркома обороны от 19 августа 1941 г. № 0299 «О порядке награждения летного состава Военно-воздушных сил Красной Армии за хорошую боевую работу и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных летчиков», в целях «поощрения боевой работы летного состава Военно-воздушных сил Красной Армии, отличившегося при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом», было конкретно определено по всем видам авиации – кто, за что и какую сумму получает в качестве денежного вознаграждения. Так, летчику-истребителю за каждый сбитый в воздушном бою самолет противника выплачивали 1000 рублей. За выполнение пяти боевых вылетов на уничтожение войск противника летчик-истребитель получал денежную награду в 1500 рублей, за 15 боевых вылетов он представлялся к правительственной награде и кроме того получал 2000 рублей, а за 40 боевых вылетов – 5000 рублей и звание Героя Советского Союза. Аналогичные принципы поощрения приказом НКО от 19 августа 1941 г. № 0299 были установлены для экипажей самолетов бомбардировочной авиации. Кроме непосредственного выполнения летных заданий данным приказом предусматривалось поощрение летного и технического состава за сбережение материальной части и безаварийность. Так, летчики, независимо от стажа и командной категории, за каждые 100 полетов «без всяких летных происшествий», получали награду 5000 рублей. Технический состав, обслуживающий самолеты, за 100 успешных самолетов-вылетов получал денежную награду в размере 3000 рублей, а руководящий инженерный состав получал 25 % денежной награды от общей суммы премирования технического состава части. За быстрый и качественный восстановительный ремонт самолетов личный состав походных авиаремонтных мастерских премировался в размере 500 рублей за каждый восстановленный самолет, а за восстановление свыше 50 самолетов помимо денежной награды представлялся к правительственной награде⁶⁵.

На Краснознаменном Балтийском флоте приказом командующего от 13 мая 1942 г. № 0171 была введена в действие «Инструкция о премировании военнослужащих и лиц гражданского населения за обнаружение плавающих или выброшенных на берег торпед, мин, тралов и противолодочных сетей», в соответствии с которой краснофлотец обнаруживший торпеду, мину или противолодочную сеть получал премию в 50 рублей. Командирам кораблей, частей и учреждений выделялись определенные денежные суммы для премирования подчиненных за уничтожение плавающих или выброшенных мин на берег: за уничтожение 10 мин – 500 рублей, 20 мин – 1500 рублей, 30 мин и более – 2000 рублей. Начальнику и командирам соответствующих подразделений занимающихся разоружением новых образцов мин и торпед противника для премирования личного состава отряда или команды за разоружение новых образцов мин и торпед выделялось за разоружение только одной торпеды мины – 5000 рублей⁶⁶.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 31 мая 1943 г. были установлены денежные награды личному составу ВМФ за потопление кораблей противника. Размеры денежных наград составляли для экипажа, потопившего линейный корабль противника: командиру корабля –

---

⁶⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. - 1942 г. Т. 13 (2-2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 66-69.

⁶⁶ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 16 Ед. Хр. 2 Л. 224 – 228.

25000 рублей, среднему и старшему комсоставу – по 5000 рублей, младшему комсоставу – по 1000 рублей, краснофлотцам – по 500 рублей каждому. В тех случаях, когда в потоплении корабля принимало участие несколько экипажей, то денежная награда распределялась между ними решением военного совета флота (флотилии)⁶⁷.

Аналогичным образом осуществлялось материальное стимулирование в сухопутных войсках Красной армии. Денежных премий удостоивались военнослужащие за уничтожение самолетов, танков, самоходной артиллерии и другой боевой техники противника. Например, на основании приказа Наркома Оборона от 24 июня 1943 г. № 0387 «О поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника»⁶⁸ военнослужащий, уничтоживший гранатой или бутылкой с зажигательной смесью танк противника, получал в качестве денежной награды 1000 руб. Если в уничтожении вражеского танка участвовала группа «бойцов-истребителей танков», то сумму премии поднималась до 1500 рублей и выплачивалась всем участникам группы равными долями.

Кроме указанных примеров денежных наград на флоте практиковалось премирование целых воинских коллективов и их руководителей (других особо отличившихся должностных лиц) за победу в социалистическом соревновании, за перевыполнение плана, за сбор металлолома, досрочное выполнение ремонтно-восстановительных работ материальной части флота, за рационализаторство и т.п. При этом премирование могло быть индивидуальным, с указанием конкретных фамилий, а могло быть в виде выделения определенной суммы для премирования наиболее отличившихся членов воинского коллектива, по усмотрению руководства воинской части, корабля, организации. Подобная практика существовала и в Красной Армии.

В годы Великой Отечественной войны получило широкое распространение поощрение отличившихся военнослужащих ценными подарками, имеющими практическое назначение, например наручными часами, фотоаппаратами, ручками, портсигарами и т.п. В виде подарков вручались также теплые вещи, обувь, продовольственные наборы. Зачастую источником происхождения этих подарков являлись пожертвования граждан, помощь фронту от различных тыловых организаций и учреждений. Подарки на фронт от граждан и организаций поступали столь массово, что Наркомату обороны для приема подарков, комплектования индивидуальных посылок и отправления подарков по назначению пришлось создать целую систему баз при окружных и фронтовых (армейских) продовольственных складах. Вопрос подарков фронту решался на уровне Государственного Комитета Оборона, который издал постановление от 18 мая 1942 г. № ГОКО-1768с «Об улучшении организации доставки по назначению и упорядочению учета подарков, поступающих для Красной Армии от населения страны». В соответствии с его требованиями именные подарки красноармейцам и командирам, а также продовольственные подарки от населения и организаций, предназначенные для определенных воинских частей, соединений и армий, необходимо было доставлять строго по назначению в соответствии с пожеланиями отправителей. При этом ценные вещевые подарки (часы, портсигары и т.д.), не имеющие прямого места назначения, необходимо было передавать в распоряжение военных советов фронтов, армий, командиров соединений и частей для выдачи военнослужащим, отличившимся в боевых операциях. Продовольственные и имущественные подарки (в том числе и именные) принимались и учитывались на базах и складах НКО и в войсковых частях порядком, установленным для предметов военного снабжения. Из продуктов, поступивших воинским частям и на окружные, фронтовые и армейские базы, тыловые органы комплектовали на базах и складах индивидуальные посылки-подарки и направляли в части, подразделения и госпитали для выдачи бойцам и командирам, а также раненым и больным военнослужащим⁶⁹.

Помимо подарков, поступавших от населения страны, другим их источником являлись трофеи. Так приказом НКО от 16 июня 1942 г. № 188 «Об охране трофейного и отечественного вооружения и имущества, оставленного на полях сражений», было определено «личные ценные вещи, как-то: бинокли, фотоаппараты, часы, портсигары и тому подобные предметы, собранные

---

⁶⁷ ЦВМА. Ф. 79. Д. 39817. Л. 134 – 136.

⁶⁸ Русский архив. Т. 13 (2-2). С. 186.

⁶⁹ Русский архив. Т. 13 (2-2). С. 234-235.

войсками с убитых вражеских солдат и офицеров, а также захваченные в обозах, штабах и складах противника, сдавать по утвержденной описи на армейские склады трофейного вооружения и имущества», эти ценные вещи на складах приходовались установленным порядком и зачислялись в наградной фонд военных советов армий⁷⁰. Отдельный порядок учета и расхода был предусмотрен для ценных вещей из золота, серебра, платины, драгоценных камней, ценных бумаг и всех денежных знаков, собранных или захваченных у противника, а также для ценных вещей и денежных знаков, собранных у погибших красноармейцев и командиров, которые, по понятным причинам, в качестве наград не использовались. При этом лица, виновные в присвоении указанных ценных вещей должны были предаваться суду военного трибунала.

Во время Великой Отечественной войны в наградной системе военнослужащих особое место стало занимать поощрение отличившихся в боях холодным и огнестрельным именованным оружием. Возрождение практики награждения оружием в годы войны носило стихийный характер и произошло во многом благодаря восстановлению офицерских традиций в РККА, а также желанию военного командования своевременно отметить мужество и героизм отличившегося военнослужащего предметом, имеющим функциональное назначение и одновременно символизирующим именно его боевые заслуги.

С юридической точки зрения оружие, вручаемое в качестве поощрения в годы войны, в полной мере к наградному отнести нельзя, так как наградное оружие должно иметь утвержденные соответствующими государственными органами образцы, а поощрение им должно производиться согласно статута, регламентирующего требования, предъявляемые к награждаемому и порядок представления к такой награде, поэтому правильнее его было бы называть подарочным.

Отличительными признаками подарочного оружия от обычного являлись:

во-первых, это наличие дарственной надписи, наносимой, как правило, на ножнах или деталях оружия гравировкой и содержащей краткую информацию о награжденном и дарителях;

во-вторых, ножны или рукоять оружия украшались, как правило, красной звездой или декоративными элементами и общее оформление такого подарка было подчеркнуто ярким и красочным.

Статистических данных о награждении именованным подарочным оружием во время Великой Отечественной войны автором статьи, к сожалению, не было обнаружено, но имеются сведения о поощрении лиц высшего командования за годы войны и послевоенный период до 1991 года. Всего учтено 171 награждение: 122 – охотничьими ружьями и карабинами, 34 – пистолетами, 14 – кортиками, 1 – шашкой⁷¹.

Таким образом, порядок и правила награждения военнослужащих ценными подарками во время войны не претерпели существенных изменений, за исключением расширения источников поступления и разнообразия подарков. Поощрение военнослужащих вещевыми и продовольственными ценными подарками было оформлено нормативными правовыми актами высшего военного руководства. Тыловыми органами производились прием, хранение и распределение подарков в порядке, установленном для предметов военного снабжения. Соответствующими органами осуществлялся контроль за сохранностью и законностью использования данного имущества. Вместе с тем, порядок и правила поощрения наградным оружием в ходе Великой Отечественной войны не получили должной юридической регламентации.

С началом войны одним из самых массово применявшихся видов поощрений военнослужащих, помимо вышеназванных, стало присвоение воинских званий. Развитие практики применения данного вида поощрения в военное время шло по нескольким направлениям.

Во-первых, были значительно расширены полномочия органов военного управления в целях быстрого присвоения внеочередных воинских званий командно-начальствующему составу, красноармейцам и краснофлотцам, отличившимся в боях за Родину. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1941 года, было предоставлено право

---

⁷⁰ Русский архив. Т. 13 (2-2). С. 254-255.

⁷¹ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. М. Воениздат. 2002. Т. 6. С. 160.

«присвоения внеочередных военных званий» военным советам армий – до старшего лейтенанта, политрука и им равных включительно, а военным советам фронта – до майора, батальонного комиссара и им равных включительно. Звания до полковника, а на флоте капитан-лейтенант и капитанов всех рангов, присваивались по-прежнему приказами Народных комиссаров, а генеральские и адмиральские звания – Постановлением Правительства⁷².

Во-вторых, помимо того, что Государственным Комитетом Обороны сроки выслуги в воинских званиях были намного сокращены (при участии в боевых действиях младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант – 4 месяца; для капитана, майора, подполковника – 6 месяцев), для лиц командного состава, раненных в бою или награжденных орденами, в целях поощрения, сроки выслуги сокращались наполовину⁷³.

В-третьих, в 1943 году, вместе с установлением деления военнослужащих на рядовой, сержантский, офицерский состав и генералов, вводился новый вид поощрения – присвоение первичного офицерского звания «младший лейтенант» лицам сержантского и рядового состава воинских частей действующей армии «за проявленное умение командовать в бою». Дисциплинарными полномочиями по применению данного вида поощрения был наделен командующий фронтом, а в исключительных случаях, командующий армией. Кроме того, командующие армиями (флотилиями) получили право присвоения последующих офицерских званий до старшего лейтенанта включительно, а командующие фронтами (флотами) – присваивать офицерские звания до майора включительно.

Расширение дисциплинарных полномочий военного командования в присвоении внеочередных воинских званий, сокращение сроков пребывания в воинских званиях, награждение первичным офицерским званием, по мнению автора, сыграли положительную роль в развитии дисциплинарных правоотношений военнослужащих в период Великой Отечественной войны. Указанные изменения значительно влияли на дальнейшее продвижение офицеров на вышестоящие должности, т.к. согласно Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом 1935 года, получение военнослужащим очередного воинского звания и продвижение его на вышестоящую должность в определенной степени дополняли друг друга, поэтому эти виды поощрений необходимо рассматривать в полной взаимосвязи друг с другом. В годы войны была создана реальная возможность роста офицеров действующих армии и флота от лейтенанта до подполковника всего за полтора-два года.

Рассмотрев проблематику реализации мер поощрения военнослужащих в условиях боевой обстановки Великой Отечественной войны, автор пришел к следующим выводам.

За годы войны система поощрений, предусмотренных довоенными Дисциплинарными уставами РККА и ВМФ, не претерпела кардинальных изменений, однако подверглась реформированию в целях приспособления к решению задач по обеспечению военной защиты государства. Являясь составной частью системы дисциплинарных правоотношений, она выступала важным фактором стимулирования боевой активности военнослужащих действующих армии и флота, что приводило к победам в кровопролитных сражениях на земле, в море и в воздухе.

Высшее руководство Союза ССР, несмотря на идейность советского воспитания, провозглашение коммунистических принципов материального равенства между людьми, отрицание частной собственности, за время Великой Отечественной войны, наряду с применением моральных стимулов, все же признало необходимость усиления материальной поддержки военнослужащих армии и флота. С этой целью была создана система ежемесячных и единовременных денежных выплат им от государства, находящегося в сложной экономической ситуации. В практику поощрения личного состава за достижение высоких результатов в боях и обеспечении боевой деятельности войск было введено множество денежных наград и премий, соразмерных нанесенному урону врагу. Активно использовалось материальное поощрение военнослужащих вещевыми и продовольственными ценными подарками, поступавшими на фронт от гражданского населения и различных организаций, а также трофейного происхождения.

---

⁷²Русский архив. Т. 13 (2-2). С. 64.

⁷³Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10) М.; ТЕРРА, 1996. С. 98.

Положительный опыт правового регулирования системы стимулирования служебно-боевой активности военнослужащих, накопленный в период Великой Отечественной войны, следует изучать и учитывать в настоящее время при разработке и совершенствовании законодательства на случай возникновения чрезвычайных ситуаций. Разумным применением различных видов поощрения подчиненных можно достичь более высоких результатов в укреплении воинской дисциплины, поэтому законодателю необходимо расширить полномочия командиров всех степеней в данной сфере дисциплинарных правоотношений военнослужащих, особенно предусмотреть это для условий боевой обстановки.

Библиографический список.

1. Бородин Н.В. Укрепление воинской дисциплины в Отечественной армии (исторический опыт). М., Изд-во Военного университета, 2000. 184 с.
2. Военная энциклопедия. В 8-ми томах. М. Воениздат. 2002. Т. 6.
3. Дисциплинарный устав Военно-Морского Флота Союза ССР. М.; Л.: Военмориздат, 1941. 64 с.
4. Дисциплинарный Устав Красной Армии М.: Воениздат НКО СССР, 1941. 32 с.
5. Приказы Верховного главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. 598 с.
6. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 1937 г.–21 июня 1941 г. Т. 13 (2-1). М.: ТЕРРА, 1994. 368 с.
7. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. - 1942 г. Т. 13 (2-2). - М.: ТЕРРА, 1997. 448 с.
8. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). М.: ТЕРРА, 1996. 624 с
9. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). - М.: ТЕРРА, 1996. 424 с.
10. Смыслов О.С. Символы отваги и мужества. Армейский сборник, 1996. №5.
11. Центральный военно-морской архив Российской Федерации. Ф. 2, 79, 216, 1087.

И.Н. Вахренева, юрисконсульт группы правового обеспечения аппарата Пограничного управления ФСБ России по Мурманской области

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, СОВЕРШАЕМОГО ВОИНСКИМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ, И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ*

В статье раскрывается криминалистическая характеристика злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, и ее значение для расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, характеристика злоупотребления полномочиями, воинские должностные лица.

The criminalistic description of the abuse of authority by military officials and its importance in the investigation process

This text is about criminalistic description of the abuse of authority by military officials and its importance in the investigation process.

Keys words: criminalistic description, military officials, importance in the investigation process.

Разработка криминалистической методики расследования злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, определяется необходимостью качественного и эффективного расследования данных преступлений.

При обосновании методики расследования преступлений необходимо исследовать правовые, теоретические и практические аспекты, т.е. источники криминалистических рекомендаций, которыми являются нормы материального и процессуального права; следственная практика и наука. Конечным продуктом криминалистической науки, поступающим на вооружение следственной практики, являются частные методики, содержание которых на основе положений и выводов общей и частных криминалистических теорий компенсируют криминалистические рекомендации по осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений, т.е. «научно обоснованные и апробированные практикой советы, касающиеся организации расследования, выбора и применения с учетом определенных обстоятельств технико-криминалистических средств и криминалистических приемов»⁷⁴.

Полученные нами результаты обобщения практики расследования злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, по специально разработанным анкетам (в том числе и в пограничных органах); анализа статистических данных о состоянии преступности в пограничных органах, в воинских частях Ленинградского, Мурманского, Псковского, Смоленского, Калининградского гарнизонов за период с 2007 г. по 2013 г.; изучения материалов 158 уголовных дел, возбужденных по злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); опроса 133 следователей военно-следственных отделов позволили обосновать соответствующую методику. Методика расследования злоупотребления должностными полномочиями представляет собой закономерно обусловленную спецификой общественных отношений в сфере законной деятельности органов военного управления, других войск, воинских (специальных) формирований и органов, осуществляющих

---

* Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук.

⁷⁴ Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Халиков. М., 1988.

функции по обеспечению обороны и безопасности государства, информационную модель научно обоснованных криминалистических условий их совершения и рекомендаций по выявлению, расследованию и раскрытию преступных посягательств на указанную группу общественных отношений.

Структурными элементами методики расследования злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, являются:

- криминалистическая характеристика злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами;
- возбуждение уголовного дела о злоупотреблении должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами;
- организация расследования уголовного дела о злоупотреблении должностными полномочиями воинскими должностными лицами;
- тактика производства следственных действий на первоначальном этапе расследования злоупотребления должностными полномочиями воинскими должностными лицами;
- тактика производства следственных действий на последующем этапе расследования злоупотребления должностными полномочиями воинскими должностными лицами.

Следует отметить, что криминалистическая характеристика злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, имеет ряд особенностей⁷⁵. Содержание методики расследования злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами определяется структурой криминалистической характеристики данной группы преступлений и её элементами. Криминалистическая характеристика является важным элементом расследования должностных преступлений в связи с тем, что содержит в себе необходимую практическую информацию для расследования преступления, а главное, исходит из субъекта преступления, т.е. воинского должностного лица. Это является главной особенностью криминалистической характеристики злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, т.к. исходя из субъекта, можно определить характер преступных действий должностного лица, которые связаны с его полномочиями и с правовым статусом⁷⁶.

Таким образом, криминалистическая характеристика является понятием, включающим наиболее полную и индивидуализированную информацию о преступлении и участниках этого преступления, которая непосредственно оказывает помощь при расследовании определённого вида преступления. Анализ различных точек зрения, материалов уголовных дел по должностным преступлениям позволяет определить криминалистическую характеристику злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, как систему обобщенных фактических данных о наиболее типичных криминалистически значимых признаках злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, знание которых необходимо для организации и осуществления наиболее успешного раскрытия, расследования и предупреждения таких преступлений.

Криминалистическая характеристика злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, содержит следующие элементы:

- механизм злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами;
- данные о личности военнослужащего, мотивы и цели совершённого преступления;
- данные о личности потерпевшего военнослужащего;

---

⁷⁵ Холопова, Е.Н. Криминалистическая характеристика злоупотреблений должностным лицом своими полномочиями. Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений / Е.Н. Холопова, И.Н. Вахренева // Академия управления МВД России. 2011. Ч. 3; Вахренева, И.Н. Криминалистическая характеристика злоупотреблений полномочиями и превышения полномочий воинскими должностными лицами. Актуальные проблемы права / И.Н. Вахренева // Научно – практический сборник ФГОУ ВПО «КПИ ФСБ России». 2011. № 4.

⁷⁶ Халиков, А.Н. Основы расследования должностных преступлений: учебн. практ. пособие / А.Н. Халиков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 50-51.

– способ и обстоятельства преступления.

Криминалистическая характеристика злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, связана с уголовно-правовой характеристикой, криминалистической, психологической характеристиками преступлений по различным основаниям. Следует отметить, что «криминалистическая характеристика опирается на такие уголовно-правовые категории, как «преступление» и «состав преступления». Кроме того, она разрабатывается на основе той классификации преступлений, которая принята в Особенной части УК РФ»⁷⁷.

Одним из основных элементов уголовно-правовой характеристики является объект преступления. В качестве объекта злоупотребления должностными полномочиями следует рассматривать в первую очередь общественные отношения, существующие в сфере охраны прав и законных интересов личности⁷⁸. Важным элементом для криминалистической и уголовно-правовой характеристики злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, является преступное действие или бездействие. Злоупотребление должностными полномочиями, совершаемое воинскими должностными лицами, совершается чаще действием, чем бездействием, так как преступное деяние нарушает обязательные для исполнения законы и другие нормативно-правовые акты⁷⁹.

В криминалистике данный элемент входит в понятие способа совершения преступления, а в уголовном праве включается в объективную сторону преступления, куда входит также понятие способа совершения преступления⁸⁰. Способ совершения злоупотребления должностными полномочиями, совершаемое воинскими должностными лицами в криминалистике и уголовном праве имеет различия. Способ совершения преступления в рассматриваемых характеристиках занимает центральное место, т.к. способ совершения определяет наличие или отсутствие в действиях определённого лица состава преступления. В криминалистической характеристике отражаются те стороны способа совершения преступления, которые индивидуализируют действия лица, направленные на достижение преступного результата. Способ совершения преступления в целом и его отдельные структурные элементы, проявляющиеся преимущественно в материальных следах, являются важным источником сведений о поведении преступника⁸¹. С позиции уголовного права временной отрезок способа совершения преступления короче, чем в криминалистической характеристике. В уголовно-правовом отношении он начинается с момента совершения действий, описанных в диспозициях статей Особенной части УК РФ⁸². Таким образом, при рассмотрении способа совершения злоупотребления должностными полномочиями воинскими должностными лицами с позиции уголовного права он будет рассматриваться только с момента непосредственного использования воинским лицом своих должностных полномочий вопреки интересам службы. Также необходимым признаком является наступление преступного результата, то есть наступление того результата, которого воинское должностное лицо желало добиться, злоупотребляя должностными полномочиями.

Установление способа совершения преступления помогает раскрыть и другие элементы, как состава преступления, так и криминалистической характеристики. По характеру совершенных преступных действий можно выдвинуть версии об объекте и предмете преступного посягательства, субъективной стороне, субъекте преступления, а также о механизме следообразования.

---

⁷⁷ Чистова, Л.Е. О соотношении уголовно-правовой и криминалистической характеристик / Л.Е. Чистова // Вестник криминалистики. Выпуск 1. М.: Спарк, 2006. С. 35-43.

⁷⁸ Ульянов, Д.В. Расследование злоупотребления должностными полномочиями : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ульянов Дмитрий Владимирович. Люберцы, 2011. С. 16.

⁷⁹ Там же. С. 55.

⁸⁰ Чистова, Л.Е. Указ. соч. С. 35-43.

⁸¹ Гаврилин, Ю.В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций / Ю.В. Гаврилин, Н.Г. Шурухнов; под ред. проф. Н.Г. Шурухнова. М.: Книжный мир, 2004. С. 52.

⁸² Чистова, Л.Е. Указ. соч. С. 35-43.

Механизм слеодообразования или особенности оставляемых преступниками следов в уголовно-правовой характеристике составляет объективную сторону преступления. Элементом уголовно-правовой характеристики злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, является субъективная сторона (вина, мотив и цель). В криминалистической характеристике данное понятие отсутствует, но существует другая категория – обстоятельства, подлежащие установлению, которые включают в себя вину, мотив и цель.

Объективные элементы криминалистической характеристики злоупотребления должностными полномочиями (время и место; способ совершения и сокрытия преступления; механизм слеодообразования) имеют особенности для должностных лиц Минобороны России и должностных лиц пограничных органов. Местом злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами пограничных органов в большинстве случаев является пункт пропуска через государственную границу или пограничная застава, совершается злоупотребление в основном в дляншееся время (служебное и неслужебное).

Способ совершения злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами пограничных органов, – это комплекс следующих действий:

- сообщение сведений посторонним лицам о нахождении пограничного наряда;
- отдача незаконных указаний и распоряжений в устной форме;
- незаконная выплата денежных средств.

Механизм слеодообразования связан с ведомственными документами, регламентирующими деятельность должностных лиц пограничных органов.

Злоупотребление должностными полномочиями – это преступление, совершаемое с прямым или косвенным умыслом. Виновное должностное лицо сознает общественную опасность деяния, что оно действует (бездействует) вопреки интересам службы с использованием служебных полномочий, результатом чего может быть наступление последствий, существенно нарушающих охраняемые законом права и интересы граждан, организаций, государственные либо общественные интересы, желает или сознательно допускает последствия, либо относится к их наступлению безразлично⁸³.

Ещё одним необходимым элементом в уголовно-правовой характеристике является субъект преступления, в данном случае – это воинское должностное лицо. В криминалистической же характеристике данный элемент имеет иное название, а именно, «личность преступника».

С позиций криминалистики, обстоятельства, характеризующие личность преступника, имеют значение для выбора тактических приемов, применяемых в отношении определенного лица при производстве различных следственных действий. В криминалистической характеристике злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, ещё одним составляющим элементом является личность потерпевшего. В результате, если сопоставить две приведённые характеристики, можно сделать вывод, что данные характеристики являются различными и выступают отдельными институтами. Каждая из них несёт в себе определённые задачи и функции: уголовно-правовая характеристика несёт в себе функцию помощи при установлении правильной квалификации преступления, а криминалистическая характеристика помогает в раскрытии и расследовании данного преступления. Но при этом они имеют неразрывную связь между собой, так как являются дополнением друг для друга при выявлении и расследовании преступления.

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным, представляется возможным определить структуру криминалистической характеристики злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами. Элементы криминалистической характеристики злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами целесообразно разделить на две группы: объективные и субъективные элементы.

---

⁸³ Авдеев, С.В. Злоупотребление должностными полномочиями (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / Авдеев Сергей Владимирович. М., 2006. С. 93-94.

Таким образом, в криминалистическую характеристику злоупотребления должностными полномочиями, совершаемого воинскими должностными лицами, необходимо включить объективные и субъективные элементы; это будет подчёркивать взаимосвязь уголовно-правовой и криминалистической характеристики, позволит определить совокупность специфических признаков, необходимых для установления события преступления, виновности обвиняемых и других обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, которые составляют предмет доказывания по злоупотреблению должностными полномочиями и являются правовым основанием расследования преступлений.

К объективным элементам относятся:

– время и место злоупотребления должностными полномочиями, совершаемое воинскими должностными лицами;

– способ совершения и сокрытия преступления;

– механизм слеодообразования.

Субъективные элементы:

– личность военнослужащего-должностного лица;

– личность потерпевшего (военнослужащего);

– мотивы и цели преступного посягательства.

Библиография:

1. Авдеев, С.В. Злоупотребление должностными полномочиями (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / Авдеев Сергей Владимирович. М., 2006.

2. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Халиков. М., 1988.

3. Вахренева, И.Н. Криминалистическая характеристика злоупотреблений полномочиями и превышения полномочий воинскими должностными лицами. Актуальные проблемы права / И.Н. Вахренева // Научно – практический сборник ФГОУ ВПО «КПИ ФСБ России». 2011. № 4.

4. Гаврилин, Ю.В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций / Ю.В. Гаврилин, Н.Г. Шурухнов; под ред. проф. Н.Г. Шурухнова. М.: Книжный мир, 2004.

5. Ульянов, Д.В. Расследование злоупотребления должностными полномочиями : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ульянов Дмитрий Владимирович. Люберцы, 2011.

6. Халиков, А.Н. Основы расследования должностных преступлений: учебн. практ. пособие / А.Н. Халиков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010.

7. Холопова, Е.Н. Криминалистическая характеристика злоупотреблений должностным лицом своими полномочиями. Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений / Е.Н. Холопова, И.Н. Вахренева // Академия управления МВД России. 2011. Ч. 3.

8. Чистова, Л.Е. О соотношении уголовно-правовой и криминалистической характеристик / Л.Е. Чистова // Вестник криминалистики. Выпуск 1. М.: Спарк, 2006.

Кардаш И.Л., начальник 4 кафедры Военного университета,
доктор военных наук, доцент, полковник

Kardash I.L. Service-combat activity of the internal troops of the MIA of
Russia and international humanitarian law

**СЛУЖЕБНО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД
РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО***

В статье рассматриваются особенности применения норм международного гуманитарного права в служебно-боевой деятельности внутренних войск, особенности, самих войск, как элемента системы обеспечения национальной безопасности государства, а также особенности условий, в которых внутренние войска выполняют возложенные на них задачи.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, внутренние войска, служебно-боевая деятельность внутренних войск.

The article considers the peculiarities of application of norms of international humanitarian law in the service and combat activity of the internal troops, especially the troops themselves, as part of the system of ensuring national security of the state, and especially the conditions in which internal forces to perform their tasks.

Keywords: international humanitarian law, the supply of negative conflict, internal troops, the service and the military activity of the internal troops.

Анализ вооруженных конфликтов последних лет указывает на устойчивую тенденцию, которую можно охарактеризовать как возрастание роли международного гуманитарного права (МГП), как системы правовых принципов и норм, применяемых в период вооруженных конфликтов (как международных, так и внутренних). Этот фактор непосредственно связан с целью МГП – облегчить, насколько возможно, бедствия и лишения, приносимые боевыми действиями.

Традиционно считается, что главные угрозы безопасности государства исходят извне. Вместе с тем, по данным международных исследовательских организаций, более половины вооруженных конфликтов последних десятилетий XX в. и первого десятилетия XXI в., затронувших территории около 100 стран и унесших жизни более 6 млн. человек, носили именно внутренний характер (рис. 1).

Рис. 1 Соотношение внутренних и других вооруженных конфликтов

---

* Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук.

Опыт мировой истории войн и вооруженных конфликтов подтверждает тенденцию смещения акцента в нанесении поражения – именно население становится основной мишенью, именно на него ложится основная тяжесть всех бедствий и лишений.

Кроме того, анализ последних событий в мире позволяет сделать вывод о возрастании роли внутренней стабильности и безопасности в государстве. События на Ближнем Востоке, на Украине показывают, чем может обернуться непринятие мер в случае возникновения массовых беспорядков, которые, не попадая в сферу применения норм МГП, могут трансформироваться в ситуацию, когда единственной формой разрешения противоречий становится вооруженная борьба. Другими словами, промедление в принятии силовых мер может привести к еще более тяжким последствиям, чем тот ущерб, который неизбежно следует за применением силы.

Не случайно Стратегия Национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года в качестве основного национального приоритета, наряду с национальной обороной, определяет общественную и государственную безопасность, сущность которой состоит в обеспечении защиты основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранении гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе¹.

Внутренние войска МВД России² с момента своего создания представляли собой важнейший элемент системы обеспечения национальной безопасности. Причем на разных этапах их развития роль в этой системе была различной.

Если в первые десятилетия XX в. основные усилия войск НКВД были сосредоточены преимущественно на решении специальных задач, то с началом войн и вооруженных конфликтов, наряду с выполнением специальных задач, войска принимали активное участие в боевых действиях на фронтах. Особая страница истории – участие войск в Великой Отечественной войне. Всего в боях с различной продолжительностью участвовали части 53 дивизий и 20 бригад внутренних войск. Беспрецедентную стойкость показали воины-чекисты во всех тяжелейших сражениях и боях: в обороне Брестской крепости, Риги, Таллина, Могилева, Ленинграда, Киева, Одессы, Тулы, в Московской и Сталинградской битвах, в битвах на Кавказе, на Курской дуге.

В послевоенные годы на плечи внутренних войск легла основная тяжесть задачи по борьбе с националистическим подпольем и его вооруженными формированиями. Совместно с сотрудниками органов внутренних дел и государственной безопасности соединения и воинские части внутренних войск внесли значительный вклад в разгром банд, оставленных фашистами и различными националистическими формированиями в западных районах страны.

Сегодня внутренние войска постепенно перешли в другое качество – они стали войсками постоянной готовности. На протяжении многих лет они являются наиболее боеготовой структурой для выполнения силовых функций в условиях мирного времени, обладая высокой мобильностью, будучи оснащенными современным вооружением и техникой, хорошо подготовленными в профессиональном отношении и имеющими значительный опыт участия в проведении контртеррористических операций и осуществления других мероприятий такого рода деятельности.

Таким образом, несмотря на то, что внутренние войска входят в систему МВД России и их служебно-боевая деятельность имеет преимущественно правоохранительную направленность, важнейшей формой их применения исторически являлись боевые действия. Поэтому, применительно к служебно-боевой деятельности внутренних войск, вопросы МГП являются весьма актуальными.

Вместе с тем, применение норм МГП в служебно-боевой деятельности внутренних войск имеет свои особенности, связанные, прежде всего, с особенностями самих войск, как элемента системы обеспечения национальной безопасности государства, а также особенностями условий, в которых войска выполняют возложенные на них задачи.

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537) // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <http://www.base.garant.ru/195521.htm> (дата обращения 15.09.2014).

² Далее – внутренние войска

Особенности войск определяются их предназначением и структурой, характеризуются принципами применения в различных условиях, задачами, а также формами применения и способами действий. Они базируются на закрепленной Уставом внутренних войск МВД России сущности служебно-боевой деятельности войск, которая, в отличие от Вооруженных сил (применительно к мирному времени и повседневной деятельности), состоит в практическом выполнении задач. Поэтому в то время, когда Вооруженные силы готовятся к действиям с применением норм МГП, внутренние войска применяют их в практической деятельности.

Первая и главная особенность – это жесткая регламентация служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России законодательными нормами. При этом нормативно-правовые основы деятельности, базируясь на положениях Конституции Российской Федерации, учитывают требования норм МГП.

В соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» внутренние войска входят в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации и предназначены для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств.

Сравнительный анализ предназначения внутренних войск и целевых установок МГП указывает на их принципиальное сходство. Это касается, кроме того, и объектов защиты – в области обеспечения безопасности личности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, перекликаются и принципы – деятельности внутренних войск и МГП. В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» к основным принципам деятельности внутренних войск относятся: законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, единоначалие, централизация управления. Не случайно первые и основные из них связаны именно с правовыми аспектами. А сопоставление с принципами МГП (законность, гуманность, различие, соразмерность, военная необходимость) также показывает их единую направленность.

Кроме того, значительное место при выполнении задач военнослужащими внутренних войск занимает применение специальных средств, которые могут быть отнесены к нелетальному оружию, а их применение в полной мере отвечает целевой установке МГП.

Поскольку внутренние войска МВД России являются одним из важнейших элементов системы обеспечения национальной безопасности государства, для их применения в рамках правового поля существенным является точное определение угроз, которым они противостоят.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года определяет основные источники угроз в сфере государственной и общественной безопасности:

- разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации;

- деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей), уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в том числе путем применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ;

- экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране;

- деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ;

- сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, а также связанных с коррупцией.

В соответствии с Военной доктриной Российской Федерации эти источники угроз относятся к сфере внутренних военных опасностей. Таким образом, применение внутренних войск МВД России для противодействия этим угрозам и опасностям является вполне логичным, и, что важно, законодательно обоснованным.

Анализ задач внутренних войск МВД России, определенных Федеральным законом «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», позволяет установить их связь с приведенными угрозами. В соответствии со ст. 2, на внутренние войска возлагаются следующие задачи:

- участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения;
- участие в борьбе с терроризмом и обеспечении правового режима контртеррористической операции;
- охрана важных государственных объектов и специальных грузов;
- участие в территориальной обороне Российской Федерации;
- оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации.

При этом сущность отдельных угроз прямо указывает на возможность их нейтрализации только в процессе вооруженной борьбы, с применением такой формы деятельности, как боевые действия.

Что касается условий применения войск, то учет их особенностей также играет важнейшую роль с точки зрения применения норм МГП. Именно правильное определение сложившейся обстановки позволяет действовать с учетом корректного применения всех необходимых норм.

Классификация условий применения внутренних войск может производиться по различным основаниям. Проведенные исследования позволили предложить вариант классификации, представленный на рис.2.

Рис. 2. Классификация условий применения внутренних войск

При этом ясно, что войска могут одновременно действовать в различных условиях, относящихся к разным ветвям классификации.

С точки зрения применения норм МГП заслуживают интереса особенности условий, действия в которых предусматривают применение таких форм, которые можно квалифицировать как «силовые» – боевые действия, специальная операция, боевая служба (вооруженный конфликт, территориальная оборона, режимы чрезвычайного положения и военного положения,

контртеррористическая операция). При этом во всех случаях в зависимости от политической обстановки войска могут применяться в условиях военного или мирного времени.

Достаточно показательным с точки зрения МГП представляется подготовка военнослужащих к действиям в условиях внутреннего вооруженного конфликта. Первая и основная особенность этих условий – военные действия ведутся на своей территории и противостоят войскам граждане преимущественно своей страны. И проблема состоит в том, что эти граждане, ведя, по сути, полномасштабные боевые действия в составе военизированных формирований, с точки зрения МГП не обладают статусом комбатанта. Другими словами, распространяя свое действие и на внутренние вооруженные конфликты, нормы МГП вопросы, связанные с непосредственно воюющими, практически не регулируют. В этой связи возникает необходимость идентификации этих формирований, в первую очередь – терминологическая.

В последние годы применительно к противостоящей стороне все чаще употребляется термин «иррегулярные формирования», который, отражая исключительно особенности комплектования формирований, вряд ли может быть применен в условиях внутреннего конфликта. Кроме того, мы нередко встречаем такие термины, как «боевик», «террорист», «повстанец», «бандформирование» и другие, которые, отражая определенные качественные и количественные стороны этого явления, не обладают свойством определенности.

Очевидно, что для военного специалиста наиболее приемлемым термином является «противник». При этом данный термин также нуждается в конкретизации.

Для военнослужащих внутренних войск знакомым и понятным является термин «незаконное вооруженное формирование» (НВФ). При этом, данный термин наиболее целесообразен и с точки зрения МГП – поскольку речь идет именно о внутреннем вооруженном конфликте.

Кроме того, именно этот термин применяется в федеральных конституционных законах – «О военном положении», «О чрезвычайном положении», федеральном законе «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Говоря о противнике, необходимо учитывать еще один аспект – применение противником способов и средств ведения военных действий. Как правило, они не отягощают себя соблюдением норм МГП. Пример тому – широкое применение смертников при осуществлении враждебных действий, идентификация которых также затруднена.

Кроме того, опыт показал еще одну из особенностей НВФ, связанную с нормами МГП – это особенности их структуры. Как правило, в составе НВФ присутствует группа, которая с целью экономии финансовых средств не находится постоянно с отрядом, проживая у себя по домам. В случае приказа командира формирования она прибывает к нему и выполняет задание, затем снова возвращается по домам и занимается обычным делом, или действует самостоятельно с согласия командира. Другими словами, являясь с точки зрения МГП гражданскими лицами, они, по сути, входят в состав вооруженных сил противоположной стороны.

Поэтому одной из особенностей служебно-боевой деятельности внутренних войск является грамотное применение норм МГП в условиях, когда противник эти нормы не соблюдает.

Таким образом, для внутренних войск МВД России вопросы применения МГП являются неотъемлемой стороной их служебно-боевой деятельности. В этой связи необходимым является не просто изучение МГП – этим войска занимаются в ходе повседневной деятельности. Сегодня речь должна идти о целенаправленной и полноценной подготовке к действиям в соответствии с нормами МГП. Система такой подготовки в своей основе должна иметь прочный теоретический фундамент, а содержание ее должно быть направлено на приобретение глубоких знаний и выработку практических навыков и умений действовать в различных ситуациях.

Библиография

1. «О военном положении»: Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <http://www.base.garant.ru/184121.htm> (дата обращения 15.09.2014).
2. «О чрезвычайном положении»: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <http://www.base.garant.ru/12123122.htm> (дата обращения 15.09.2014).

3. «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации»: Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ. – М.: ГКВВ, 2007.
4. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146) // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: [http:// www. base.garant.ru/197383.htm](http://www.base.garant.ru/197383.htm) (дата обращения 15.09.2014).
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: [http:// www. base.garant.ru/195521.htm](http://www.base.garant.ru/195521.htm) (дата обращения 15.09.2014).

С.Б. Матвийчук, Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент, matviu@tut.by

S.B. Matviychuk, Institution of Education Trade Union Federation "International University" MITSO ", PhD, associate professor, matviu@tut.by

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ПРЕСТУПНОГО ПРИКАЗА

В статье исследуется тема соотношения правовых норм военного и уголовного законодательства, регулирующего ответственность военнослужащих Вооруженных сил, других войск и воинских формирований Республики Беларусь за выполнение заведомо преступного приказа. Изучаются научные подходы ученых и практиков о соотношении незаконного и заведомо преступного приказа. Особое внимание уделено содержанию понятия приказа как правовой категории.

Ключевые слова: Вооруженные силы, военное руководство, уголовная ответственность, заведомо преступный приказ, единоначалие.

PECULIARITIES OF THE LIABILITY OF SERVICEMEN RESPUBLIKI OF BELARUS FOR THE IMPLEMENTATION OF OBVIOUSLY ILLEGAL COMMAND

The article is devoted to the theme of interaction between the legal norms of the military and criminal laws governing the responsibility of the Armed forces, other troops and military formations of the Republic of Belarus for the implementation obviously criminal orders. Explores the scientific approaches of scholars and practitioners about the ratio illegal and obviously criminal orders. Special attention is paid to the content of the concept of order as a legal category.

Keywords: Armed forces, the military leadership, criminal responsibility, knowingly criminal order, unity of command.

Одним из актуальных направлений совершенствования военно-административных отношений в настоящее время, является проблема укрепления исполнительской дисциплины, основу которой составляет принцип единоначалия, закрепленный в ст. 27 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее – УВС). В соответствии с ним единоначалие – принцип военного руководства, при котором командиры (начальники) наделены всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным, несут полную ответственность за все стороны жизни и деятельности войск. Единоначалие выражается в праве командира (начальника) единолично принимать решения, отдавать соответствующие приказы, обеспечивать их выполнение. Обсуждение приказа недопустимо, а неповиновение или неисполнение приказа является воинским преступлением» [1, с. 14]. Необходимо признать, что данный принцип фактически без изменений был перенесен из военного законодательства советского времени, впрочем, как и некоторые аналогичные. Например, в соответствии со ст. 6 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее – ДУ), командир (начальник) «осуществляет руководство подчиненными путем отдачи приказов (приказаний), которые являются законом для подчиненных и должны быть выполнены беспрекословно, точно и в срок. В случае неповиновения или сопротивления подчиненного командир (начальник) обязан для восстановления порядка и воинской дисциплины принять все установленные воинскими уставами и иными актами законодательства меры принуждения, вплоть до ареста виновного и привлечения его к уголовной ответственности» [1, с. 384]. Принцип единоначалия дублируется в уставах неоднократно. Так, в соответствии со ст. 28 УВС «по своему служебному положению и воинскому званию одни военнослужащие по отношению к другим могут быть начальниками или подчиненными. Начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения. Подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы начальника.

Выполнив приказ, он может подать жалобу, если считает, что по отношению к нему поступили неправильно» [1, с. 14].

Однако, в настоящее время военнослужащие в случае совершения преступления подлежат уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь 1999 года. Одной из новелл данного кодекса является то, что в ч. 3 Примечаний к главе 37 указывается, что «не является преступлением деяние, совершенное во исполнение приказа начальника, отданного по службе. Ответственность за последствия исполнения приказа несет начальник, отдавший приказ. Однако, за совершение преступления по заведомо преступному приказу начальника подчиненный подлежит ответственности на общих основаниях. При этом исполнение приказа может быть признано обстоятельством, смягчающим ответственность. За неисполнение заведомо преступного приказа подчиненный не подлежит ответственности» [2]. Последняя позиция закреплена и в ч. 1 ст. 438 УК, предусматривающей ответственность за такое воинское преступление, как неповиновение, где в диспозиции статьи оговорено, что исключением являются случаи, когда подчиненный отказался исполнить заведомо преступный приказ.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что современное состояние правовой системы нашего государства уже не позволяет провозглашать закреплённый в общевоинских уставах принцип безусловной обязательности приказа: «Приказ начальника - закон для подчиненного» в качестве догмы. В связи с этим вопрос соотношения уголовной ответственности за неисполнение приказов и выполнение заведомо преступного приказа является актуальным как в теории уголовного права, так и в судебной практике, одним из аспектов укрепления исполнительской дисциплины с учетом изменившегося законодательства как в воинских формированиях, создаваемых в соответствии с белорусским законодательством, так и в отношении всех иных лиц, действующих во исполнение обязательных для них приказов или распоряжений. Таким образом, можно сделать вывод о наличии коллизии между общевоинскими уставами Вооруженных Сил Республики Беларусь и Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), касающейся обязательности приказа начальника.

Следует обратить особое внимание, что в ст. 40 Общей части УК 1999 года была закреплена норма, в которой в качестве обстоятельства, исключаящего преступность деяния, называется исполнение приказа или распоряжения. В соответствии с ней, не является преступлением причинение вреда лицом, действующим во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданных в установленном порядке. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение. Лицо, совершившее умышленное преступление по заведомо преступному приказу или распоряжению, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Лицо, не исполнившее заведомо незаконный приказ или распоряжение, не подлежит уголовной ответственности. Анализ данной статьи позволяет прийти к выводу, что эти правила могут быть применимы не только к военнослужащим и военнообязанным, призванным на сборы (то есть субъектам воинских преступлений), но и всем иным лицам, действующим во исполнение обязательных для них приказов или распоряжений.

Решение коллизии между общевоинскими уставами Вооруженных Сил Республики Беларусь и УК Республики Беларусь невозможно без уяснения содержания понятия «приказ» применительно к условиям привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее, условий его обязательности, а также иных понятий, используемых в уголовном и военном законодательстве, наряду с приказом.

Понятие приказа в военно-административных отношениях приведено в ст. 33 УВС, как обязательное для исполнения, выраженное в строгом соответствии с законодательством Республики Беларусь, устное или письменное повеление начальника. Письменный приказ является основным распорядительным документом (правовым актом) военного управления, издаваемым на правах единоначалия командирами воинских частей (начальниками учреждений). Устные приказы отдаются всеми командирами (начальниками)». Следует обратить внимание на то, что действие общевоинских уставов Вооруженных Сил Указом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2001 г. № 355 распространено также на военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел, органов государственной безопасности, органов пограничной службы, других войск и воинских формирований, создаваемых в соответствии с белорусским законодательством, и на военнообязанных, призванных на сборы.

В современных условиях командирам воинских частей приходится решать множество различных задач боевой подготовки, боевого дежурства, внутренней, гарнизонной и караульной служб, обеспечения жизни и быта войск, быть участниками кадровых, трудовых и других правоотношений. Большинство

принятых ими решений оформляются в виде приказов, которые являются правовыми актами управления, выражающими волю командира на совершение определенных действий.

Приказ имеет две основные юридические функции. С одной стороны, это юридический факт, действие, с которым закон связывает начало, изменение или прекращение правоотношений. С другой стороны, приказ - это определенная форма правового акта управления. Приказы могут отдаваться письменно, устно или по техническим средствам связи, и форма отдачи приказа не может служить основанием для его неисполнения.

В соответствии со ст. 34 УВС ВС РБ «приказ (приказание) должен соответствовать требованиям законодательства, в том числе воинских уставов» [1, с. 15]. Соответствовать требованиям законодательства означает быть законным и обоснованным. Законность означает, что отданный приказ не противоречит законодательству Республики Беларусь. В данном случае понятие «законодательство» имеет расширительное толкование и включает все нормативные правовые акты, подлежащие обязательному исполнению: Конституцию Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, Указы Президента Республики Беларусь, постановления Правительства Республики Беларусь, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, ратифицированные государством (ст. 8 Конституции Республики Беларусь).

Необходимо отметить, что отдаваемый приказ не должен также противоречить воинским уставам и приказам вышестоящих должностных лиц. Следовательно, незаконным будет приказ, положения которого также противоречат требованиям приказов и иных актов военного управления вышестоящих должностных лиц, отданных в установленном порядке.

В современном военном и уголовном законодательстве не указаны основания для отказа от исполнения преступного приказа, и эта проблема требует правового решения в части определения понятия заведомо преступного приказа и оснований для отказа от исполнения заведомо преступного приказа. В настоящее время в Вооруженных Силах Республики Беларусь действует незыблемое право безусловности исполнения приказа.

Незаконным будет приказ, положения которого противоречат Конституции и законодательству Республики Беларусь, подзаконным правовым актам органов государственной власти и должностных лиц, воинским уставам, приказам и распоряжениям вышестоящих командиров и начальников, отданных в установленном порядке. В. Давыдов формулирует понятие «преступный приказ», как «...устное или письменное повеление начальника, направленное на совершение подчиненным предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, запрещенного этим законом под угрозой наказания» [3, с. 17].

Кроме понятия «законный приказ» в теории административного права применяется понятие «целесообразный приказ». Под понятием целесообразности приказа подразумевается установление порядка деятельности по достижению поставленной цели наиболее оптимальным способом, не нарушающим законодательства.

Следовательно, нецелесообразным будет приказ, который устанавливает не самые рациональные (оптимальные, экономичные) способы достижения законных целей.

Целесообразность и законность должны всегда находиться в тесном единстве, т. е. приказ должен не только не противоречить закону, но и установить наиболее оптимальный способ достижения поставленной цели, решения существующей задачи. Расширение правосубъектности воинских организаций, предоставление командирам права на самостоятельное заключение договоров, выбор исполнителей привели к расширению полномочий управления по усмотрению командира (начальника).

В настоящее время командиры, исходя из реально сложившихся экономических условий, при принятии решения по хозяйственным вопросам имеют право избрать наиболее оптимальный для части вариант с учетом ее специфики, стоящих целей и задач. Для одной части определяющим фактором может быть временной фактор, для другой - качество работ, для третьей - ценовые условия. Однако необходимо, чтобы эти факторы не выходили за установившиеся параметры экономических отношений.

Недопустимо противопоставление целесообразности и законности, всегда должно верховенствовать правовое предписание. Именно этим положением необходимо руководствоваться при принятии решения, издании приказа. Соблюдение принципа законности - основа презумпции правильности приказа.

Законный и целесообразный приказ должен быть и обоснованным. Отдавая приказ, командир должен быть убежден в правильности принятого решения, а подчиненные - в необходимости его исполнения. Определяя содержание понятия «обоснованность», необходимо исходить из того, что под ним подразумевается подтверждение фактами, серьезными доводами, убеждениями. На юридическом языке

это означает, что отданный приказ не только не должен противоречить законодательству в расширенном его понимании, но и соответствует объективно сложившимся отношениям и способствует достижению поставленных целей наиболее рациональным путем. Таким образом, необоснованным приказом целесообразно считать приказ, который не основан на реальных фактах, объективных показателях, нарушает финансовую дисциплину, ставит нереальные цели и задачи.

Необоснованные и нецелесообразные приказы можно классифицировать как несовершенные приказы. Несовершенство приказов заключается в недостаточной экономической обоснованности приказа, либо в несоответствии принятого решения поставленным целям и задачам.

Юридическая оценка несовершенных приказов имеет относительно-определенный характер, и для признания приказа, нецелесообразным или необоснованным необходимы проведение разбирательства, оценка условий его отдачи и наступивших последствий.

В случае если приказ будет признан несовершенным, т. е. не соответствующим реальным условиям, отдан без соблюдения необходимых процессуальных процедур, не соответствовать поставленным целям, вышестоящие прямые командиры (начальники) могут потребовать его отмены.

Действия должностных лиц по нейтрализации негативных последствий отдания несовершенных приказов должны носить избирательный характер. Если в результате отдачи и исполнения приказа нарушены права и свободы военнослужащих, интересы службы или государства, то приказ должен быть отменен лицом, отдавшим этот приказ, либо его вышестоящим прямым командиром, начальником. Должностное лицо, отдавшее несовершенный приказ, может быть привлечено к административной, дисциплинарной или (и) материальной ответственности.

Привлечение военнослужащих к уголовной ответственности за принятие необоснованных или нецелесообразных решений представляется необоснованным, неоправданным и незаконным, так как при этом отсутствует факт умысла и корыстных целей, о чем говорится далее. Особое значение имеет классификация приказа как незаконного. Это связано с тем, что виновные лица, отдавшие такой приказ, могут быть привлечены к уголовной ответственности. Конкретную квалификацию приказу должен давать только орган судебной власти. Не каждый незаконный приказ является преступным, в то время как каждый преступный приказ - незаконен.

Преступным целесообразно считать приказ лишь в том случае, когда будет доказано, что, отдавая его, должностное лицо преследовало корыстные цели, получение личных выгод в ущерб интересам общества или государства, а в результате его исполнения наступили отрицательные последствия для государства, общества или личности.

Важным фактором для квалификации приказа является выявление физического и психологического состояния должностного лица, отдавшего преступный приказ, а также условий, при которых он был отдан. Например, если лицо, отдающее приказ, находится в состоянии аффекта или под воздействием наркотических, алкогольных средств, подчиненные должны принять все меры для уточнения приказа у вышестоящих командиров, начальников.

Уголовный закон, с одной стороны, предоставляет военнослужащему право самому оценивать, законным или преступным является отдаваемый ему приказ, предвидеть, какие последствия повлечет его исполнение, с другой стороны, обязывает это делать. В. Лосев справедливо отмечает, что «...строгая воинская дисциплина и порядок подчиненности опираются в армии не на слепое повиновение или только страх наказания [4, с. 54]. Как гласит ст. 2 ДУ, воинская дисциплина основывается на осознании каждым военнослужащим воинского долга и личной ответственности за защиту Республики Беларусь. Поскольку незаконный приказ лишен государственно-правовой защиты, закон предоставляет подчиненному право не исполнять заведомо преступный приказ. Более того, уголовный закон устанавливает, что за совершение умышленного преступления по заведомо преступному приказу начальника подчиненный подлежит ответственности на общих основаниях. К сожалению, эти принципиальные положения нашли свое отражение только в современном уголовном, но не в военном законодательстве. В соответствии со ст. 37 УВС «Приказ командира (начальника) должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. Военнослужащий, получив приказ, отвечает: "Есть" - и затем выполняет его. При необходимости убедиться в правильном понимании отданного приказа командир (начальник) может потребовать краткого его повторения, а военнослужащий, получивший приказ, - обратиться к командиру (начальнику) с просьбой повторить (уточнить) его». Исследуя структуру преступных приказов, целесообразно отказаться от формального подхода к их оценке и дополнить ст. 34 УВС Республики Беларусь общими положениями о понятии «заведомо преступный приказ» и правовых основах для отказа от

его исполнения или требования его подтверждения, уточнения у вышестоящих командиров (начальников) или оформлению в письменной форме.

Таким образом, в связи с закреплением в уголовном законодательстве положений об ответственности военнослужащих за выполнение заведомо преступного приказа было бы логичным внести соответствующие дополнения в действующие воинские уставы.

Литература

1. Об утверждении общевойсковых уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., N 355: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.04.2012 № 157 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – №62. – 1/2794, 2012. – № 248. – 1/13425.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г., № 275-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.11.2008 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. Давыдов В. Ответственность военнослужащего за выполнение преступного приказа / В. Давыдов // Судовы весн. – 2004. – № 2. – С. 16–18.
4. Лосев В. Исполнение приказа в условиях военной службы, как обстоятельство, исключающее преступность деяние / В. Лосев // Судовы весн. – 2005. – № 1. – С. 53–55.